

Դոմաքեր Ջեղազյան

ՆՈԲԵԼԻՏԵՎՐԻ
СНОВ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВ

Москва
«БОБОК»

Главный редактор Ив. Логинов
Ответственный секретарь С. Котьяло
Технический редактор Н. Александрова
Художник В. Дунько

Роджер Желязны.

Повелитель снов. Пер. с англ. Ал. и Ан. Каваловых. М.,
ТОО «БОБОК» 1991.

© Альманах «БОБОК», 1991
© Перевод с английского Ал. Кавалова
и Ан. Кавалова, 1991
Copyright © 1966 by Roger Zelazny
ACE Books, New York

Сдано в набор 1.11.91 Подписано в печать 11.12.91
ЛР № 070057 от 26.07.91 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага. тип. № 1. Печать высокая
Усл. печ. л. 7,77 Усл. кр.-отг. 8,17 Уч.-изд. л. 7,92
Тираж 100 000 экз. Зак. 8237 Цена договорная

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
140010, Московская обл., г. Люберцы, 10, Октябрьский пр., 403

*Джуди,
С дубовой рощей по правому полю
щита и с волком, переходящим из
нее в левое.*

«Fidus et audax»¹

I

Как бы все это ни было красиво, с кровью и всем прочим, конец, чувствовал Рендер, близок.

Поэтому, решил он, лучше, чтобы каждая микросекунда равнялась минуте; возможно, нужно также увеличить температуру... Где-то на периферии мира темнота прекратила свое сокращение.

Что-то похожее на крещендо не доходящего до сознания громового раската, было остановлено на одной яростной ноте. Нота была дистиллятом стыда, боли и страха. Форум задыхался.

Цезарь скрючился снаружи неистовствующего круга. Его ладонь закрывала глаза, но он не мог не дать себе смотреть, сегодня — нет! У сенаторов не было лиц, их плащи запятнаны кровью, и голоса их всех похожи на крики птиц. С нечеловеческим бешенством вонзали они кинжалы в лежащее тело. Все. То есть, все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, продолжала расплзаться. Его рука поднималась и опускалась с механической регулярностью, и гортань, вероятно, испускала птичьи крики, но он был одновременно и участником, и далеким посторонним. Он был Рендер, формирующий.

Скрючившись, терзаясь и завидуя, Цезарь выкрикивал свои протесты:

— Вы казнили его! Вы убили Марка Антония — безвинного и безобидного гражданина!

Рендер повернулся к нему. Кинжал в его руке был огромен и покрыт запекшейся кровью.

— Так! — сказал он. Лезвие двигалось из стороны в сторону. Завороженный острой сталью, Цезарь покачивался в том же ритме.

— Почему? — закричал он. — Почему?

¹ «Верный и отважный» (лат.)

— Потому что, ответил Рендер, — он был римлянин более благородный, чем ты!

— Ты лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и вернулся к закланию.

— Это неправда, — кричал Цезарь, — неправда!

Рендер вновь обернулся и повел кинжалом. Цезарь следовал его колебаниям, как кукла.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, что задаешь вопросы об этой казни? Ты — никто. Ты смеешь умалять величие того, что происходит? Убирайся!

Человек с розовым лицом резко поднялся на ноги. Его волосы местами свалились, местами были прилизаны, тога в беспорядке. Он повернулся и пошел, оглядываясь через плечо. Он отошел далеко от круга убийц, но сцена не стала выглядеть меньше. Она сохранила электрическую четкость. Он почувствовал себя еще более далеким, еще более одиноким и ненужным. Рендер обогнул незамеченный ранее угол и стал перед ним слепым нищим. Цезарь схватился за его платье.

— У тебя есть плохое предзнаменование для меня сегодня?

— Опасайся! — издевался Рендер.

— Да, да, — вскричал Цезарь, — опасаться, хорошо! Чего мне опасаться?

— Ид...

— Да, Ид...

— Октемберских ид!

Он отпустил его одежду.

— О чем ты? Что такое октембер?

— Месяц!

— Ты лжешь! Месяца октембер нет!

— Это и есть день, которого должен бояться благородный Цезарь, — несуществующий день несуществующего месяца, который никогда не наступит в календаре!

Рендер исчез за другим, неожиданно возникшим углом.

— Подожди! Вернись!

Рендер засмеялся, и с ним засмеялся Форум. Птичьи крики слились в хор нечеловеческой насмешки.

— Ты дразнишь меня! — зарыдал Цезарь.

Форум был как печь, и испарина покрыла узкий лоб, острый нос и маленькую челюсть Цезаря стекловидной маской.

— Я тоже хочу быть убитым! — всхлипывал он. — Это несправедливо!

Одним невидимым движением пальца Рендер разорвал на части и закинул в черный мешок Форум, сенаторов и ухмыляющийся труп Антония. Последним исчез Цезарь.

Чарльз Рендер сидел перед девятью десятками белых кнопок и двумя красными, не смотря ни на одну из них. Его правая рука тихо двигалась по расположенной на уровне колен консоли, нажимая одни кнопки, пропуская другие и находя свой путь к следующим, в порядке, предусмотренном процедурой возвращения. Ощущения затухали, чувства сводились к ничему. Полномочный Представитель Эриксон познал забвение материнского чрева. Раздался слабый щелчок. Рука Рендера скользнула к концу нижнего ряда кнопок. Нажатие красной кнопки требовало сознательного решения. Волевого, если угодно.

Рендер поднял руки и снял корону с волосами Медузы — соединениями и с микроминиатюрными элементами слежения. Он выскользнул из-за своего полустола-полулужа, поднял капюшон, подошел к окну и, разминая сигарету, включил его на прозрачность. *«Дам минуту в камере, — решил он, — не больше. Сегодня был решающий... Хоть бы снег не пошел. Чертовы облака...»*

Под глинистого цвета небом светились гладкие желтые квадраты и высокие стеклянно-серые башни. Город состоял из квадратных вулканических островов, освещенных вечерним светом и обтекаемых громыхающими и нигде не замедляющимися реками спешащего транспорта.

Рендер отвернулся от окна и подошел к лежащему рядом со столом большому яйцу, гладкому и блестящему. Оно отразило его лицо, размазав орлиность носа, превратив глаза в серые блюдца, волосы в солнечные лучи на небе; его красноватый галстук сделался широким языком вампира. Он улыбнулся и, перегнувшись через стол, нажал красную кнопку.

Яйцо с шипением потеряло свою блестящую прозрачность, и посередине его появилась горизонтальная трещина. Сквозь матовую оболочку Рендер будто ясно видел, как морщится Эриксон, крепко сжимая веки в борьбе против возвращения в сознание со всем, что оно несло. Верхняя половина яйца поднялась вертикально, обнажив его, скрючившегося и розового. Открыв глаза, он не посмотрел на Рендера, а встал и начал одеваться. Рендер использовал это время для проверки камеры.

Он наклонился над столом и начал нажимать на кнопки: температурный контроль, полный диапазон — проверено; звуки — он поднял наушники: колокола, жужжание, скрипка, свист, крики, стоны, шум транспорта, прибор — проверено; модуль обратной связи, содержащий проанализированный собственный голос пациента, проверено; активатор ложа, цветное освещение, стимулянты вкусовых ощущений... Рендер закрыл яйцо, отключил питание и задвинул камеру в нишу, закрыв ладонью дверь. Ленты зарегистрировали правильную последовательность действий.

— Садись, — сказал он Эриксону.

Эриксон сел, продолжая суетливо возиться со своим воротником.

— Ты все помнишь, — сказал Рендер, — так что подводить итоги нет необходимости. Утаить что-либо невозможно. Я там был.

Эриксон кивнул.

— Тебе должна быть ясна важность этого эпизода.

Эриксон снова кивнул, наконец обретая голос.

— Но разве это считается? — спросил он. — Ведь это ты построил этот сон и контролировал его все время. На самом деле я его и не видел так, как я обычно вижу сны. Твоя возможность устраивать события подвела платформу под все, что ты собираешься сказать.

Рендер медленно покачал головой, стряхнул пепел в южное полушарие своей сделанной в виде глобуса пепельницы и посмотрел Эриксону в глаза.

— Я всего лишь подготовил сцену и формы. Но ты сам сделал их эмоционально значимыми и придал им статус символов, соответствующих твоей пробле-

ме. Если бы сон не был правильным аналогом твоего состояния, он бы не вызвал таких реакций. Он бы не пережился со всей этой страстностью.

— Ты анализируешься уже много месяцев, — продолжил Рендер, — и все, что я видел, убеждает меня в том, что твой страх быть убитым не имеет под собой никаких оснований.

Эриксон вытаращился на него.

— Так какого же, по-твоему, черта мне страшно?

— Тебе страшно, — сказал Рендер, — потому что тебе очень хочется быть убитым.

Эриксон улыбнулся, вновь обретая уверенность.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не пытался покончить с собой и у меня нет ни малейшего желания расстаться с жизнью.

Он достал и зажег сигарету. Его рука слегка дрожала.

— Придя ко мне летом, — сказал Рендер, — ты жаловался на страх перед возможностью покушения на твою жизнь. Но в плане причин, по которым кто-то может захотеть тебя убить, ты высказывался очень неясно.

— Мое положение! Невозможно быть Полномочным и не иметь врагов!

— Да, — ответил Рендер, — но ты, похоже, сумел. Когда-то я — с твоего разрешения — поговорил с твоей охраной и узнал, что ни у кого из них нет ни малейшего указания на то, что твои страхи имеют основание. Никакого!

— Они плохо искали. Или не там, где надо.

— Боюсь, что дело не в этом.

— Почему?

— Потому что, я повторяю, у твоих чувств нет никакого объективного основания. Будь искренен! Ведь у тебя нет никакой информации, говорящей о том, что кто-то ненавидит тебя так, что готов убить!

— Я получаю много угрожающих писем!...

— Как и все Полномочные Представители. И все они — по крайней мере за последний год — были отслежены. Их писали безобидные психи. Есть ли у тебя хоть одно настоящее свидетельство?

Эриксон молча смотрел на конец своей сигареты.

— Я пришел к тебе за советом, как к коллеге, —

сказал он наконец. — И позволил тебе соваться в мои мозги в надежде, что ты найдешь там что-то, с чего мои детективы могли бы начать работу. Кого-то, кого я сильно обидел, или, может, какой-нибудь законопроект...

— И я ничего не нашел. Ничего, кроме истинной причины твоего беспокойства. И сейчас ты, конечно, не хочешь выслушивать диагноз и стараешься меня увести...

— Я не стараюсь!

— Тогда слушай! Потом, если захочешь, прокомментируешь, но учти, что ты шатаешься здесь уже полгода, не желая признавать того, что я говорил тебе дюжиной разных способов. Сейчас я скажу тебе все прямо, а дальше ты делай с этим, что хочешь.

— Прекрасно!

— Во-первых, — сказал Рендер, — ты очень хочешь иметь врага или врагов...

— Великолепно!

— Потому что это единственная альтернатива тому, чтобы иметь друзей...

— У меня много друзей!

— Потому что никому не хочется быть никем — человеком, к которому никто не испытывает никаких настоящих чувств. Ненависть и любовь — первичные формы человеческих отношений. Не имея одной из них, ты стал искать другую. Ты так к ней стремился, что убедил себя, что она есть. Но на все есть цена. Попытка удовлетворить истинную потребность суррогатами не дает удовлетворения. Ты получаешь всего лишь беспокойство и дискомфорт. Дело в том, что во всех таких проявлениях душа должна быть открытой, а ты замкнулся. Ты не искал человеческих отношений вовне, ты просто создал то, что тебе было нужно из собственного материала. И сейчас ты очень нуждаешься в сильных отношениях с другими людьми.

— Дрянь!

— Можешь не принимать, — сказал Рендер. — Но я советую принять это.

— Я плачу тебе полгода за то, чтобы ты помог мне узнать, кто хочет меня убить! А ты садишься и

сообщаешь мне, что я все это придумал из желания быть кому-то ненавистным!

— Или любимым.

— Это абсурд! Я общаюсь со столькими людьми, что мне приходится носить за лацканом камеру с магнитофоном, чтобы запомнить, кого как звать!

— Я говорил не о количестве тех, с кем ты встречаешься. Скажи, ведь сон имел большое значение для тебя?

Несколько секунд было слышно тиканье настенных часов.

— Да, — признал, наконец, Эриксон, — но твоя интерпретация все равно абсурдна! И даже если принять, что ты прав, как бы я, по-твоему, мог от этого всего освободиться?

Рендер откинулся на спинку стула.

— Переведи энергию в другие каналы. Начни общаться с людьми в качестве Джо Эриксона, а не Полномочного Представителя Эриксона. Найди что-нибудь, что бы ты мог делать вместе с кем-то, может, даже какое-то соперничество, и займай настоящих друзей или врагов. Первое, конечно, предпочтительнее. Все это время я пытаюсь заставить тебя сделать именно это.

— Тогда скажи мне еще кое-что!

— Пожалуйста!

— Если предположить, что ты прав, то почему же никто никогда не относился ко мне ни хорошо, ни плохо? Я член правительства. Я все время встречаюсь с людьми. Так почему же все ко мне нейтрально — как к вещи!

Рендер хорошо знал детали карьеры Эриксона. Именно поэтому он сохранил свое истинное мнение при себе — оно просто не имело конструктивного значения. Ему хотелось процитировать Данте — о душах, отвергнутых небом как недостойные, но не принятых и преисподней из-за того, что они и не грешили, о тех, кто всегда имел паруса наготове для любого ветра, не имея собственного пути и не заботясь о том, к какому берегу пристанет. Именно такой была долгая и бесцветная, полная лояльности и перемен взглядов карьера Эриксона.

— Сейчас в таком состоянии оказываются все больше и больше людей, — произнес он, — в основном

из-за деперсонализации индивидуума в социометрической группе. Даже поучения друг другу люди сейчас читают в основном вынужденно. Нас сейчас много.

Эриксон кивнул. Рендер внутренне улыбнулся. *«Иногда грубя, затем поучая...»*

— Мне начинает казаться, что ты, возможно, и прав, — сказал Эриксон. — Иногда я таким себя и вижу — деперсонализированной социальной единицей...

Рендер взглянул на часы.

— Что ты будешь с этим делать — это, конечно, решать тебе. Думаю, что дальнейший анализ был бы тратой времени. Мы теперь оба знаем, в чем дело. Я не могу взять тебя за руку и показать, как жить дальше. Я могу указать причины и посоветовать. И когда тебе нужно будет обсудить то, что ты собираешься делать, и связать это с моим диагнозом, — приходи.

— Я приду, — кивнул Эриксон. — И будь проклят этот сон! Он меня задел. Ты их делаешь живыми, как сама жизнь, — более живыми. Я не скоро его забуду.

— Надеюсь!

— Ладно, доктор! — Эриксон поднялся и протянул руку. — Я, вероятно, вернусь через пару недель. Я честно попробую эту чертову социализацию. — Он улыбнулся слову, которому раньше хмурился. — Я даже, пожалуй, сейчас и начну. Может, выпьем там внизу, на углу?

Рендер пожал ладонь, принадлежащую, казалось, человеку изнуренному, как актер после слишком успешной пьесы. Ему было почти грустно говорить: «Спасибо, но у меня встреча». Он помог Эриксону надеть пальто, протянул ему шляпу и проводил его до двери.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Посмотрев на беззвучно закрывшуюся дверь, Рендер очертил темную Астрахань красной крепостью и, положив сигарету в южное полушарие,

откинулся на стуле, заложив руки за голову, и закрыл глаза.

— Еще бы не более живые, — сообщил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Их сформировал я.

Улыбаясь, он стал шаг за шагом вспоминать весь сон, думая при этом, что было бы неплохо, если бы его мог видеть кто-нибудь из его бывших наставников. Сон был хорошо построен, мощно исполнен и идеально подходил к имевшемуся случаю. Что ж, он был Рендер, формировщик, один из примерно двухсот или около того специальных аналитиков, чье собственное психическое развитие позволяло им входить в невротические образы, не унося оттуда ничего, кроме эстетического удовлетворения от своей уклончивой мимики.

Рендер продолжал вспоминать. Когда-то и его самого анализировали — и он оказался человеком с гранитной волей, сверхстабильным аутсайдером, способным выдержать василисковый взгляд установок, пройти невредимым мимо химер извращений, заставить темную Мать Медузу закрыть глаза перед кадуцеем своего искусства. Его анализ был простым. Девять лет назад (ему казалось, что гораздо раньше) он перенес намеренную инъекцию новокаина в наиболее болезненную часть духа. Это было после автокатастрофы и смерти Руфи и Миранды, их дочери. Тогда он и стал чувствовать себя отрешенным. Возможно, он и не хотел восстанавливать некоторые эмоции. Возможно, его собственный мир был теперь основан на некоторой жестокости чувств. Если это и было правдой, он строил его достаточно умно и, вероятно, считал, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру было уже десять. Он учился в частной школе и писал отцу каждую неделю. Письма становились все более и более художественными, показывая признаки раннего развития, которое Рендер только одобрял. Летом он возьмет мальчика с собой в Европу.

А что касается Джилл — Джилл Девилль (какое сочное и нелепое имя — он любил ее за него!), — ее интерес к нему продолжал возрастать. Иногда он подумывал о том, не проявление ли это ее прибли-

жающегося к среднему возрасту. И его сильно увлек ее немелодичный гнусавый голос, ее внезапный интерес к архитектуре, ее беспокойство по поводу неудаляемой родинки с правой стороны ее в остальном безупречного носа. Ему, пожалуй, следовало бы позвонить ей сейчас же и отправиться вдвоем на поиски нового ресторана. Но почему-то ему не хотелось этого делать.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как он последний раз был в своем клубе, который назывался «Куропатка и Скальпель», и сейчас ему сильно захотелось поужинать одному за дубовым столом, в комнате с тремя каминами, под светильниками в виде факелов и кабаньими головами. Он вложил в телефон перфорированную членскую карточку. Раздалось два гудка.

— Добрый вечер, «Куропатка и Скальпель», — произнес голос. — Чем могу быть полезен?

— Это Чарльз Рендер, мне нужен столик через полчаса.

— На сколько человек?

— Я один.

— Хорошо, сэр! Через полчаса. Я правильно слышал, Р-е-н-д-е-р?

— Верно.

— Благодарю вас.

Рендер встал из-за стола. За окном угасал день. Монолиты башен светились теперь своим внутренним светом. Мягкий снежок, похожий на сахарную пудру, просеивался сквозь облака и обращался на стеклах в блестящие бусинки. Рендер надел пальто, выключил свет и закрыл дверь офиса. На промокашке у мисс Хедж было написано: «Звонила мисс Девилль». Он скомкал ее и забросил в корзину для бумаг. Он позвонит ей завтра и скажет, что допоздна работал над лекцией. Повернув последний выключатель, Рендер натянул на голову шапку и вышел, заперев за собой внешнюю дверь. Спуск привел его в подвал, где стояла его машина. В подвале было холодно, и его шаги громко отдавались от стен. Рендер прошел мимо рядов автомобилей. Его Спиннер С-7 стоял, освещенный голой лампочкой, похожий на серый кокон, из которого в любой момент могут вырваться турбулентные завихрения. Двойной ряд расходящихся веером антенн усиливал впечатление.

Рендер открыл дверь и включил зажигание. Раздался звук, похожий на жужжание одинокой пчелы, проснувшейся в большом улье. Дверь беззвучно захлопнулась. Рендер поднял и зафиксировал руль, проехал по спиральному пандусу к выезду. Пока ворота медленно поднимались, он включил экран назначения и, вращая ручку, просмотрел карту слева направо и сверху вниз, пока не нашел нужный ему участок Карнеги авеню. Набрав координаты, он опустил руль. Автомобиль подключился к монитору и выехал на край автострады. Рендер зажег сигарету. Он оттолкнул свое сиденье к центру и стал смотреть сквозь оставленные прозрачными стекла. Было что-то приятное в пронсящих мимо подобно метеорам встречных машинах. Он откинул спинку и стал смотреть вверх.

Он еще помнил время, когда любил снег, ассоциировавшийся у него с романами Томаса Манна и музыкой скандинавских композиторов. Сейчас, однако, было еще что-то, от чего он не мог его отделить. Он ясно видел небольшие молочно-белые вихри, обтекающие его старый автомобиль с ручным управлением, затекая в обожженные внутренности, чтобы выбелить заново то, что почернело. Он видел это так ясно, как будто шел к своей машине по меловому дну озера: видел скрывающуюся под водой машину и себя — водителя, не могущего открыть рот из опасности захлебнуться. Каждый раз, когда он глядел на падающий снег, он знал, что где-то вода продолжает выбеливать останки. Но девять прошедших лет сняли большую часть боли, сейчас он видел также, что вечер очень красив.

Он быстро ехал вдоль широких улиц, проезжая по высоким мостам, поверхность которых была гладкой и блестящей в свете фар, пронесся сквозь неистовый танец снежинок, похожих на лепестки клевера, и влетел в тоннель, тускло светящиеся стены которого создавали ощущение нереальности. Наконец, он затемнил стекла и закрыл глаза.

Рендер так и не понял, задремал он на минуту или нет, что, вероятно, означало, что задремал. Почувствовав, что машина замедляет движение, он вернул кресло вперед и восстановил обзор. Почти одновременно зазвучал сигнал отключения. Рендер варулил на стоянку и остановил машину, получив

квитанцию от робота, который торжественно выражал свое отношение к человечеству тем, что показывал каждому, кто к нему обращался, язык-карточку.

Как обычно, и звуки, и свет были здесь приглушены. Казалось, что это помещение поглощает их и трансформирует в тепло, ласкает ароматами, такими сильными, что их можно попробовать на вкус, гипнотизирует живым потрескиванием очагов. Рендер с удовольствием отметил, что ему оставили его любимый столик — слева от меньшего из каминов. Он помнил меню наизусть, но тем не менее яростно набросился на него, потягивая «Манхеттен» и обдумывая наилучший способ угодить своему аппетиту. Сеансы формирования всегда вызывали у него зверский голод.

— Доктор Рендер...

— Да? — Он поднял голову.

— С вами хочет поговорить доктор Шелот, — сказал официант.

— Я не знаком ни с кем по имени Шелот. Может, ему нужен Бендер — это хирург из Метрополитен клиники, он тоже здесь иногда обедает...

— Нет, сэр. — Официант покачал головой и протянул Рендеру карточку, на которой заглавными буквами было напечатано его имя. — Доктор Шелот обедает здесь каждый вечер уже две недели и каждый раз просит сообщить, если вы вдруг появитесь.

— Да? — хмыкнул Рендер. — Странно. Почему же он просто не позвонит мне в клинику? — Официант ответил неопределенным жестом. — Ну, хорошо, проводите его сюда.

— Может быть, легче подойти вам... К сожалению, доктор Шелот плохо видит...

— Ладно, пошли.

Рендер встал, смирившись с тем, что покидает свой любимый стол, и сильно опасаясь, что этим вечером он к нему уже не вернется. Они пробирались между столиками, направляясь на следующий этаж. Кто-то, смутно знакомый, махнул рукой из-за дальнего столика у стены, Рендер кивнул в ответ. Студент семинара — Юргенс, то ли Юркинс... Они вошли в маленький зал, в котором были заняты только два стола. Нет, три. Кто-то еще сидел в углу, у дальнего

конца темной стойки, наполовину скрытый старинным военным облачением. Туда они и направлялись.

Они подошли к столу, и Рендер взглянул в темные очки, поднявшиеся при их приближении. Доктор Шелот оказалась женщиной, где-то около тридцати лет. Ее низкая золотистая челка частично скрывала маленький серебристый диск, который она носила на лбу и который выглядел, как кастовая метка. Рендер затянулся. Ее голова слегка дрогнула в направлении яркого огонька. Казалось, что она заглянула прямо ему в глаза. Это было неприятно, даже несмотря на то, что Рендер знал, все, что она может различить, — что поступает к ее зрительному нерву по тончайшим имплантированным проводам, соединяющим его с фотопреобразователем, — иными словами, только огонек сигареты.

— Доктор Шелот, это доктор Рендер, — произнес официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер.

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня зовут Эйлин, и я очень хотела с вами встретиться. — Ему показалось, что он заметил легкую дрожь в ее голове. — Вы присоединитесь ко мне на обед?

— С удовольствием, — ответил он, и официант придвинул еще один стул.

Рендер сел, заметив, что сидящая напротив женщина уже заказала себе выпивку. Он напомнил официанту о своем втором «Манхеттене».

— Вы уже заказали? — осведомился он.

— Нет.

— ...И два меню, — начал было он, но прикусил язык.

— Только одно, — она улыбнулась.

— Пусть будет ни одного, — поправился он и начал цитировать меню. Они заказали.

— Вы всегда так делаете?

— Что?

— Носите меню в голове.

— Только иногда, — ответил он, — на случай неловких положений. По какому поводу вы хотели меня видеть?

— Вы терапевт-нейроучастник, — сказала она, — Шейпер.

— А вы...

— Штатный психиатр в Государственной Психиатрической. У меня еще год.

— Значит, вы знали Сэма Рискомба.

— Да, это он помог мне получить это назначение. Он был моим руководителем.

— И моим очень хорошим другом. Мы вместе учились в Меннингере.

Она кивнула.

— Я часто слышала, как он говорит о вас, — это одна из причин, по которой я хотела с вами встретиться. Это он поощрял меня строить дальнейшие планы, несмотря на мои затруднения.

Рендер взглянул на нее. На ней было темно-зеленое бархатное на вид платье с приколотой слева, похожей на золотую, брошью — красноватым камнем, возможно, рубином, обрамленным контуром кубка. Или были это на самом деле очертания двух профилей, глядящих сквозь камень друг на друга? Это казалось Рендеру отдаленно знакомым, но вспомнить не удавалось. Камень дорого поблескивал в рассеянном свете.

Рендер взял у официанта свою выпивку.

— Я хочу стать нейроучастником, — произнесла она.

Если бы она обладала зрением, Рендер подумал бы, что она внимательно смотрит на него, стараясь уловить какой-нибудь отклик в выражении его лица. Он не мог в точности понять, что она хочет услышать в ответ.

— Я хвалю ваш выбор, — произнес он, — и уважаю вашу решимость. — Он постарался вложить в голос улыбку. — Но это нелегко, и не все требования являются академическими.

— Я знаю, — сказала она. — Но я слепа от рождения и дойти до сих пор было тоже нелегко.

— От рождения? — повторил он. — Я думал, что вы потеряли зрение недавно. Значит, вы проходили спецкурсы, и делали диплом, и работали в интернатуре... Это довольно впечатляет.

— Спасибо, — сказала она, — но это не так впечатляюще. Я услышала о первых нейроучастниках — Бартельмеце и других остальных, — когда была ребен-

ком, тогда я и решила, что хочу быть одной из них. С тех пор моя жизнь управлялась этим желанием.

— Что вы делали в лабораториях? — спросил он. — Не будучи в состоянии увидеть образец, заглянуть в микроскоп? . . . А все эти книги?

— Я нанимала людей читать мне вслух. Я все печатала. В школе понимали, что я хочу идти в психиатрию, они разрешили мне проходить лаборатории по специальной программе. Рассечением трупов со мной занимались ассистенты, мне все описывали. Я могу различать вещи наощупь. . . и у меня память вроде вашей с меню. — Она чуть улыбнулась. — О качестве феноменов психоучастия может судить только сам терапевт в момент вне времени и пространства, как мы нормально их знаем, когда он стоит посреди мира, поднятого из снов другого человека, распознает неевклидову архитектуру аббераций, берет своего пациента за руку и ведет по этому миру. И если ему удастся привести его обратно на обычную землю, значит, его суждения были обоснованными, а действия — оправданными.

— Из «Почему здесь нет психометрии», — отозвался Рендер.

— Написано Чарльзом Рендером, Доктором Медицины.

— Наш обед приближается, — заметил он, поднимая бокал, в то время как к ним подвозили срочно приготовленную еду.

— Это одна из причин, по которой я хотела с вами встретиться, — продолжила она, поднимая свой бокал. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Шейпером.

Ее пустой, как у статуи, взгляд за темными стеклами снова искал его.

— Ваша ситуация совершенно уникальна, — сказал он. — Слепого от рождения нейроучастника не могло существовать — по очевидным причинам. Прежде чем я смогу что-либо вам советовать, мне нужно рассмотреть все аспекты. Но давайте пока поедим. Я умираю с голоду.

— Хорошо. Но моя слепота не означает, что я никогда не видела.

Он не спросил ее, что она имела в виду, потому что перед ним стояла свиная грудинка, а у локтя

была бутылка «Шамбертена». Он, однако, выждал достаточно, чтобы заметить, когда она подняла из-под стола левую руку, что она не носила колец.

— Интересно, идет ли еще снег, — произнес он, когда они пили кофе. — Когда я подъезжал к стоянке, он валил довольно сильно.

— Надеюсь, что да, — сказала она, — хоть он и рассеивает свет и я вообще ничего не могу сквозь него увидеть. Люблю чувствовать, как он падает вокруг и садится мне на лицо.

— Как вы передвигаетесь?

— Моя собака, Зигмунд — я отпустила его на вечер, — она улыбнулась, — он может провести меня всюду. Он овчарка-мьют.

— О? — Рендеру стало любопытно. — Он хорошо говорит?

Она кивнула.

— Эта операция была у него не так успешна, как у некоторых других. У него словарь из четырехсот слов, но, по-моему, говорить ему больно. Он довольно умен. Когда-нибудь вы с ним познакомитесь.

Рендер слегка задумался. Он разговаривал с такими животными на последних медицинских конференциях и был поражен комбинацией способности к рассуждениям и преданности владельцам. Много переделок в хромосомах, за которыми следовала тонкая эмбриохирurgia, нужны были, чтобы дать собаке мыслительные способности большие, чем у шимпанзе. Для производства голосовых способностей были необходимы несколько последующих операций. Большинство таких экспериментов оканчивалось провалом, и дюжина или около того щенят в год, на которых они были успешными, оценивались в районе ста тысяч долларов каждый. Он понял тогда, зажигая сигарету и мгновение подержав пламя, что камень в медальоне мисс Шелот — настоящий рубин. Он начал подозревать, что ее поступление в школу медицины могло, в дополнение к ее аттестату, основываться на осязательном вкладе на счет выбранного ею колледжа. Но, возможно, я несправедлив, подумал он про себя с укором.

— Да, — сказал он, — мы можем сделать статью

о собачьих неврозах. Он когда-нибудь говорит о своем отце, «этот сын самки овчарки»?

— Он никогда не видел своего отца, — спокойно сказала она. — Его вырастили отдельно от остальных собак. Не думаю, чтобы он был типичным. Вряд ли можно изучить функциональную психологию собак по мутанту.

— Думаю, что вы правы, — не стал настаивать он. — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Решив, что настало время продолжить обсуждение, он сказал:

— Значит, вы хотите стать Шейпером...

— Да.

— Я ненавижу быть тем, кто разрушает чьи-либо устремления, — сказал он ей. — Бегу от этого, как от отравы. Но только не в случае, когда они не имеют никаких реальных оснований. Тут я могу быть безжалостным. Поэтому — честно, откровенно и со всей искренностью — я не вижу, как этого можно достичь. Возможно, вы прекрасный психиатр, но стать когда-нибудь нейроучастником вы не сможете ни физически, ни ментально. Что же касается оснований...

— Подождите, — сказала она. — Пожалуйста, не будем говорить об этом здесь. Я устала от людей вокруг. Возьмите меня поговорить куда-нибудь в другое место. Может, я смогу убедить вас, что способ есть.

— Почему бы и нет? — Он пожал плечами. — У меня полно времени. Назовите сами. Куда?

— Блайндспин?

Он подавил невольный смешок на это выражение, но она рассмеялась вслух.

— Прекрасно, — сказал он, — но я все еще хочу пить.

Была повторена бутылка шампанского, и он, несмотря на ее протесты, выписал чек. Шампанское появилось в разноцветной корзинке «Пей за рулем»; они встали; она была высокого роста, но он был выше.

Блайндспин.

Одно слово, обозначающее множество разных занятий, связанных с автоматически ведомым автомо-

билем. Мчась вдоль страны в уверенных руках невидимого шофера, с затемненными стеклами, в темной ночи под высоким небом, с шинами, рвущими дорогу, как четыре призрачные циркулярные пилы, начав с какой-нибудь стартовой линии, заканчивая в том же месте, никогда не зная, куда едешь или где был только что, можно на мгновение зажечь чувство индивидуальности в самом холодном мозгу, породить посредством отделения от всего мгновения самосознания. Это потому, что движение сквозь темноту есть первичная абстракция самой жизни, по крайней мере, так сказал один из комедиантов — и все присутствующие рассмеялись.

По существу, феномен, называемый Блайндспин — кружение вслепую, вначале распространился (можно подозревать) среди некоторой части молодых членов общества, когда управляемые автострады лишили их возможности использовать автомобили некоторыми, более индивидуалистическими способами, которые не одобряло Национальное Управление Контроля Движения. Нужно было что-то придумать.

Что и было сделано.

Первая, смертельно опасная реакция состояла в простой уловке, в отключении после въезда на управляемую автостраду контрольного передатчика. Результатом являлось то, что машина переставала существовать для монитора и управление передавалось тем, кто в ней сидит. Ревнивый, как божество, монитор не мог вытерпеть отрицания своего запрограммированного всезнания: он метал громы и молнии в ближайшую к месту последнего контакта контрольную Станцию, посылая на поиски крылатых серафимов.

Но дорог много, и они хорошо мощены, так что зачастую искать было поздно. Ускользнуть от наблюдения было поначалу довольно просто.

Остальные машины вели себя так, будто бунтовщика не существует. Его присутствие было невозможным.

Зажатый на участке дороги с интенсивным движением, нарушитель должен был немедленно испариться в случае общего ускорения или перестройки движения, требующей проезда через теоретически

свободное место, которое он занимает. Это вызвало в первые дни мониторингового контроля целую серию столкновений. Позднее мониторинговые устройства стали гораздо более умными, а механизированные ограничители уменьшили количество аварий. Тяжесть травм и контузий в тех случаях, когда они все-таки случались, оставалась, однако, неизменной.

Следующий шаг основывался на том, что не было замечено сразу, по причине своей очевидности. Мониторы направляли людей туда, куда они хотели, только потому, что те сообщали им, что хотят туда отправиться. Человек, набирающий произвольный набор координат, не имеющий отношения ни к какой карте, либо оставался в неподвижном автомобиле с горящим сигналом «Проверьте координаты», либо неожиданно сметался в произвольном направлении. Последнее имеет некоторую романтическую притягательность в том, что предоставляет скорость, неожиданные виды и свободные руки. А кроме того, это вполне легально; можно путешествовать таким образом по обоим континентам, нужны только достаточные средства и запас жизненных сил.

Как всегда в таких случаях, практика просочилась вверх через возрастные границы. Школьные учителя, которые водили машины только по воскресеньям, покрывались позором из-за продажи подержанных автомобилей. Вот так и приходит конец света, заявил комедиант.

Конец или нет, но машина, построенная для движения по управляемым автострадам, является подвижной жизнеобеспеченной ячейкой, с санузелом, посудным шкафчиком, холодильником и игровым столом. Кроме того, она легко вмещает двоих и с некоторой теснотой — четверых. Порой бывают случаи, когда тесно уже втроем.

Рендер выехал со стоянки на боковой проезд и остановил машину.

— Хотите наступать какие-нибудь координаты?

— Лучше вы. Мои пальцы знают их слишком много.

Рендер произвольно нажал на кнопки. Спиннер выехал на автостраду. Затем Рендер задал скорость, и машина переместилась на скоростную полосу.

Фары Спиннера выжигали отверстия в темноте. Город быстро уносился назад; он тлел по обеим сторонам дороги, волнуемый неожиданными порывами ветра, скрываемый белыми вихрями, затененный ровной завесой серого пепла. Рендер знал, что их скорость почти вдвое ниже той, которая была бы в ясную сухую ночь.

Он не затуманил окна, а откинулся назад и смотрел наружу. Эйлин «смотрела» вперед, на свет. Минут десять или пятнадцать никто из них ничего не говорил.

С ускорением движения город сжался в пригород. Вскоре начали появляться короткие участки открытой дороги.

— Расскажите мне, как выглядит то, что снаружи, — попросила она.

— А почему вы не попросили меня описать наш обед или латы около стола?

— Потому что я попробовала первое и коснулась второго. Здесь другое.

— Снаружи падает снег. Уберите его, и то, что останется, — черно.

— А что еще?

— На дороге слякоть. Когда она начнет замерзать, езда станет ползанием, если только мы не убежим от этой метели. Слякоть выглядит, как старый темный сироп, начинающий засахариваться.

— Есть что-нибудь еще?

— Это все, леди.

— А снег идет сильнее или слабее, чем когда мы вышли из клуба?

— Пожалуй, сильнее.

— Вы нальете мне выпить? — спросила она его.

— Конечно.

Они развернули сиденья внутрь, и Рендер поднял стол. Он достал из шкафа два стакана.

— Ваше здоровье, — сказал он, наполнив их.

— За вас.

Рендер опустил свой стакан. Она глотнула из своего. Он ждал ее следующего замечания. Он знал, что двое не могут играть в Сократическую игру, и ожидал еще вопросов перед тем, как она скажет то, что хочет сказать.

Она спросила:

— Что было самым прекрасным из того, что вы видели?

Да, решил он, он угадал верно.

Он ответил, не задумываясь:

— Затопление Атлантиды.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Может, объясните подробнее.

— Я затопил Атлантиду, — сказал он, — персонально.

Это было около трех лет назад. И Господи, это было красиво! Повсюду были башни из слоновой кости, золотые минареты и серебряные балконы. Там были опаловые мосты, и малиновые флаги, и молочно-белые реки между лимонно-желтыми берегами. Там были нефритовые шпилы, и старые, как мир, деревья, щекочущие животы облаков, и корабли в огромной морской гавани Ксанату, построенные тонко, как музыкальные инструменты, все покачивающиеся с приливом. Двенадцать принцев королевства сторожили в двенадцатиколонном колизее Зодиака, чтобы послушать грека — тенор-саксофониста, который должен был играть на заходе Солнца.

Грек, конечно, был моим пациентом — параноик. Этиология у этой штуки довольно сложная, но я набрел на все это в его сознании. Я на время опустил поводья, и в конце мне пришлось расколоть Атлантиду пополам и погрузить ее на полные пять лотов. Он снова играет, и вы, несомненно, слышали его звуки, если вам вообще нравятся такие звуки. Он хороший музыкант. Я все еще периодически с ним встречаюсь, но он больше не последний потомок величайшего менестреля Атлантиды. Он просто отличный саксофонист конца двадцатого века.

Но иногда, когда я вспоминаю апокалипсис, происшедший в его видении человека с манией величия, приходит ускользающее чувство потерянной красоты — потому что на одно мгновение его аномально сильные чувства были моими чувствами, а он чувствовал, что его мечта — самая прекрасная в мире.

Он заново наполнил бокалы.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — произнесла она.

— Я знаю.

— Я имела в виду что-нибудь реальное.

— Это было более реально, чем реальность, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, но...

— ...Но я разрушил основание, которое вы выстраивали для своих аргументов. О'кей, извините. Я дам их вам обратно. Вот нечто, что могло быть реальным.

Мы движемся вдоль края огромной чаши с песком. В нее медленно сползает снег. Весной снег растает, воды уйдут в землю или испарятся от солнечного тепла. Тогда останется только песок. Ничего не растет на песке, кроме случайного кактуса. Никто не живет, кроме змей, нескольких птиц, насекомых, тварей, роющих норы, и одного или двух странствующих койотов. В полдень все они будут искать тень. В любом месте, где стоит старый воротный столб, или скала, или кактус, заслоняющий солнце, вы увидите жизнь, сжавшуюся перед стихиями. Но цвета таковы, что в них трудно поверить, и стихии, кажется, более красивы, чем то, что они уничтожают.

— Здесь нет такого места, — сказала она.

— Раз я говорю, значит оно есть, не так ли? Я его видел.

— Да... Вы правы.

— И не имеет значения, картина ли это женщины по имени О'Киф, или что-то прямо за нашим окном, не правда ли? Если я это видел?

— Я признаю правильность диагноза, — сказала она. — Вы хотите дочитать его до конца?

— Нет, продолжайте.

Он еще раз наполнил маленькие стаканы.

— У меня повреждены глаза, — сказала она, — но не мозг.

Он поднес огонь к ее сигарете.

— Я смогу видеть другими глазами, если я войду в другой мозг.

Он зажег свою собственную сигарету.

— Нейроучастие основано на том факте, что две нервные системы могут разделять те же самые импульсы, те же самые фантазии...

— Контролируемые фантазии.

— Я бы могла проводить терапию и в то же время получать подлинные зрительные впечатления.

— Нет, — сказал Рендер.

— Но вы не знаете, что это значит — быть отрече-

занным от целой системы стимулов! Знать, что любой идиот-монголоид может испытывать что-то, чего ты никогда не узнаешь, и что он не ценит этого, потому что он, как и ты, был осужден на суде биологической случайности, где нет справедливости, — только случайность, чистая и простая.

— Вселенная не изобретала справедливости. Это сделал человек. И, к сожалению, человек должен жить во Вселенной.

— Я прошу о помощи не Вселенную, а вас!

— Извините, — сказал Рендер.

— Почему вы мне не поможете?

— В настоящий момент вы демонстрируете мою основную причину.

— Которая в том, что? . . .

— Эмоции. Все это слишком много для вас значит. Когда терапевт находится в фазе с пациентом, он наркоэлектрически отключен от большинства собственных телесных ощущений. Это необходимо, потому что его мозг должен быть полностью поглощен имеющейся задачей. Необходимо также, чтобы и его эмоции подверглись такому же отключению. Это, конечно, невозможно, человек всегда в какой-то степени переживает. Но эмоции врача сублимируются в какое-то общее оживление — или, в моем случае, в некоторую артистическую задумчивость. Для вас, однако, «видение» будет означать слишком много. Вы будете в постоянной опасности потери контроля над сном.

— Я с вами не согласна.

— Конечно, вы не согласны. Но факт остается: вы будете иметь дело, постоянно, с психически больными людьми. Мощь неврозов невообразима для девяноста девяти запятая и так далее процентов населения, потому что мы никогда не можем адекватно судить об интенсивности наших собственных чувств — не говоря уж о чужих, которые мы видим только снаружи. Вот почему никакой нейроучастник никогда не возьмется лечить полностью развившегося психотика. Немногие пионеры в этой области сейчас лечатся сами. Это было бы похоже на заплыв в Мальстрим. Если врач теряет за время сеанса свое первенство, он из формовщика превращается в Формируемого. Когда нервные импульсы искусственно

усилены, синапсы отвечают цепной реакцией. Эффект переноса становится почти мгновенным.

Пять лет назад я ужасно много катался на лыжах. Это потому, что я был клаустрофобом. Я должен был бежать в горы, и чтобы преодолеть это, мне понадобилось шесть месяцев — и все из-за крошечной осечки, которая произошла в неизмеримую долю мгновения. Мне пришлось передать пациента другому врачу. И это была очень маленькая отдача. Если бы там были вы, то вы бы могли попасть на всю оставшуюся жизнь на отдых в больницу.

Она допила свое шампанское, и Рендер снова наполнил стаканы. Ночь пронеслась мимо. Они оставили город далеко позади, дорога была открытой и чистой. Темнота между падающими хлопьями становилась все гуще. Спиннер набирал скорость.

— Ладно, — признала она, — может, вы и правы. Но все-таки, я думаю, что вы можете мне помочь.

— Как? — спросил он.

— Приучите меня к видению, чтобы образы потеряли свою новизну, а эмоции улеглись. Возьмите меня в пациенты и отберите эту страсть видеть. Тогда все, что вы говорили до сих пор, будет неприменимо. Тогда я буду в состоянии научиться отдавать все свое внимание терапии. Я сублимирую удовольствие от зрения во что-нибудь другое.

Рендер задумался.

Это, по-видимому, возможно. Но это будет слишком трудным предприятием.

Но это может также и войти в историю терапии.

Никто не был достаточно квалифицирован, чтобы это попробовать, никто не пытался делать это до сих пор.

Эйлин Шелот была редким — нет, уникальным объектом, потому что она, вероятно, была единственным человеком в мире, сочетавшим необходимые знания с единственной в своем роде проблемой.

Он осушил свой стакан, наполнил его снова, налил и ей.

Он все еще размышлял над проблемой, когда снова зажегся сигнал «Поменяйте корординаты», машина заехала в тупик и остановилась. Он отключил сигнал и долго сидел, задумавшись.

Мало кому и очень редко случалось слышать от него что-либо, касающееся его оценки собственного

мастерства. Коллеги считали его скромным. Но тем не менее он знал, что день, когда начнет практиковать нейроучастник, лучший чем он, будет днем, когда попавшего в беду гомо сапиенса будет лечить кто-то, лишь в неизмеримой малости уступающий ангелам.

Выпить оставалось на два раза. Затем он закинул опустошенную бутылку в заднее отделение.

— Знаете что? — сказал он наконец.

— Что?

— Может, это стоит попробовать.

Он наклонился вперед, чтобы набрать новые координаты, но она его опередила. Когда он нажал на кнопку и С-7 развернулся, она его поцеловала. Ее щеки под темными очками были влажными.

II

Самоубийство задело его сильнее, чем должно было, к тому же накануне позвонила и отменила свой визит миссис Ламберт, так что Рендер решил провести утро в задумчивости. Соответственно, он вошел в офис, хмуро курая сигару.

— Вы видели? . . . — спросила миссис Эджес.

— Да. Он сбросил пальто на стул, стоящий в дальнем углу комнаты. Подошел к окну, посмотрел вниз. — Да, — повторил он, — я ехал с прозрачными стеклами. Когда я проезжал, они там еще убирали.

— Вы его знали?

— Я до сих пор не знаю, кто это. Откуда?

— Мне только что позвонила Присс Талли — она принимает инженерное оборудование на восемьдесят шестом. Она говорит, что это был Джеймс Иррицари, дизайнер по рекламе, офис которого вниз по коридору от них. Оттуда высоко падать. Он, наверное, был без сознания, когда упал, правда? Он ударился о здание. Если вы откроете окно и наклонитесь, там видно — вон там, слева, — место, где . . .

— Неважно, Бенни. А ваша подруга имела понятие, почему он это сделал?

— Да нет. Его секретарша с криком выбежала в холл. Кажется, она зашла в его кабинет с какими-то чертежами, как раз когда он залезал на подоконник. На столе была записка: «Я получил все, что хотел. К чему тянуть?». Довольно смешно, да? Я не имею в виду, что смешно . . .

— Да. Вы что-то знаете о его делах?

— Женат. Двое детей. Хорошая профессиональная репутация. Здравомыслящий как и любой другой. Он мог себе позволить иметь офис в этом здании.

— Боже мой, — Рендер обернулся, — у вас там что, досье где-то?

— Знаете, — она пожала толстыми плечами, — у меня подруги по всему этому улью. Мы всегда разговариваем, когда нечего делать. Присси, как бы то ни было, моя невестка.

— Вы хотите сказать, что если я сейчас нырну в это окно, моя биография пройдет по кругу за ближайшие пять минут?

— Вероятно, — она скривила свои яркие губы в улыбку, — плюс-минус две минуты. Но не делайте этого сегодня, ладно? Знаете, это как-то выведет всех из шока, и первый прыжок не будет иметь того эффекта, как если бы он был один. Да и в любом случае, — продолжила она, — вы — чистильщик мозгов. Вы этого не сделаете.

— Вы идете против статистики, — заметил он. — Врачи вместе с юристами ухитряются делать это втрое чаще, чем представители других профессий.

— Ого! — она приняла обеспокоенный вид. — Отойдите-ка от моего окна! Тогда мне придется работать у доктора Хансона, а он — недотепа.

Он подошел к ее столу.

— Я никогда не знаю, когда воспринимать вас всерьез, — заключила она.

Я ценю вашу заботу, — кивнул он, — в самом деле, ценю. В сущности, я никогда не сдавался статистике — по ней я должен был вылететь из нейротерапии четыре года назад.

— Хотя... Вы бы попали в заголовки, — размышляла она, — все эти репортеры — спрашивали бы меня о вас... Почему они это делают, а?

— Кто?

— Кто угодно.

— Как я могу знать, Бенни? Я всего лишь скромный волнователь душ. Если бы я мог нащупать общую причину и, может, найти способ предугадать это дело — ну, тогда это, пожалуй, было бы лучше для последних известий, чем если бы я прыгнул.

Но я не могу этого сделать, потому что единственной и простой причины нет, я так думаю.

— О!

— Около тридцати пяти лет назад это была девятая по частоте смерть в Соединенных Штатах. Сейчас она шестая по Северной и Южной Америке. Думаю, что в Европе — седьмая.

— И никто никогда не узнает, почему Иррицари прыгнул?

Рендер выдвинул стул и уселся. Он стряхнул пепел в ее маленький блестящий подносик. Она быстро опустошила его в корзину и многозначительно кашлянула.

— Всегда можно сделать какие-то предположения, — сказал он, — и человек моей профессии делает их обязательно. Первое, на что нужно посмотреть, это черты характера, которые могут предрасположить человека к периодической депрессии. Люди, которые держат свои эмоции под жестким контролем, или которые совестливы, или вынужденно обращают внимание на всякие мелочи... — он стряхнул на ее поднос новый комочек пепла, подождал, пока она потянулась к мусорной корзине, и быстро притянул ее руку обратно. Он улыбнулся злой улыбкой. — Короче, — закончил он, — некоторые черты, которые бывают у людей, профессии которых предполагают не групповую, а индивидуальную деятельность, — медицина, юриспруденция, искусство.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Впрочем, не беспокойтесь, — хихикнул он, — я чертовски доволен жизнью.

— Сегодня с утра вы, похоже, не в настроении.

— Питер звонил. Он вчера повредил в спортзале щиколотку. Они должны лучше контролировать такие занятия. Я думаю поменять ему школу.

— Еще раз?

— Да, возможно. Я посмотрю. Сегодня днем мне позвонит их старший преподаватель. Мне не нравится перекидывать его с места на место, но я хочу, чтобы он закончил школу целым.

— Ребенок не может вырасти без одного или двух таких происшествий. Это — статистика.

— Статистика не означает предначертания, Бени. Это у каждого свое.

— Статистика или предназначение?

— Думаю, и то, и другое.

— А по-моему, если что-то должно случиться, то оно должно случиться.

— А по-моему, нет. Я считают, что человеческая воля в сочетании со здравым умом может хранить какую-то степень контроля за событиями. Если бы я так не думал, я бы не занимался своим нынешним рэкетом.

— Мир — это машина, ну, вы знаете: причина — следствие. Статистика предполагает вероят. . .

— Человеческое сознание — не машина, и я не знаю ни причин, ни следствий. Никто не знает.

— Но у вас, я помню, степень по химии. Вы же ученый, Док!

— Значит, я Троцкистский уклонист, — он улыбнулся и потянулся. — Вы тоже когда-то преподавали балет. — Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, звонила мисс Девильт, просила оставить записку: «Как насчет Сент Морица?».

— Слишком роскошно, — решил он вслух, — это будет Давос.

Поскольку самоубийство задело его сильнее, чем должно было, Рендер запер дверь кабинета, затемнил окна и включил фонограф. Он оставил гореть только настольную лампу.

«Как изменилось качество человеческой жизни, — написал он, — с того времени, как началась индустриальная революция?»

Он поднял лист и перечитал предложение. Это была тема, которую его просили обсудить в ближайшую субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что ему сказать, потому что хотел сказать слишком многое и имел всего лишь час на то, чтобы сказать все, что хочет. Он поднялся и стал ходить по комнате, заполненной теперь Восьмой симфонией Бетховена.

«Способность причинять боль, — произнес он, активизировав фонограф щелчком по микрофону на лацкане, — эволюционировала в прямой зависимости от развития технологии». Воображаемая аудитория оставалась спокойной. Он улыбнулся. «Способность человека нанести кому-нибудь увечье умножилась массовым производством; его возможность ранить

при персональном контакте чью-то душу расширилась в том же отношении, в котором расширились возможности коммуникации. Это все хорошо известно, и это не то, что я хочу сегодня обсудить. Я хочу поговорить о том, что я назову автопсихомимикрией — о самогенерирующих комплексах, которые, на первый взгляд, довольно похожи на классические образцы, но на самом деле говорят о радикальном распылении психической энергии. Они присущи только нашему времени. . .».

Он остановился, чтобы вынуть сигару и найти дальнейшие слова.

«Автопсихомимикрия», — подумал он вслух, — самоподдерживающийся комплекс имитации — почти что навязчивая идея.

Например, джазовый музыкант, половину своих выступлений проводящий на взводе, несмотря на то, что он никогда не принимал наркотики, вызывающие привыкание, да и вообще, почти не помнит никого, кто бы это делал, — современные стимуляторы и транквилизаторы совершенно безопасны. Подобно Дон-Кихоту, он устремляется за легендой, в то время как сама его музыка дает достаточный выход его напряжению. Или мой сирота времен корейской войны, который жив сегодня благодаря Красному Кресту, ЮНИСЕФ и приемным родителям, которых он никогда не видел. Он так хотел иметь семью, что придумал ее себе. И что же? Он ненавидел своего воображаемого отца и нежно любил свою воображаемую мать — ведь он был очень образованным мальчиком и горячо стремился к традиционным полустинным комплексам. Почему?

Сегодня уже все образованы настолько, что разбираются во всех почтенных классических психических нарушениях. Многие причины этих нарушений сегодня удалены — не радикально, как в случае с моим теперь уже выросшим сиротой, но с заметным эффектом. Мы живем в невротическом прошлом — опять-таки, почему? Потому что наше настоящее сплошь замешано на физическом здоровье, безопасности и благосостоянии. Мы уничтожили голод, хотя сирота какого-нибудь лесного племени предпочел бы получить банку консервов от человеческого существа, которое его любит, чем регулярное горячее

питание из установленного в джунглях автомата.

Физическое благополучие стало сегодня более чем правом каждого человека. И реакция на это проявилась в области благополучия духовного. Благодаря развитию технологии исчезли причины многих социальных проблем и вместе с ними исчезли и многие причины душевных расстройств. Но между черным вчера и белым завтра есть долгое серое сегодня, наполненное ностальгией и страхом перед будущим, которое не может проявиться в чисто материальной плоскости и которое выражается сейчас в целенаправленном поиске образцов страстей прошлого...».

Коротко зазвенел телефон, Рендер не услышал его из-за звучащей Восьмой.

«Нам страшно то, чего мы не знаем, — продолжал он, — и мы совершенно не знаем нашего завтра. Собственной моей области психиатрии не существовало еще тридцать лет назад. Наука способна развиваться настолько быстро, что у человечества появляется беспокойство — я бы даже сказал тревога — по поводу логического результата этого развития: полного механизации всего в этом мире».

Он проходил мимо стола, когда телефон зазвенел снова. Он отключил микрофон и приглушил Восьмую.

— Алло?

— Сент Мориз? — произнесла она.

— Давос! — твердо ответил он.

— Чарли, ты просто невыносим!

— Джилл, дорогая, ты — тоже.

— Обсудим вечером?

— Тут нечего обсуждать.

— Но ты заедешь за мной в пять?

Он замешкался с ответом, потом отозвался:

— Да, в пять. Почему не работает экран?

— Я сделала прическу. Снова хочу тебя удивить.

Он подавил идиотский смешок и сказал:

— Надеюсь, что приятно. Ну, хорошо, до встречи, — он дождался ее «До свидания» и отключил связь.

Он вернул окнам прозрачность, выключил свет на столе и выглянул наружу. Вновь серая пелена над головой и множество медленных снежных хлопьев — кружащихся, в промежутках между порывами ветра медленно падающих и наконец теряющих кружение...

Он увидел также, когда открыл окно и высунулся наружу, то место слева, где Иррицари оставил свой предпоследний след в этом мире.

Он закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя со времени их слепого кружения с Эйлин. Ей назначено на час дня.

Он вспомнил, кончики ее пальцев касались его лица, как листья или тельца насекомых, когда она познавала его внешность древним способом всех слепых. Это воспоминание не было полностью приятным. Почему, хотел бы он знать.

Далеко внизу влажный клочок земли стал снова чист; под тонким свежим покрывалом снега он был скользким, как стекло. Портье торопливо вышел наружу и посыпал его солью, пока кто-нибудь не поскользнулся и не ушибся.

Зигмунд был похож на оживший миф о Фенрире. Когда Рендер сказал миссис Эджес: «Пусть войдут», дверь начала открываться, затем резко распахнулась шире и на него направилась пара дымчато-желтых глаз. Глаза были посажены на странно деформированной собачьей голове.

У Зигмунда не было низкого собачьего лба, только слегка отклоненного вверх от морды; это был высокий косматый череп, на котором глаза выглядели даже более глубоко посаженными, чем они были на самом деле. Рендер слегка вздрогнул от размера и формы этой головы. Все мутанты, которых он видел до сих пор, были еще щенками. Зигмунд был полностью выросшим, его серая с черным шерсть местами топорщилась, и он выглядел из-за этого даже большим, чем обычный представитель его породы.

Он странно, не по-собачьи, посмотрел на Рендера и издал рычание, которое было настолько похоже на «Здравствуйте, доктор», что это не могло быть случайностью. Рендер кивнул и встал.

— Здравствуй, Зигмунд, — ответил он, — заходите.

Пес повернул голову, принюхиваясь к комнате, будто бы решая, можно ли доверить ей то, что он охраняет. Затем он вернул свой взгляд на Рендера, утвердительно кивнул и плечом открыл дверь. Все

вместе длилось, может, одну неловкую секунду. Эйлин следовала за ним, слегка касаясь двойного ошейника. Пес бесшумно ступал по толстому ковру — с опущенной головой, будто держа след. Он ни разу не посмотрел Рендеру в глаза.

— Значит, это Зигмунд? ... Как вы, Эйлин?

— Прекрасно... Да, он очень хотел придти со мной, а я хотела, чтобы вы с ним познакомились.

Рендер провел ее к стулу и усадил. Она отстегнула поводок и положила его на пол. Зигмунд сел рядом с ним, продолжая наблюдать за Рендером.

— Как дела в Городской Психиатрической?

— Как всегда. Можно мне стрельнуть сигарету, Доктор? Я забыла свои.

Он поместил между ее пальцами и поднес зажигалку. На ней был темно-синий костюм, и ее очки были цвета голубого пламени. Серебряный кружок на ее лбу отразил свет зажигалки; она продолжала смотреть в ту же точку и после того, как он убрал руку. Ее волосы до плеч казались чуть более светлыми, чем в тот вечер, когда они встретились: сегодня они были цвета новенькой медной монеты.

Пододвинув носком свой глобус-пепельницу, Рендер уселся на край стола.

— Вы говорили, что вы слепы, но означает ли это, что вы никогда не видели. Я тогда не спросил у вас, что это значит. Но я хочу спросить это сейчас.

— У меня был сеанс нейроучастия с доктором Рискомбом, — ответила она, — до того, как с ним произошел несчастный случай. Он хотел приучить меня к визуальным впечатлениям, К сожалению, второй сеанс так и не состоялся.

— Понимаю. Чем вы занимались на этом сеансе?

Она скрестила лодыжки, и Рендер заметил их красивую форму.

— В основном, цветами. Довольно подавляющее впечатление.

— Насколько хорошо вы их помните? Как давно это было?

— Месяцев шесть назад — но я их не забуду никогда. Я даже видела с тех пор цветные сны.

— Насколько часто?

— По нескольку раз в неделю.

— Какие они несут ассоциации?

— Ничего особенного. Просто сопровождают остальные раздражители — довольно случайным образом.

— Как именно?

— Ну, например, когда вы задаете мне вопрос, я «вижу» какой-то желто-оранжевый образ. Когда вы поздоровались, это было что-то серебристое. Сейчас, когда вы просто сидите и слушаете меня молча, вы ассоциируете с глубоким, почти фиолетово-синим.

Зигмунд перевел взгляд на боковую панель стола.

«Интересно, слышит ли он, что там крутится магнитофон? — подумал Рендер. — И если да, может ли он догадаться, что это и для чего?»

Если так, то пес, несомненно, скажет об этом Эйлин. Она, конечно, знает, что это принято в практике, но ей может быть неприятным напоминание о том, что он рассматривает ее случай, как терапию, а не как простой процесс адаптации. Если бы это имело хоть какой-нибудь смысл — он внутренне улыбнулся этой мысли — он бы поговорил с псом наедине.

Опять-таки внутренне он пожал плечами.

— Тогда я сегодня сконструирую довольно простой мир, — сказал он наконец, — и познакомлю вас с основными формами.

Она улыбнулась, и Рендер взглянул на оживший миф, сидящий рядом с ней, вывалив язык: *«Тоже улыбается?»*

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд завилял хвостом.

— Ну тогда, — Рендер поместил свою сигарету рядом с «Мадагаскаром», — я сейчас выташу и проверю «яйцо». А пока, — он нажал незаметную кнопку, — немного музыки поможет расслабиться.

Она начала что-то в ответ, но ее слова заглушила увертюра Вагнера. Рендер снова нажал на кнопку и на некоторое время вновь стало тихо.

— Хм, хм. Я думал, будет Респиги.

Чтобы найти «Римские Сосны» понадобилось еще два нажатия.

— Можно было оставить, — заметила она. — Мне нравится Вагнер.

— Нет, спасибо, — ответил он, открывая шкаф. — Я бы заблудился во всех этих лейтмотивах.

Большое яйцо выкатилось в кабинет бесшумно, как белое облако. Подталкивая его к столу, Рендер услышал за спиной тихое рычание. Он быстро обернулся.

Подобно мелькнувшей птичьей тени Зигмунд вскочил, пересек комнату и сейчас обходил машину вокруг, обнюхивая — хвост напряжен, уши прижаты, клыки обнажены.

— Спокойно, Зиг, — сказал Рендер, — это всеканальная нейроустановка. Она не кусается и ничего такого. Это просто механизм, вроде как машина — телевизор или посудомойка. Она нам сегодня нужна, чтобы показать Эйлин, как выглядят некоторые вещи.

— Не люблю, — пророкотал пес.

— Почему?

Ответа он не получил: Зигмунд вернулся к Эйлин и положил голову ей на колени.

— Не люблю, — повторил он, смотря на нее снизу.

— Почему?

— Нет слов, — ответил он. — Мы сейчас пойдем домой?

— Нет, — ответила она, — ты сейчас свернешься в углу и поспишь, а я свернусь в этой машине и сделаю то же самое — примерно.

— Нехорошо, — поникнув, сказал он.

— Иди, — подтолкнула она, — ляг и веди себя прилично.

Он подчинился, но заскулил, когда Рендер затемнил окна и коснулся кнопки, трансформирующей стол в кресло оператора.

Он заскулил еще раз, когда яйцо, уже соединенное с пультом, разошлось посередине и верхушка отошла, обнажив внутренность.

Рендер сел. Его стул превратился в подогнанное по телу кресло и наполовину вошел под консоль. Он выпрямился, стул выдвинулся обратно и снова превратился в стул. Он коснулся стола, и часть потолка освободилась, поменяла форму и опустилась, нависнув над его головой подобно большому колоколу. Он встал и подошел к камере. Респиги наговаривал

о соснах и тому подобном. Рендер отключил телефоны снизу яйца, наклонился над ним и оперся о стол. Закрыв плечом одно ухо и прижимая к другому телефон, он начал нажимать свободной рукой на кнопки. Музыку затопили тысячи ветров и пересекли мили автострад, раздался шум обратной связи; прозвучало: «... Сейчас, когда вы просто сидите и слушаете меня молча, вы ассоциируетесь с глубоким синим, почти фиолетовым...»

Он переключил на лицевую маску и начал просмотр: один — корица, два — прелые листья, три — мускус... и далее вниз — через жажду, вкус меда, уксуса и соли, обратно вверх через сирень и мокрый асфальт, предгрозовый запах озона и все основные обонятельные и вкусовые отметки утра, дня и вечера.

Ложе нормально плавало в ртути, магнитно стабилизированной стенками яйца. Он установил ленты. Камера была в отличном состоянии.

— Отлично, — сказал Рендер оборачиваясь, — все проверено.

Она клала очки поверх сложенной одежды. Она разделась, пока Рендер проверял машину. Его немного взволновала ее узкая талия, большая грудь с темными сосками, ее длинные ноги. Для женщины ее веса она очень хорошо сложена, решил он.

Впрочем, глядя на нее, он понял, что, конечно, главное, что его раздражает, — что она его пациентка.

— Я готова, — сказала она, и он подошел к ней.

Взяв ее за талию, он подвел ее к машине. Ее пальцы ощупали внутренность камеры. Помогая ей забраться внутрь, он заметил, что у нее ярко-зеленые глаза. Этого он тоже не одобрил.

— Удобно?

— Да.

— Отлично, все готово. Я закрываю. Приятных снов.

Верхняя оболочка медленно опустилась. Закрывшись, она сделалась непрозрачной, затем блестящей. Рендер видел свое искаженное отражение. Он двинулся по направлению к столу. Перед ним, не давая пройти, стал Зигмунд. Рендер наклонился, чтобы погладить его по голове, но пес отдернул ее в сторону.

— Возьми меня с ней, — прорычал он.

— Боюсь, старик, что этого невозможно сделать, — ответил Рендер. — А кроме того, мы никуда не идем. Мы просто подремлем, прямо здесь, в этой комнате.

Похоже было, что пес не успокоился.

— Почему?

Рендер вздохнул.

Спор с собакой был, пожалуй, самым нелепым из того, что могло придти ему в голову, когда он был трезв.

— Зиг, — сказал он, — я стараюсь помочь ей узнать, как выглядят вещи. Ты, конечно, очень хорошо водишь ее по миру, который она не видит, но сейчас ей нужно узнать, как он выглядит, и я собираюсь показать ей его.

— Тогда я буду ей не нужен.

— Ты будешь нужен, обязательно. — Рендер чуть не рассмеялся. Трогательность была тут так тесно связана с абсурдностью, что ему было трудно удержаться. — Я не могу восстановить ее зрение, — объяснил он, — я только хочу передать ей несколько зрительных образов, как бы одолжить ей мои глаза ненадолго. Соображаешь?

— Нет, — сказал пес, — возьми мои.

Рендер выключил музыку. *«Отношения мутантов с хозяевами могут потянуть томов на шесть, — решил он, — на немецком».*

Он показал на дальний угол.

— Ляг вон там, как тебе велела Эйлин. Это будет недолго, и когда все кончится, вы уйдете так же, как пришли — ты поведешь. Хорошо?

Зигмунд не ответил, но повернулся и пошел в угол. Его хвост вновь поник.

Рендер сел и опустил колокол — операторский вариант камеры. Он был один перед девятью десятками белых и двумя красными кнопками. Мир заканчивался в темноте за консолью. Он ослабил узел галстука и расстегнул воротник, вынул из гнезда шлем и проверил его связи и соединения. Надевая его, он надвинул на нижнюю часть лица полумаску и опустил сверху темный экран, пока они не соприкоснулись. Поместив правую кисть в ременную лямку, он одним щелчком отключил сознание пациентки.

Шейпер не оперирует кнопками в полном сознании. Он просто желает те или иные состояния. Его мускульная реакция приводит к появлению почти незаметного давления на чувствительные датчики, захват скользит в нужное положение и побуждает палец к разгибанию. Кнопка оказывается нажатой. Манипулятор продолжает движение.

Рендер почувствовал покалывание в переносице; он слышал запах свежескошенной травы. Внезапно он оказался летящим в огромном сером просвете между мирами. . .

Через время, которое показалось очень длинным, Рендер почувствовал, что он приземлился на очень странной Земле. Он ничего не видел; о том, что он прибыл, ему подсказало чувство присутствия. Это была самая темная из темных ночей, которые он когда-то знал. Он пожелал, чтобы тьма рассеялась. Ничего не произошло.

Часть его сознания вновь пробудилась, часть, о которой он не знал, что она спит; он вспомнил, в чей мир он вошел. Он прислушался к ее присутствию. Он услышал страх и ожидание.

Он пожелал цвета. Сперва красный. . .

Он почувствовал связь. Затем пришел отклик.

Все стало красным; он жил в сердце бесконечного рубина.

Оранжевый. Желтый. . .

Он был заключен в кусок янтаря.

Теперь зеленый; он добавил испарения раскаленного знойного моря. Голубой и вечерняя прохлада.

Затем он напряг сознание и вызвал все цвета сразу. Они пришли в виде больших вращающихся языков. Он разделил их на части и навязал им форму. На черном небе выгнулась раскаленная радуга.

Он начал борьбу за коричневый и серый под ногами. Они явились мерцающими движущимися лоскутами.

Где-то возник благоговейный страх. Однако без признаков истерии, так что он продолжил формирование.

Он сумел создать горизонт, темнота над ним исыкла. Небо стало бледно-голубым, и он осмелился поместить на нем несколько темных туч. Его попытки создать глубину и расстояние встречали со-

противление, и он усилил картину очень слабым шумом прибоя. В то время как он заставлял уплывать облака, медленно пришел слуховой образ расстояния. Чтобы успокоить вздымающуюся волну акрофобии, он быстро воздвиг высокий лес. Паника угасла.

Рендер сосредоточился на высоких деревьях — дубах и елях, тополях и сикоморах. Он разбрасывал их, как копыя — клоками зеленого, коричневого и желтого, разворачивал густой ковер влажной от утренней росы травы, набросал в разных местах серые валуны и зеленватые бревна, спутал и свил ветви над головой, опустив на долину ровную тень.

Результат был потрясающим. Казалось, что весь мир вздрогнул, подавив рыдание, и замолк.

Он чувствовал сквозь тишину ее присутствие. Он решил, что будет лучше всего быстро создать землю, чтобы иметь реальные позиции, и подготовить почву для дальнейших операций. Потом можно будет вернуться, что-то поменять и залечить результаты травмы в последующих сеансах; но то, что он создал, было минимумом, необходимым для того, чтобы начать.

С самого начала он понял, что молчание не было результатом удаления. Эйлин сделала свое существование имманентным деревьям и траве, камням и кустам, она персонализировала их формы, связывала их с осязательными ощущениями, звуками, теплом, запахами.

Он качнул ветви деревьев слабым ветерком, создал сразу за пределами видимой области журчание ручья. Появилось чувство радости; он разделил его.

Она переносила все очень хорошо; он решил расширить рамки упражнения. Он позволил своему сознанию странствовать среди деревьев, переживая одновременно мгновенное раздвоение зрения, видя при этом огромную руку, движущуюся в алюминиевой повозке к белому кругу.

Теперь он был рядом с ручьем и осторожно искал ее.

Он тек вместе с водой. Он еще не обрел формы. Он направил ручей по мелкой ложбинке и по кам-

ням; всплеск воды перешел в журчание. По его настоянию вода зазвучала, зашумела отчетливей.

— Где ты? — спросил ручей.

— Здесь! Здесь!

— Здесь!

— ... и здесь! — ответили деревья, кусты, камни, трава.

— Найди что-нибудь одно, — сказал ручей, расширяясь, окружая небольшую скалу, затем поворачивая вниз по склону, устремляясь к голубому озеру.

— ... Не могу, — был ответ ветра.

— Ты должна, — ручей расширился и влился в пруд, забурлил на поверхности, затем успокоился и отразил ветви и темные облака. — Сейчас!

— Хорошо, — эхом откликнулся лес, — я сейчас.

Над озером поднялся туман и поплыл к берегу.

— ... Сделай это, — прозвенел туман.

— ... Вот...

Она выбрала маленькую иву. Она раскачивалась на ветру, металась, опускала ветви в воду.

— Эйлин Шелот, — сказал он, — посмотри на озеро.

Ветер поменял направление; ива согнулась.

Ему было нетрудно вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево закрутилось, будто не имеющее корней. Эйлин стояла в самом сердце тихого взрыва листвы; она испуганно смотрела в глубокое темно-синее зеркало сознания Рендера, в озеро.

Она закрыла лицо руками, но это не могло заставить ее не видеть.

— Посмотри на себя, — сказал Рендер.

Она опустила руки и внимательно посмотрела вниз. Затем, изучая себя, медленно повернулась во все стороны. Наконец:

— У меня чувство, что я довольно красива, — сказала она. — Это правда, или мне так кажется, оттого, что вы испытываете ко мне желание?

Говоря, она оглядывала все вокруг, ища Шейпера.

— Это правда, — сказал Рендер из ниоткуда.

— Спасибо.

Закружилось что-то белое, и она оказалась одетой в шелковое платье с поясом. Свет вдали сделался почти невыносимо ярким. Самое низкое облако окрасилось снизу в бледно-розовый цвет.

— Что там? — спросила она, повернувшись в том направлении.

— Я покажу тебе восход, — сказал Рендер, — и, наверное, не очень хороший, это мой первый восход в таких обстоятельствах.

— Где ты? — спросила она.

— Везде, — ответил он.

— Появись, пожалуйста, чтобы я могла тебя увидеть.

— Хорошо.

— В своем обычном виде.

Он пожелал оказаться рядом с ней на берегу, там он и был.

Ослепленный металлическим блеском, он посмотрел вниз. Мир на мгновение отступил, затем снова стал стабильным. Он засмеялся, но когда он подумал о чем-то, его смех застыл.

На нем были латы, стоявшие рядом со столом в «Куропатке и Скальпеле» в тот вечер, когда они встретились. Она протянула руку и коснулась их.

— Это одеяние было около нашего стола, — сказала она, проводя пальцами по пластинам и сочленениям. — В тот вечер ты ассоциировался у меня с ними.

— ... и сейчас ты меня в них запихнула, — заметил он. — Ты — волевая женщина.

Латы исчезли, он был в своем сером костюме, свободно повязанном красном галстуке и на лице его было профессиональное выражение.

— Посмотри на меня настоящего. — Он слегка улыбнулся. — А теперь — закат. Я собираюсь использовать все цвета. Смотри!

Они сели на появившуюся позади зеленую парковую скамейку, и Рендер показал в направлении, в котором, решил он, будет восток.

Солнце медленно проходило свои утренние превращения. Впервые в этом мире оно, подобно Богу, воплотилось и отразилось в озере и рассеяло облака, и сделало так, что земля мягко засветилась под дымкой, поднимающейся над влажным лесом.

Глядя не отрываясь, смотря прямо в разгорающееся пламя, Эйлин долгое время не двигалась и не произносила ни звука. Рендер ощущал ее восхищение.

Она смотрела на источник всего света: его свет отражался от пылающего на ее лбу подобно капле крови блестящего кружка.

Рендер заговорил:

— Это Солнце, это облака, — он хлопнул в ладоши, тучи закрыли солнце и наверху тихо загрохотало, а это — гром, — закончил он.

Пошел дождь, разбивая поверхность озера, щекоча их лица и громко стуча по листьям и затем мягко какая с ветвей над головой, пропитывая их одежду и волосы, обращая комья коричневой земли в грязь. Небо застлала вспышка молнии, и секундой позднее раздался новый раскат грома.

— ... А это — летняя гроза, — продолжал он лекцию. — Ты видишь, как дождь меняет листву и нас самих. То, что ты только что видела на небе перед раскатом грома, было молнией.

— ... Слишком много, — сказала она. — Пожалуйста, давай остановимся на минуту.

Дождь мгновенно прекратился и сквозь тучи провалось солнце.

— Чертовски хочется сигарету, — сказала она, — но я оставила свои в другом мире.

Как только это было сказано, между ее пальцами уже появилась зажженная сигарета.

— Она будет безвкусной, — странным голосом произнес Рендер. Мгновение он смотрел на нее, затем заметил:

— Я не давал тебе сигареты. Ты ее выудила из моего сознания.

Дым, кружась, поднимался и рассеивался вверх.

— ... Это означает, что сегодня я уже второй раз недооцениваю силу, с которой притягивает вакуум в твоем сознании — на том месте, где должно было быть зрение. Ты очень быстро осваиваешь новые впечатления. Ты доходишь до того, что ощупью идешь к новым образам. Будь осторожна. Старайся сдерживать этот импульс.

— Это как голод, — сказала она.

— Пожалуй, нам лучше закончить сегодняшний сеанс.

Их одежда снова была сухой. Завела песню птица.

— Нет, постой. Пожалуйста! Я буду осторожна.

Я хочу видеть больше.

— Мы всегда можем сюда вернуться, — сказал Рендер. — Но я думаю, можно сделать еще что-нибудь одно. Есть ли что-то, что тебе очень сильно хотелось бы увидеть?

— Да. Зиму. Снег.

— Отлично, — Шейпер улыбнулся, — тогда закутайся в этот мех...

*

После ухода пациентки день заскользил быстро. Рендер был в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и вновь наполненным. Он хорошо прошел первый этап. Он решил, что, пожалуй, он достигнет цели. Его удовлетворение было сильнее его страха. С этим воодушевлением он и вернулся к работе над своей речью.

«... И что это такое — способность причинять боль?» — спросил он у микрофона.

«Мы живем в удовольствии и мы живем в боли, — ответил он себе. — И то и другое может подавлять, и то и другое может возбуждать. Но хотя удовольствие и боль коренятся в биологии, условия для них создаются обществом: значит, нужно вынести оценки. Из-за того, что огромные массы людей во всех городах мира каждый день лихорадочно перемещаются в пространстве, стало необходимым существование полностью механизированного контроля за этими передвижениями, абсолютно неживых надсмотрщиков за этими передвижениями. С каждым днем они прогрызают себе дорогу в новые области — водят наши машины, управляют нашими самолетами, спрашивают нас, диагностируют наши болезни, — и я даже не могу рискнуть вынести моральную оценку этому вторжению. Они стали необходимыми. В конечном счете, их существование может оказаться благотворным.

Однако утверждение, которое я хочу сделать, заключается в том, что зачастую мы не знаем своих сокровищ. Мы не можем точно сказать, что значит для нас та или иная вещь, пока она не взята из нашей жизни. Когда перестает существовать что-то ценное, высвобождается заключенная в нем психическая энергия. Мы ищем новые ценности, чтобы по-

местить в них нашу — ману, если угодно, или, если не угодно, либидо. И ни одна из вещей, исчезнувших за последние три, четыре или пять десятилетий, не была сама по себе чрезвычайно значимой; и ни одна из вещей, обретших существование за то время, не является особенно враждебной по отношению к людям, которых она заменила, или к людям, которых она как-то контролирует. Но общество состоит из многих вещей, и когда они меняются слишком быстро, результаты становятся непредсказуемыми. Внимательное изучение душевных болезней зачастую очень показательно в смысле стрессов общества, в котором возникла эта болезнь. Если мании укладываются в группы и классы, то по ним можно сказать что-то о неблагополучии общества. Карл Юнг показал, что когда сознание постоянно фрустрируется в поисках ценностей, поиски переносятся в подсознание в область бессознательного; потерпев неудачу и там, оно будет выискивать свой путь в гипотетическом коллективном подсознании. Он заметил, анализируя послевоенных экс-нацистов, что чем дольше они искали что-либо, что подняло бы их жизни из руин, — после того, как они пережили период классического иконоборчества, а затем падение и новых идей, — чем дольше они искали, тем, казалось, глубже в прошлое забирались они в коллективное подсознание своего народа. Сами их сны стали заимствовать образы из Тевтонских мифов.

Это, в гораздо менее драматическом смысле, происходит сегодня. Бывают исторические периоды, когда коллективные тенденции сознания обращаются в себя или в прошлое сильнее, чем в другое время. Мы живем, переживаем такой период донкихотства в исходном смысле этого слова. Это происходит потому, что способность ранить есть в наше время способность игнорировать, не принимать в расчет, — и это уже не является прерогативой человеческих существ.

Тут его прервал звонок. Он выключил фонограф и коснулся телефона.

— Чарльз Рендер слушает, — сказал он ему.

— Это Поль Чартер, — прошепелявил телефон, — я старший преподаватель в Диллинге.

— Да?

Изображение прояснилось. Рендер увидел человека, глаза которого были близко посажены под высоким лбом. Лоб был сильно изрезан морщинами, рот при разговоре кривился.

— Я хочу снова принести свои извинения по поводу того, что произошло. Снаряд был неисправен...

— Разве вы не можете позволить себе нормально-го оборудования? Ваша плата достаточно высока.

— Это была новая партия снарядов. Это был фабричный дефект.

— Разве никто не несет ответственности за класс?

— Да, но...

— Почему он не проверил оборудование? Почему он не был рядом, чтобы предотвратить падение?

— Он был рядом, но все произошло слишком быстро, чтобы он успел что-то сделать. А что касается проверки спортивных снарядов и выявления фабричных дефектов, это не его работа. Послушайте, мне очень жаль, что так вышло. Я очень люблю вашего мальчика. Я могу заверить вас, что ничего подобного больше не произойдет.

— Тут вы совершенно правы. Но этого не произойдет по той причине, что я забираю его завтра утром и перевожу в школу, которая принимает необходимые меры предосторожности.

Нажатием пальца Рендер прекратил разговор.

Через несколько минут он встал и прошел в угол, частично отгороженный книжными полками. Ему потребовалось только мгновение, чтобы достать и открыть шкатулку, в которой лежали недорогое ожерелье и фотография в рамке, на которой были мужчина, похожий на него, но несколько моложе, женщина с темными убранными наверх волосами и маленьким подбородком и между ними двое детей — девочка, держащая в объятиях малыша и улыбающаяся прямо перед собой скучающей улыбкой. Рендер, как и раньше в таких случаях, смотрел несколько мгновений, поглаживая ожерелье, затем он закрыл шкатулку и снова запер ее на много месяцев.

Бум! Бум! — звучал бас. Тонг-тонг-тонга-тонг, барабаны.

Цветные фильтры прожекторов заливали удивительных металлических танцоров красным, зеленым, синим и ужасным желтым светом.

ЛЮДИ? — вопрошала афиша

Роботы? — непосредственно снизу.
ПРИХОДИТЕ И ПОСМОТРИТЕ САМИ (наиско-
сок, прописными буквами).

Они так и сделали.

Рендер и Джилл сидели за микроскопическим столиком у стены, под рисованными углем шаржами на широко неизвестные личности (в субкультурах 14-миллионного города так много личностей). Наморщив от удовольствия нос, Джилл смотрела туда, где сегодня находится фокус этой конкретной субкультуры, поднимая иногда плечи до ушей, чтобы подчеркнуть беззвучный смех или тихое восклицание, потому что выступающие были слишком людьми — то, как черный робот проводил пальцами по руке серебристого, когда они расставались и расходились...

Рендер делил свое внимание между Джилл, танцорами и вредным на вид отваром, который ничего так не напоминал, как ведро пшеничной браги, посыпанной водорослями, сквозь которые мог в любой момент подняться Кракен и утащить вниз на погибель какое-нибудь несчастное судно.

— Чарли, я думаю, на самом деле они — люди!

Рендер выпутал свой взгляд из ее волос и качающихся серег. Он посмотрел на окруженных музыкантами танцоров на полу, чуть ниже уровня столиков. В этих металлических оболочках могли быть люди. Если так, то их танец — образец большого мастерства. Хотя производство достаточно легких сплавов не представляет проблемы, танцору непросто выделывать курбеты так долго и с такой, кажется, совершенно не требующей усилий свободной, будучи с головы до ног закованным в латы и так, чтобы ничего не скрипнуло, не стукнуло.

Беззвучно...

Они скользили подобно двум чайкам; большая, цвета полированного антрацита, и другая, похожая на лунный луч, падающий через окно на обернутый в шелк манекен.

Даже, когда они соприкасались, не было ни звука, или, если он был, его полностью скрывали ритмы оркестра.

Бум-бум! Тонга-тонг!

Рендер взял новый бокал.

Танец медленно превратился в апаш. Рендер сверился со своими часами. Слишком долго для

нормальных артистов, решил он. Это должно быть роботы. Когда он взглянул снова, черный робот подбросил партнершу, наверное, на десять футов и повернулся к ней спиной.

Звука сталкивающегося металла не было.

«Интересно, сколько стоит такая установка», — подумал он.

— Чарли! Не было ни звука! Как они это делают?

— В самом деле? — спросил Рендер.

Прожекторы снова засветили желтым, затем красным, затем синим, затем зеленым.

Казалось бы, это должно повредить их механизмы, правда?

Белый робот медленно пошел назад, а черный начал вращать кистью руки, держа между пальцами зажженную сигарету. Когда он механически прижал ее к своему беззубому безликому лицу, раздался смех. Серебряный робот преградил ему дорогу. Он снова отвернулся, бросил сигарету, растер ее медленно и бесшумно, затем вдруг неожиданно повернулся к своей партнерше. Снова подбросит?

Медленно, подобно длинноногим восточным птицам, они возобновили свои движения, медленно, с множеством поворотов.

Что-то глубоко в Рендере находило это забавным, но он уже ушел слишком далеко, чтобы задаться вопросом, что именно было весело. Так что вместо этого он продолжал высматривать на дне стакана Кракена.

Джилл стиснула его бицепс, вновь привлекая его внимание к сцене.

Под искажающим силуэты лучом прожектора черный робот поднял серебряного над головой медленно-медленно и затем, держа его в этом положении, начал вращаться — руки вытянуты, спина прогнута, ноги расставлены — вначале очень медленно. Потом быстрее.

Неожиданно они закружились с невообразимой скоростью, и фильтры на прожекторах закружились быстрее.

Рендер встряхнул головой, чтобы проясниться.

Они двигались так быстро, что должны были упасть — будь то люди или роботы. Но они не па-

дали. Они обратились в живую мандалу, в однородную серую фигуру. Рендер опустил взгляд.

Затем медленнее, медленнее и медленнее. Застыли. Музыка прекратилась.

Наступила темнота. Ее заполнили аплодисменты.

Когда свет снова зажегся, два робота стояли неподвижно, как статуи, лицом к аудитории. Очень, очень медленно они поклонились.

Аплодисменты усилились.

Они повернулись и исчезли.

Снова зазвучала музыка, свет прояснился. Поднялось журчание голосов. Рендер убил Кракена.

— Что ты об этом думаешь? — спросила она.

Рендер сделал серьезное лицо.

— Человек ли я, которому снится, что я робот, или робот, которому снится, что я человек? — он ухмыльнулся и добавил: — Я не знаю.

Она весело хлопнула его по плечу; он высказал замечание о том, что она пьяна.

— Нет, — запротестовала она, — во всяком случае, не сильно. Не так, как ты!

— Все-таки, я думаю, что тебе нужно показаться с этим доктору. Вроде меня. И сейчас же. Давай уйдем отсюда и покатаемся.

— Не сейчас, Чарли! Я хочу взглянуть на них еще раз, ладно? Ну пожалуйста!

— Если я выпью еще, я так далеко не разгляжу.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Фу-уу!

— Тогда закажи пиво.

— Нет уж, буду страдать без него.

На площадке танцевали, но у Рендера было чувство, что его ноги будто отнялись. Он зажег сигарету.

— Так ты сегодня беседовал с собакой?

— Да. В этом есть что-то странное...

— Она красивая?

— Это был кобель. И боже мой, до чего уродливый!

— Глупо. Я имела в виду хозяйку.

— Ты же знаешь, я никогда не обсуждаю свою работу, Джилл.

— Ты сказал мне, что она слепа, и про собаку. Я всего лишь хочу знать, красивая она или нет.

— Ну... и да, и нет, — он похлопал ее под сто-

лом и сделал неопределенный жест. — Ну, знаешь ли...

— Еще раз все то же самое, — сказала она официанту, который неожиданно вынырнул из темноты рядом с ними, кивнул и так же резко исчез.

— Конец моим добрым намерениям, — вздохнул Рендер. — Посмотрим, как тебя будет осматривать не вяжущий лыка пьянчуга, это все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь, ты всегда так. Гипократика и все такое.

Он фыркнул и посмотрел на часы.

— Мне завтра надо быть в Коннектикуте. Вытаскивать Пита из этой проклятой школы...

Она вздохнула, уже устав от этой темы.

— Я думаю, ты слишком о нем беспокоишься. Любой ребенок может ударить щиколотку. Это часть процесса взросления. Я сломала кисть, когда мне было семь. Это была случайность. Школа не виновата в том, что такое иногда случается.

— К черту, — сказал Рендер, беря свой черный напиток с черного подноса, который нес черный чело-век. — Если они не могут работать нормально, я найду кого-нибудь, кто может!

Она пожалала плечами.

— Хозяин — барин. Я знаю всего лишь то, что читаю в газетах. И ты все еще настаиваешь на Давосе, хоть и знаешь, что в Сент Морице ты встретишь людей более высокого класса? — добавила она.

— Мы туда едем кататься на лыжах, помнишь? Мне больше нравятся склоны в Давосе.

— Я сегодня ни в чем не могу одержать верх, правда?

Он сжал ее руку.

— Ты всегда держишь надо мной верх, дорогая.

Они пили свои напитки, курили свои сигареты и держались за руки, пока люди не покинули танцплощадку и вернулись к своим микроскопическим столикам, закрутились цветные светофильтры, окрашивая облака дыма в цвета от ада до восхода и обратно, и зазвучал бас: Бум!

Тонга-тонг!

— О Чарли! Вон они снова идут!

Небо было кристально чистым, ясным. Дороги чистыми. Снег прекратился.

Дыхание Джилл было дыханием спящей. С-7 взбирался на мосты города. Сидя совершенно неподвижно, Рендер мог убедить себя, что пьяно только его тело; но каждый раз, как он шевелил головой, Вселенная начинала вокруг него пляску. Когда она это делала, он воображал себя во сне, Шейпером всего этого.

На одно мгновение это стало правдой. Он обратился назад ход больших часов на небе, улыбаясь в своей дремоте. В следующее мгновение он снова бодрствовал и был серьезен.

Вселенная отомстила ему за наглость. За одно славное мгновение беспомощности, которую он любил больше, чем когда ему помогают, она вновь заставила его заплатить видением озерного дна, и когда он вновь двинулся к обломкам на дне мира — как пловец, такой же немой, он услышал проникающий к нему сквозь воды земные откуда-то с высоты над Землей вой Волка Фенрира, готовящегося пожрать Луну; и когда это произошло, он понял, что вой этот похож на звук труб Суда настолько же, насколько сидящая рядом женщина не похожа на Луну. Во всем. В каждой мелочи. И ему стало страшно.

III

Он был псом.

Но он был не обычным псом.

Он ехал на машине за город, один.

Большой, на вид — за исключением головы — немецкая овчарка, он сидел на переднем сиденье, смотря в окно на другие машины и на то, что было вокруг. Он обгонял остальные машины, потому что двигался по скоростной полосе.

Был холодный день, и на полях лежал снег; деревья были одеты в снежные одежды и птицы в небе и на земле казались особенно черными.

Пес открыл пасть, его длинный язык коснулся стекла и оно затуманилось от его дыхания. Его голова была больше, чем голова любой собаки, кроме, может быть, ирландского волкодава. Глаза были темными и глубоко посаженными, а пасть была открыта, потому что он смеялся.

Он продолжал гонку.

Наконец, машина, замедляя, двинулась поперек

автострады, въехала на крайнюю справа полосу и через некоторое время съехала на ответвление. Она проехала несколько миль вверх по проселочной дороге, затем свернула на еще более узкий проезд и остановилась под деревом. Через мгновение мотор выключился и дверь открылась.

Пес вылез из машины и толкнул дверь плечом так, что она пролетела большую часть пути, которую должна была пройти, закрываясь. Убедившись, что габаритные огни погасли, он повернулся и пошел по полю, направляясь к лесу.

Он осторожно поднял лапы. Он осмотрел свои следы.

Войдя в лес, он несколько раз глубоко вздохнул. Потом встряхнулся.

Он издал странный, не похожий на собачий лай, звук, и побежал.

Он бежал между деревьев и среди камней, перепрыгивал через замерзшие ручьи и маленькие овражки, вбегал на холмы и сносился вниз по склонам, пронесился сквозь остекленелые, усыпанные радужными огоньками кусты, бежал вдоль замерзшей речки.

Он остановился и фыркнул. Он принюхался.

Он открыл пасть и засмеялся — это было нечто, чему он научился от людей.

Затем, вздохнув очень глубоко, он откинул голову назад и завыл — это было нечто, чему его научили не люди.

На самом деле, он не знал, где он этому научился.

Его вой прокатился по холмам, и эхо отозвалось между ними звуком горна. Когда он прислушался к эху, его уши стали торчком.

Затем он услышал ответный вой, похожий на его собственный.

Не могло быть воя, совсем похожего и непохожий на его собственный, потому что его голос не совсем был голосом собаки.

Он прислушался, он принюхался, он завыл снова.

И снова пришел ответ. На этот раз ближе...

Он ждал, пробуя на вкус ветерки, чтобы разоб- рать послания, которые они несут.

Навстречу ему на холм поднималась собака, сперва быстро, затем замедляя до осторожного

шага. Она остановилась в сорока футах, глядя на него. Затем она опустила голову.

Это была какая-то из вислоухих охотничьих собак — большая, не чистой породы...

Он принюхался еще раз и издал тихий звук.

Собака обнажила клыки.

Он начал к ней приближаться, и она не двигалась, пока он не подошел футов на десять. Затем она повернулась и стала отходить.

Он остановился.

Собака внимательно посмотрела на него и начала обходить вокруг. Она перешла на подветренную сторону и принюхалась.

Наконец, он обратился к ней с каким-то звуком, рожденным глубоко в горле. Он прозвучал до странности похоже на «здравствуй».

Собака зарычала. Он шагнул к ней.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она наклонила голову набок.

— Хорошая собака, — сказал он снова.

Он сделал еще шаг в ее сторону, потом еще. Потом он сел.

— ...Очень хорошая собака, — сказал он.

Она слабо завиляла хвостом.

Он поднялся и подошел к ней. Она обнюхала его всего. Он ответил той же любезностью. Она завиляла хвостом, закружилась вокруг него, закинув голову, и дважды что-то пролаяла. Она двигалась по все более широкому кругу, иногда опуская голову к земле. Затем, не поднимая головы, она метнулась в лес.

Он подошел к месту, где она остановилась последний раз, и обнюхал землю. Потом повернулся и пошел по следу между деревьев.

Через несколько секунд он догнал ее, и они побежали бок о бок. Затем он выбежал вперед, след закружился, занырял и запетлял. Наконец, он стал совсем ясным.

Из маленького кустика выпрыгнул кролик.

Он догнал его и схватил своими огромными челюстями. Кролик вырывался, он встряхнул головой. В спине кролика что-то хрустнуло, и сопротивление прекратилось. Он немного подержал его, затем оглянулся. Собака шумно подбежала к нему, вся дрожа. Он бросил кролика к ее ногам.

Собака выжидающе посмотрела на него.

Он продолжал смотреть на нее.

Она опустила голову и разорвала маленькое тело. В холодном воздухе запахло кровью. Заблудившиеся снежные хлопья опустились на коричневую собачью голову. Она жевала и заглатывала, жевала и заглатывала...

Наконец, и он опустил голову и впился в добычу. Это была горячая сырая плоть. Когда он набросился на нее, собака отскочила назад с замирающим в горле рычанием.

Впрочем, он не был особенно голоден, он оставил добычу и отошел. Собака снова набросилась на еду.

После этого они охотились вместе еще несколько часов.

Он всегда успевал убить первым, но всегда оставлял добычу ей. Они загнали вместе семь кроликов. Последних двух они оставили нетронутыми.

Собака села и стала смотреть на него.

— Хорошая собака, — сказал он ей.

Она завиляла хвостом.

— Плохая собака, — сказал он ей.

Хвост перестал вилять.

— Очень плохая собака.

Ее голова поникла. Она посмотрела на него снизу.

Он повернулся и стал уходить.

Она пошла за ним, держа хвост между задними ногами.

Он остановился и оглянулся через плечо.

Собака попыталась приластиться.

Тогда он пять раз пролаял и завыл.

Хвост и уши снова поднялись. Она приблизилась к нему, снова его обнюхивая. Он издал звук, похожий на смех.

— Хорошая собака, — сказал он.

Хвост завилял.

Он снова засмеялся.

— Ми-кро, це, фали, ческая, и-ди-от-ка, — сказал он ей.

Хвост продолжал вилять.

Он рассмеялся.

— Хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака.

Она прокрутилась вокруг себя, опустила голову между передними лапами и посмотрела на него.

Он обнажил клыки и зарычал. Потом он прыгнул на нее и укусил в плечо.

Она взвизгнула и побежала прочь.

— Дурак! — прорычал он. — Дурак, дурак, дурак, дурак, дурак.

Ответа не было.

Он снова завыл, это был звук, не похожий на те, которые может издать любой другой зверь на земле.

И потом он вернулся к машине, открыл носом дверь и залез внутрь.

Он нажал на кнопку на панели и мотор заработал. Дверь закрылась и зафиксировалась. Он набрал лапой нужные координаты. Машина задним ходом отъехала от дерева, затем двинулась к дороге.

Она быстро въехала на автостраду и исчезла.

Где-то шел человек.

В это промозглое утро можно было надеть пальто теплее, но ему нравилось это, с меховым воротником.

Держа руки в карманах, он шел мимо ограды. С другой стороны ограды с ревом проносились машины.

Он не поворачивал головы.

Он мог быть сейчас в любом из многочисленных других мест, но он выбрал это.

Этим промозглым утром он решил пройтись.

Он решил не думать ни о чем, кроме прогулки.

Машины проносились мимо, а он шел медленно, но ровно.

Он не встретил больше ни одного пешехода.

Его воротник был поднят от ветра, но это не защищало его от всего холода.

Он продолжал идти и утро покусывало его и хватало за одежду. День принял его идущим в свою бесконечную галерею, непрописанного и незамеченного.

Канун Рождества.

... В отличие от Нового Года

Это время объединения семей, святочных полень-

ев и разукрашенных — подарками — деревьев, время, когда едят особенную еду и пьют особое питье.

Это время человека, а не общества; это время думать о себе и своей семье, а не о человечестве в целом; это время заиндевелых стекол, ангелов, чьи чьи одежды усыпаны звездами, время пылающих купин, плененных радуг, толстых Санта Клаусов в двух парах штанов (потому что малыши, сидящие у них на коленях, так легко заходятся в благоговении); время церковных окон, метелей, святочных песен, колоколов, спектаклей с яслями, приветственных вестей от тех, кто далеко (даже если они живут рядом); время, когда по радио читают Диккенса, время венков и свечей, остролиста и можжевельника, елей, сосен, библейской и средневековой Англии, время «Кто это дитя» и «Маленький город Вифлеем», время рождения и надежды, света во тьме; время накануне свершения, мелькания красного и зеленого, время смены годичного караула, время традиций, одиночества, симпатии, сочувствия, сентиментальности, пения, веры, надежды, милосердия, любви, желания, стремления, страха, удовлетворения, достижения, веры, обещаний, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время обнимать, получать и терять, смеяться, танцевать, оплакивать, порывать, молчать, говорить, умирать и не говорить. Это время разрушать и строить, время сажать и вырывать то, что посажено . . .

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джилл Девилль вместе начали мирное утро кануна Рождества.

Квартира Рендера находилась на вершине башни из стекла и стали. На ней был некоторый налет постоянства. Там были полки с книгами, кое-где они оживлялись статуэтками; на открытых местах висели примитивистские картины, выдержанные в первичных цветах. Маленькие выпуклые и вогнутые зеркала были обрамлены веточками мальвы.

На каминной полке лежали поздравительные открытки. Растущие в горшках растения (два в гостиной, одно в кабинете, два на кухне и куст в спальне) были усыпаны мишурой и увешаны звездами. Квартиру заполняла музыка.

Пуншевая чаша выглядела розовым рубином в алмазном обрамлении. Она принимала парад на низ-

ком кофейном столике красного дерева; сопровождающие ее чашки блестели в рассеянном свете.

Было время распаковывать рождественские подарки...

Джилл завернулась в свой подарок.

— Горностаи! — воскликнула она. — Как великолепно! Как красиво! Спасибо тебе, дорогой Шейпер!

Рендер улыбнулся и выпустил несколько колец дыма.

Ее шуба искрилась на свету.

— Снег, но теплый! Лед, но мягкий..., — сказала она.

— Шкуры убитых животных, — заметил он, — лучшее доказательство доблести охотника. Я добыл их для тебя, взлетая вверх и вниз по Земле и пересекая ее туда и обратно. Я пошел к нежнейшим из белых существ и сказал: «Дайте мне ваши шкуры», и они дали. Велик Рендер — охотник.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала она.

— О?!

— Вот. Вот твой подарок!

Он сорвал обертку.

— Запонки, — сказал он, — тотемические. Три золотых лица, одно над другим. Я, Эго и Суперэго, — так я их назову, самое высшее будет самым восторженным.

— Улыбается нижнее, — сказал Питер.

Рендер кивнул сыну.

— Я не уточнял, которое из них высшее, — сказал он ему, — а улыбается оно потому, что у него свои радости, которые толпа никогда не поймет.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм, — ответил Рендер, — да, Бодлер.

— ... Сильно искаженный, — сказал его сын.

— Обстоятельства, — произнес Рендер, — это дело времени и случая. Бодлер на Рождество — в этом есть что-то старое и что-то новое.

— Похоже на обряд венчания, — сказал Питер.

Джилл вспыхнула над своим снежным полем меха, но Рендер, казалось, не заметил.

— А сейчас и тебе пора открыть свои подарки, — сказал он.

— Отлично.

Питер разорвал обертку.

— Алхимический набор, — сказал он, — как раз

то, что я всегда хотел, — с перегонным кубом, ретортами и с запасом эликсира жизни. Великолепно! Спасибо, мисс Девиаль.

— Пожалуйста, называй меня Джилл.

— Конечно, Джилл. Спасибо!

— Открой другой.

— Хорошо.

Он разорвал обертку с мальвой и колоколами.

— Невероятно! — произнес он. — Еще что-то, о чем я всегда мечтал. Что-то из библиотеки и что-то голубое: семейный альбом в голубом переплете и копия Отчета Рендера на слушаниях подкомиссии Сената по Социопатической терапии государственных служащих. А также полные собрания Лофтинга, Грехема и Толкина. Спасибо, папа! — О боже мой, тут еще что-то! Талис, Морли, Моцарт и старый мертвый Бах. Прекрасные звуки, которые зальют мою комнату. Спасибо, спасибо! Что же я могу дать взамен? Посмотрим... Как насчет вот этого? — Он протянул пакет отцу, и другой — Джилл.

Рендер вскрыл свой, а Джилл — свой.

— Шахматный набор, — Рендер.

— Пудра, — Джилл.

— Спасибо, — Рендер.

— Спасибо, — Джилл.

— Обоим, пожалуйста.

— Ты умеешь обращаться с магнитофоном?

— Слушай сам, — сказал Питер.

Он включил свой магнитофон.

Он заиграл о Рождестве и о святости, о вечере и блестящей звезде, о горячем очаге, праздничной попойке, о пастухах, королях, о свете и о голосах ангелов.

Закончив, он отключил магнитофон и отложил его в сторону.

— Очень хорошо, — сказал Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл, — очень...

— Спасибо.

— Как школа? — спросила Джилл.

— Прекрасно, — ответил Питер.

— Перемена доставит хлопоты?

— Не особенно.

— Почему?

— Потому что я — отличник. Я хороший ученик. Папа меня хорошо подготовил — очень хорошо,

— Но будут другие учителя...

Он пожал плечами.

— Если ты знаешь учителя, ты всего лишь знаешь учителя, — сказал он. — Но если ты знаешь предмет, то ты знаешь предмет. А я знаю много предметов.

— А ты знаешь что-нибудь про архитектуру? — вдруг спросила она.

— А что бы вам хотелось узнать? — спросил он, улыбаясь.

Она откинулась назад и посмотрела в сторону.

— То, что ты спрашиваешь именно так, говорит, что ты знаешь что-то про архитектуру.

— Да, — согласился он, — я знаю. Я ее недавно изучал.

— Это все, что я хотела узнать — в самом деле...

— Спасибо. Я рад, что вы думаете, что я что-то знаю.

— А все-таки, почему ты знаешь архитектуру? Я уверена, что она не входит в обычную программу.

— «Nihil hominum»¹. — Он пожал плечами.

— Ладно, я просто спросила. — Она быстро взглянула в направлении своей сумочки. — Что ты о ней думаешь? — спросила она, доставая свои сигареты.

Он улыбнулся.

— Что можно думать об архитектуре? Это как солнце — большое, светлое, и оно есть. Это, пожалуй, все, — если вы не хотите вдаваться в подробности.

Она снова вспыхнула.

Рендер поднес огонь к ее сигарете.

— Я имею в виду, она тебе нравится?

— Неизменно, если она старая и недалеко, или если она новая и я внутри, а снаружи холодно. Я утилитарен в вопросах физического удовольствия и романтик в тех, что относятся к чувствительности.

— Хорошо, — сказала Джилл и посмотрела на Рендера. — Чему ты учил своего сына?

— Всему, чему мог, — ответил он, — и так быстро, как только мог.

— Для чего?

— Не хочу, чтобы когда-нибудь его обошел кто-то

¹ Ничто человеческое (лат.)

ростом с небоскреб и весь набитый фактами и сведениями.

— Некрасиво говорить о людях так, будто их нет, — сказал Питер.

— Верно, — сказал Рендер, — но хороший тон не всегда является хорошим тоном.

— Звучит так, будто кто-то должен перед кем-то извиниться, — заметил Питер.

— Это решение, которое человек должен принять сам, иначе оно обесценивается.

— В таком случае, — заметил он, — я только что решил, что я не должен никому принести извинения. Впрочем, если кто-то должен принести извинение мне, я приму его как джентльмен и в хорошем тоне.

Рендер встал и сверху посмотрел на сына.

— Питер, — начал он.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Очень вкусно, и мой уже кончился.

Рендер потянулся за чашкой.

— Я налью, — сказал Питер.

Он взял чашку и размешал пунш хрустальным черпаком. Потом он поднялся на ноги, опираясь одним локтем о спинку стула.

— Питер!

Он поскользнулся.

Чашка и ее содержимое полетели на колени Джилл. Пунш земляничного цвета потек потоками по белому меху ее шубы. Чашка скатилась на диван и замерла в центре расширяющегося пятна.

Питер вскрикнул и, опустившись на пол, схватился за щиколотку.

В нижнюю дверь позвонили.

Рендер произнес какой-то длинный медицинский термин на латыни. Наклонившись, он взял одной рукой лодыжку сына, а другой стопу.

— Болит?

— Да!

— Так?

— Да! Вся болит.

— А так?

— С этой стороны... Здесь!

Рендер помог ему подняться и, придерживая его, потянулся за костылями.

— Пойдем, Со мной, вместе. У доктора Хейделла

внизу есть домашняя лаборатория. Этот лубок снимается. Я хочу просветить твою ногу еще раз.

— Нет! Она не...

— А как насчет моей шубы? — произнесла Джилл.

Звонок зазвенел снова.

— К черту все! — объявил Рендер, нажимая кнопку интеркома.

— Да! Кто это?

Послышался звук дыхания. Затем

— Хм, это я, босс. Я не вовремя?

— Бенни! Нет, — послушайте, я не хотел на вас огрызаться, просто тут начался ад кромешный. Поднимайтесь, Когда доедете, все будет снова нормально и спокойно.

— ... Да, то есть если вы уверены, что все в порядке. Я хотела зайти только на минуту, мне нужно еще кое-куда.

— Конечно. Я открываю.

Он хлопнул по кнопке.

— Побудь здесь ипусти ее, Джилл. Мы вернемся через несколько минут.

— А как насчет моей шубы? И дивана?

— Всему свое время. Не беспокойся. Пошли, Пит.

Он вывел его в холл, где они вошли в лифт и направили его на шестой этаж. По пути вниз их лифт прошелестел мимо того, в котором была Бенни, направляющаяся наверх.

Дверь щелкнула. Однако до того, как она успела открыться, Рендер нажал на кнопку «Стоп».

— Питер, — спросил он, — почему ты ведешь себя как сопливый подросток?

Питер вытер глаза.

— Черт, у меня же переходный возраст, — сказал он, — а что касается сопливости...

Он высморкался.

Рука Рендера начала подниматься, но опустилась с полдороги. Он вздохнул.

— Ладно, потом обсудим.

Он отпустил кнопку «Стоп», и дверь открылась.

Квартира доктора Хейделла была в конце коридора. Большая связка можжевельных и еловых шишек висела на двери, обрамляя латунный молоточек.

Рендер поднял и отпустил молоточек.

Изнутри доносились слабые звуки рождественской музыки. Через мгновение послышались шаги, и дверь открылась. Перед ними стоял доктор Хейделл, глядя между двумя большими стаканами.

— Так, колядники.— объявил он низким голосом.— Входите. Чарльз и ?...

— Мой сын Питер, — сказал Рендер.

— Рад с тобой познакомиться, Питер, — сказал Хейделл.— Входите и присоединяйтесь к вечеринке.

Он распахнул дверь и шагнул в сторону.

Они отправились в вихрь Рождества, и Рендер объяснил:

— У нас наверху случилось маленькое происшествие. Питер недавно сломал щиколотку и только что снова на нее упал. Я бы хотел воспользоваться твоим рентгеном.

— Конечно, — ответил маленький доктор, — проходите сюда. Очень грустно об этом слышать.

Он провел их через гостиную, в разных местах которой находилось семь или восемь человек.

— Счастливого Рождества!

— Привет, Чарли!

— Счастливого Рождества, Док!

— Как там прочистка мозгов?

Рендер механически поднял руку и кивнул в четырех направлениях.

— Это Чарльз Рендер. Он занимается нейроприсутствием, — объяснил Хейделл остальным, — а это его сын Питер. Мы вернемся через несколько минут. Им нужна моя лаборатория.

Они вышли из комнаты и прошли на два шага в вестибюль. Хейделл открыл изолированную дверь в свою изолированную лабораторию, которая обошлась ему во много времени и денег. Потребовалось согласие местных строительных властей, ему пришлось обеспечить более чем полный больничный стандарт экранировки и получить согласие домоуправления, которое, в свою очередь, основывалось на письменном согласии всех остальных жильцов. Как догадывался Рендер, кое-кого из последних пришлось убеждать аргументами экономического характера.

Они вошли в лабораторию, Хейделл включил свою аппаратуру, сделал необходимые снимки и пропустил их через скоростную проявку и просушку.

— Хорошо, — объявил он, изучив их. — Никаких новых повреждений и перелом хорошо заживает.

Рендер улыбнулся. Он заметил, что у него дрожали руки.

Хейделл хлопнул его по плечу.

— Так пошли, попробуй нашего пунша!

— Спасибо, Хейделл. Я так и сделаю. — Он всегда называл его по фамилии, поскольку они оба были Чарльзы. Они выключили аппаратуру и вышли из лаборатории.

Оказавшись снова в гостиной, Рендер пожал несколько рук и сел с Питером на диван. Он потягивал свой пунш, а один из присутствующих людей с которым он только что познакомился, завел с ним разговор.

— Так вы Шейпер, да?

— Верно.

— Меня всегда интересовала эта область. У нас тут была потасовка в госпитале, как раз на прошлой неделе...

— О?

— Наш штатный психиатр сказал, что нейропия не более и не менее успешна, чем обычные терапевтические курсы.

— Не думаю, что он может судить, особенно, если вы говорите о Майке Мисмайре, как я думаю, оно и есть.

Доктор Минтон развел руками.

— Он сказал, что собрал данные.

— Перемена, которая происходит с пациентом в сеансе нейропии, качественная. Не знаю, что он имеет в виду под «успешностью». Лечение успешно, если вы убираете проблему пациента. Есть много способов это сделать — их столько, сколько врачей, — но нейропия качественно превосходит что-либо типа психоанализа, поскольку производит измеримые, органические изменения. Она оперирует прямо с нервной системой, под налетом истинных и стимулированных афферентных импульсов. Она производит желаемое состояние самосознания и подправляет нейрологическую основу так, чтобы она поддерживалась. Психоанализ и родственные области чисто функциональны. Если проблема была решена при помощи нейропии, вероятность, что она возникнет снова, меньше.

— Тогда почему вы не используете ее для лечения психозов?

— Это делалось пару раз. Но обычно это слишком рискованное предприятие. Помните, ключевое слово — это «участие». Задействованы две нервные системы, два сознания. Если картина отклонения слишком сильна и оператор не может ее контролировать, то все может превратиться в сеанс обратной терапии — антинеуропии. Тогда меняется уже его состояние самосознания, переключаются его нейрологические переключатели. И у него самого появляется психоз, реальное органическое повреждение мозга.

— Кажалось бы, должен существовать какой-то способ ограничить обратную связь, — сказал Минтон.

— Пока еще нет, — объяснил Рендер, — не существует — такого, чтобы не приносилась в жертву эффективность оператора. Прямо сейчас над этим работают в Вене, но пока, кажется, решение далеко.

— Когда вы его найдете, вы, вероятно, займетесь более существенными умственными расстройствами, — сказал Минтон.

Рендер допил свой пунш. Ему не понравилось ударение, которое собеседник сделал на слове «существенными».

— Ну, а тем временем, — продолжал он через мгновение, — мы лечим то, что можем лечить лучшим способом, какой только знаем, а нейропия, несомненно, лучший из известных способов.

— Некоторые говорят, что на самом деле вы не лечите неврозы, а подкармливаете их, что вы удовлетворяете пациентов тем, что даете им их собственные маленькие миры, где они лелеют свои неврозы, — как каникулы от реальности, места, где они — почти как Боги.

— Это не так, — сказал Рендер. — То, что происходит в этих мирах, вовсе не всегда приятно. Они совершенно ничем не управляют; управляет Шейпер, или, как вы говорите, Бог. То, что происходит, — урок. Вы учитесь через радость и учитесь через боль. Обычно, это, скорее, болезненно, чем приятно. — Он зажег сигарету и взял вторую чашку пунша. — Так что я не считаю эту критику серьезной.

— ... И это довольно дорого им обходится, — сказал Минтон.

Рендер пожал плечами.

— Вы когда-нибудь прикидывали, сколько стоит Всеканальное Нейропередающее и Приемное Устройство?

— Нет.

— Сделайте это как-нибудь, — сказал Рендер.

Он дослушал рождественскую коляду, отложил сигарету и встал.

— Большое спасибо, Хейделл, — сказал он. — Мне пора идти.

— Что за спешка, — спросил Хейделл. — Останься еще.

— Я бы хотел, — сказал Рендер, — но у меня люди наверху.

— Да? Много?

— Двое.

— Тащи их вниз. Я как раз собирался организовать буфет, здесь всего больше чем достаточно. Я их накормлю и дам выпить.

— Ладно, — сказал Рендер, — тогда...

— Прекрасно! — заключил Хейделл. — Почему бы просто не позвонить им отсюда?

Он так и сделал.

— Нога у Питера в порядке, — сказал он.

— Здорово! А как теперь насчет моей шубы? — спросила Джилл.

— Забудь пока. Я о ней позабочусь позднее.

— Я попробовала теплую воду, но она все еще розовая...

— Сунь ее обратно в коробку и больше с ней не возись! Я сказал, я о ней позабочусь.

— Хорошо, хорошо. Мы будем внизу через минуту. Бенни принесла подарок Питеру и что-то для тебя. Она зашла по пути к сестре, но говорит, что не спешит.

— Великолепно! Тащи ее вниз. Она знает Хейделла.

— Прекрасно. — Она положила трубку.

Канун Рождества.

... В противоположность Новому году

Это время человека, а не общества; это время думать о себе и о своей семье, а не об обществе. Это

время многих вещей: время находить и время терять; время хранить и время разбрасывать. Это время сажать и время выдергивать то, что посажено...

Они ели, стоя у буфета. Большинство из них пили теплый «Ронрико» с корицей и гвоздикой, фруктовый коктейль и приправленный имбирем пунш. Они говорили об искусственных легких, кровяных тельцах, о компьютерной диагностике, о бесполезности пеницилина. Питер сидел, сложив руки на коленях, слушая, смотря. Его костыли лежали у его ног. Комнату наполняла музыка.

Джилл тоже сидела и слушала.

Когда заговаривал Рендер, все замолкали. Бенни улыбнулась, взяла себе еще выпить. Модный доктор или нет, но когда Рендер говорил, звучал голос диск-жокея и логика иезуита. Ее босс был известен. Кто знал Минтона? Кто знал Хейделла? Просто врачи и больше никто. Шейперы были на взлете, а она — его секретарь. О Шейперах знали все. Не было ничего особенного в том, чтобы быть кардиологом, специалистом по костям, анестезиологом или терапевтом. Ее босс олицетворял ее понимание славы. Другие девушки всегда спрашивали ее о нем, о его волшебной машине... О них писал «Таймс», и Рендеру там было посвящено три абзаца, на два больше, чем любому из остальных, — кроме, конечно, Бартелмеца.

Музыка сменилась легкой классикой, балетом. Бенни почувствовала декабрьскую ностальгию, ей захотелось снова танцевать, как это было однажды, давно. Время года и люди вокруг в соединении с музыкой, пуншем и обстановкой, заставили ее ноги легонько притоптывать, обратили ее мысли к воспоминаниям о софитах, сцене, заполненной цветами и движением, и о ней самой. Она прислушалась к разговору.

— ... Раз уж вы можете передавать их и принимать, то вы можете их и записывать, правда? — спрашивал Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Я так и думал. Почему они так мало обсуждают дело с этой точки зрения?

— Лег еще пять или десять — может и меньше — и они начнут. Но пока к использованию записей

допущен ограниченный и квалифицированный персонал.

— Почему?

— Ну, — Рендер остановился зажечь новую сигарету, — если быть совсем откровенным, чтобы держать всю область под контролем до тех пор, пока мы не узнаем о ней побольше. Если сделать это общедоступным, это может быть использовано коммерчески — и, вероятно, с бедственными последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что я бы мог взять лично стабильного человека и построить в его сознании любой сон, который вы только можете назвать, — и много таких, которые вы назвать не сможете. Сны от насилия и секса к садизму и извращениям, по заданному плану, подобно рассказу с полным присутствием, сны, граничащие с самим безумием, исполнение любых желаний, в любом виде. Я могу даже выбрать какой-нибудь художественный стиль, от экспрессионизма до сюрреализма, если угодно. Сон с насилием в кубистском обрамлении? Прекрасно! Вы можете даже стать лошадью Герники. Я могу это сделать. Я могу записать все это и снова проиграть вам или кому-то другому любое количество раз.

— Бог мой!

— Да, Бог. Я могу сделать Богом и вас, если хотите, и я могу сделать, чтобы создание длилось для вас семь полных дней. Я контролирую чувство времени, и я могу растянуть истинные минуты в субъективные часы.

— Рано или поздно все это вырвется, не так ли?

— Да.

— И каковы будут результаты?

— Никто не знает.

— Босс, — тихо спросила Бенни, — а вы можете оживить воспоминания? Вы можете воскресить что-то из прошлого и сделать его снова живым, будто все происходит снова?

Закусив губу, Рендер посмотрел на нее странным взглядом.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но не стоит этого делать. Это будет поощрять человека жить прошлым, временем, которого уже не существует. Это нанесет вред ментальному здоровью. Это

приведет к регрессу, станет еще одним способом нейротического побега в прошлое.

Сюита «Щелкунчик» закончилась, комнату заполнили звуки «Лебединого озера».

— И все-таки, — сказала Бенни, — я бы хотела снова стать лебедем...

Она поднялась и сделала несколько неуклюжих шагов — большой пьяный лебедь в красно-коричневом платье. Она вспыхнула и быстро села. Потом засмеялась и с ней засмеялись остальные.

— А где бы хотел быть ты? — спросил Минтон Хенделла.

Маленький доктор улыбнулся.

— На одном уикэнде летом моего третьего года в медицинской школе, — сказал он. — Да, я бы износил эту запись за неделю. А ты, сынок? — спросил он Питера.

— Я еще слишком молод, чтобы иметь хорошие воспоминания, — ответил Питер. — А как насчет вас, Джилл?

— Я не знаю... Думаю, я бы хотела снова стать маленькой, — сказала она, — и чтобы папа — я имею в виду, мой отец, — читал мне воскресным днем, зимой.

Она посмотрела на Рендера.

— А ты, Чарли? — спросила она. — Если бы ты на минуту стал не профессионалом, какое время выбрал бы ты?

— Это, — ответил он, улыбаясь, — Я счастлив прямо здесь, где я нахожусь, и прямо в эту минуту.

— В самом деле, ты в самом деле счастлив?

— Да! — сказал он, взял новую чашку пунша и рассмеялся. — Да, я действительно счастлив.

За его спиной раздался храп. Бенни задремала.

И музыка звучала и звучала, и Джилл все переводила взгляд с отца на сына и обратно. Рендер поменял фиксатор на щиколотке Питера. Мальчик зевал. Она смотрела на него. Кем он станет через десять лет? Или через пятнадцать? Перегоревшим вундеркиндом? Мастером в какой-то пока неизвестной области?

Она смотрела на Питера, который смотрел на своего отца.

— ... Но это может быть подлинным искусством, — говорил Минтон, — и я не вижу, как цензура...

Она посмотрела на Рендера.

— ... Человек не имеет права быть безумным, — говорил он, — не более, чем он имеет право осуществлять самоубийство.

Она коснулась его руки, и он, отдернув ее, подскочил, будто пробудившись от дремоты.

— Я начинаю уставать, — сказала она. — Ответь мне домой?

— Сейчас, — ответил он, кивая. — Пусть Бенни еще поспит, — и он вернулся к Минтону.

Питер повернулся к ней и улыбнулся.

Неожиданно она почувствовала, что в самом деле очень устала.

До сих пор она всегда любила Рождество.

Наискосок от нее продолжала похрапывать Бенни, на ее лице иногда мелькала слабая улыбка.

Где-то, в другом мире, она танцевала.

Где-то, в другом мире, кричал человек по имени Пьер, может, оттого, что он больше не был человеком по имени Пьер.

Я? Я сама жизнь, как говорит «Тайм», твой еженедельник. Заходи-ка, Чарли. Вот. Видишь? С обложкой всегда так, после того, как прочтешь статью, которая под ней. Впрочем, тогда уже поздно. Ну ладно, они хотели как лучше, но, знаешь ли ... Пошли мальчика, пусть принесет мне кувшин с водой и тазик, ладно? «Смерть номера» — так они это называли. Говорят, что человек может играть один и тот же номер, двигаясь в огромной и сложной социологической структуре, известной как «окружение», при каждой возможности исполняя свой номер в новые девственные уши. Бог ты мой! Всемирные телекоммуникации спустили эту инвалидную коляску с горы несчетное количество выборов назад. Она сейчас грохочет где-то в скалах Лимбо. Мы подошли к новой, славной и жизненно важной эре ... Так что

вы — все люди везде там — в Хельсинки и в Терредель-Фуэго, — скажите-ка мне, слышали ли вы такой номер: это о старинном комике с тем, что они называли номером. Однажды вечером он выступал по радио, и по своей обычной привычке он рассказал свой номер. Хорошим, актуальным и основательным был его номер, полным намеков и парадоксов. К сожалению, он остался после этого без работы, потому что все уже знали его номер. В отчаянии, царапая себя глиняными горшечными черепками, он взобрался на перила ближайшего моста. Когда он уже почти бросился вниз, в текущий там темный символ смерти, его внезапно остановил голос: «Не бросайся вниз, в текущий там темный символ смерти», — произнес голос, — выбрось свои горшечные черепки и слезь с перил». Обернувшись, он увидел странное существо — скажем прямо довольно уродливое, — все в белом, смотрящее на него с почти беззубой улыбкой. «Кто ты, о странное, улыбающееся существо все в белом? — спросил он. «Я Ангел Света», — ответило оно, — и я пришел оставить тебя и не дать тебе убить себя». Он покачал головой. «Увы, — сказал он, — но я должен умереть, потому что мой номер весь вышел». Тогда ангел поднял руку, вот так... «Не отчаивайся, — произнес он, — не отчаивайся, потому что мы, Ангелы Света, умеем творить чудеса. Я могу дать тебе другие номера, которые можно будет использовать в этом коротком и утомительном миге смертного существования». Затем «Молю, — сказал он, — скажи мне, что я должен сделать, чтобы это чудо случилось? — «Спи со мной», — ответил Ангел Света. «Но разве это не странно и по-ангельски?» — спросил он. «Ничуть! — ответил он. — Перечитай внимательней Ветхий Завет и ты удивишься тому, что ты узнаешь об ангельских отношениях». «Очень хорошо, — согласился он, отбрасывая свои черепки. И они ушли оттуда, и он исполнил другой номер, несмотря на то, что едва ли она была самой миловидной из Дочерей Света. Следующим утром он вскочил в воодушевлении, похлопал по плечу, которое вчера обнимал в любви, и закричал: «Проснись! Проснись! Тебе пора снабдить меня моим неистощимым запасом номеров!» Она открыла один глаз и взглянула на него. «Сколько времени ты ис-

полнял свой номер? — спросила она его. «Тридцать лет», — ответил он. «И сколько, в таком случае, лет тебе? — осведомилась она. «Хм, сорок пять», — ответил он. Тогда она зевнула и улыбнулась. «Разве это не достаточно солидный возраст для того, чтобы перестать верить в Ангелов Света?» — спросила она. Тогда он, конечно, вышел из себя и снова проделал тот, свой другой номер . . . Дай мне сейчас послушать немного спокойной музыки, а? Хорошо! Прямо вздрагиваешь от этого, правда? Знаешь, почему? Где в наши дни ты слышишь успокаивающую музыку? А? В приемных дантистов, в банках и магазинах и в подобных местах, где всегда приходится долго ждать, пока тебя обслужат! Ты слушаешь успокаивающую музыку, получая при этом эту сильную травму. Каков результат? Успокаивающая музыка стала самой неспокойной в мире. Кроме того, я от нее всегда хочу есть. Ее играют во всех этих ресторанах, где тебя медленно обслуживают. Это ты им прислуживаешь, вот в чем дело — и они играют эту проклятую успокаивающую музыку. Что ж. . . Но где же мальчик с кувшином и тазиком? Я хочу умыть руки . . . Ты слышал об этом адмирале, который долетел до Кентавра? он открыл расу гуманоидов и принялся изучать их обычаи, фольклор, мораль и табу. Наконец, он коснулся вопроса воспроизведения. Нежное юное существо женского пола взяло его за руку и повело на большую фабрику, где собирали Кентавров. Да, верно — торсы плыли по конвейеру, прикручивались яйца, мозги вставлялись в черепа, прикреплялись ногти, вставлялись внутренности и так далее. Он выразил свое изумление, и она спросила: «А как вы делаете это на Земле?». Тогда, взяв ее за нежную руку, он сказал: «Пойдем со мной за сей холм и я покажу». Во время его показа она начала истерически смеяться. «В чем дело? — осведомился он. — Почему ты смеешься надо мной?». «Это, — ответила она, — способ, которым мы производим машины. . .» Обсуши меня, дитя, и подай немного зубной пасты.

«. . . Аййе! Что я, Орфей, должен быть разорван на части подобными тебе! Но может, в чем-то это и верно? Иди же, о Корибант, и исполни на певце свою волю!».

Темнота. Крик.

Тишина...
Аплодисменты!

Она всегда приходила рано и входила в зал одна, она всегда садилась на одно и то же место.

Она садилась в десятом ряду, с правой стороны, и ее единственной проблемой было время антракта: она не замечала, что кто-то хочет пройти.

Она рано приезжала и оставалась до тех пор, пока театр не затихал.

Ей нравились поставленные голоса, вот почему она предпочитала британских певцов американским.

Ей нравились мюзиклы, не столько потому, что ей нравилась музыка, а потому, что ей нравилось ощущать пульсацию голосов. Поэтому ей нравились и пьесы.

Ей нравились Елизаветинцы, но она не любила «Короля Лира».

Ее воодушевляли греческие трагедии, но она терпеть не могла «Короля Эдипа».

Ей не нравился ни «Поставщик чудес», ни «Свет погас».

Она носила темные очки, но не черные. Она не носила трости.

Этой ночью, перед поднятием занавеса к последнему акту, темноту пронизал прожектор. В образованный им круг вошел человек и спросил: «Есть ли в зале врач?».

Никто не ответил.

— Это срочно, — сказал он. — Если здесь есть доктор, не будет ли он любезен придти в оффис в главном фойе, немедленно.

Говоря, он скользнул по залу взглядом, но никто не двинулся.

— Благодарю вас, — сказал он и покинул сцену.

Ее голова повернулась к светлomu кругу, когда он появился.

После объявления занавес был поднят и движение и голоса возобновились.

Она ждала, прислушиваясь. Потом встала и пошла вверх по проходу, касаясь стены концами пальцев, Выйдя в фойе, она остановилась и стояла там,

— Я могу вам помочь, мисс?

— Да, я ищу оффис.

— Это прямо здесь, слева от вас.

Она повернулась и двинулась влево, слегка вытянув перед собой руку. Коснувшись стены, она начала быстро водить руками, пока не нащупала дверной косяк. Она постучала и стала ждать.

— Да? — дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— Вы врач?

— Верно.

— Быстрее! Сюда!

Она последовала за шагами внутрь и вверх по коридору, параллельному ломам. Затем она услышала, что он поднимается на семь ступенек и поднялась за ним. Они подошли к уборной, и она зашла за ним во внутрь.

— Вот он.

Она пошла на голос.

— Что случилось? — спросила она, протягивая вперед руки.

Она коснулась человеческого тела.

Раздался булькающий хрип и несколько спазматических покашливаний.

— Это рабочий сцены, — сказал человек. — Думаю, он поперхнулся куском лакрицы. Он ее все время жевал. У него, похоже, что-то в горле, но я не могу достать.

— Вы вызвали «Скорую помощь?»

— Да, но посмотрите на него — он синее! Не знаю, будут ли они здесь вовремя.

Она отклонила голову назад и прощупала внутренность глотки.

— Да, там что-то есть. Я тоже не достаю. Дайте мне короткий острый нож, стерильный, быстро!

— Да, мадам, сейчас!

Он оставил ее одну.

Она чувствовала пульсацию сонной артерии. Она положила руки на вздымающуюся грудь. Она отклонила голову еще дальше назад и снова ввела пальцы в горло.

Прошла минута и часть следующей.

Раздался звук торопливых шагов.

— Вот... Мы окунули лезвие в спирт...

Она взяла нож в руки. Вдали послышался звук сирены «Скорой помощи». Но она не была уверена, что она будет вовремя.

Поэтому она провела концами пальцев по лезвию и ощупала шею человека.

Потом она слегка повернулась по направлению к присутствию, которое ощущала за собой.

— Не думаю, что вам стоит на это смотреть. Я собираюсь провести срочную трахеотомию. Это неприятное зрелище.

— Хорошо. Я подожду снаружи.

Шаги удаляются...

Она нажала на нож.

Раздался вдох. Шипение воздуха.

Влажность... Булькание.

Она повернула голову. Когда в дверях появилась бригада «Скорой помощи», ее руки вновь обрели уверенность, потому что она знала, что человек будет жить.

— ...Шелот, — сказала она врачу, — Эйлин Шелот, Городская Психиатрическая.

— Я о вас слышал. Вы не...?

— Да, но читать людей легче, чем Брайля.

— Да, я вижу. Можем ли мы связаться с вами в Городской?

— Да.

— Спасибо, доктор. Спасибо, — сказал управляющий.

Она вернулась на свое место, чтобы дослушать спектакль.

После занавеса она осталась сидеть, пока театр не опустел.

Сидя там, она все еще ощущала сцену.

Для нее сцена была фокусом звука, ритма, чувства движения, некоторых нюансов света и темноты — но не цвета: она была для нее центром некоего особого излучения: это был центр пульсаций, сокращений живого в циклах восприятий и переживаний, местом, где те, кто способен к благородным страданиям, страдали благородно, где мудрые французы взмахивали тонкой тканью своих комедий между колоннами идей, местом, где черная поэзия нигилистов продавала себя за цену позволения со стороны тех, кого она высмеивала, где лилась кровь, издавались

крики и пелись песни, где Аполлон и Дионис ухмылялись из-за кулис, где Арлекин неизменно заставляет Капитана Спеццафера появиться без штанов. Это место, где может быть изображено любое действие, и где на самом деле за любым действием стоят только две вещи: грустное и веселое, трагическое и комическое, иными словами, смерть и любовь; это место героев и не совсем героев; это место, которое она любит, и она видит там единственного человека, чье лицо она знает, видит его идущим, покрытым символами... Чтобы поднять руки против моря бед и все их прекратить — кто вызвал мятежные ветры и поднял ревущую бурю между зеленым морем и лазурным сводом над ним — вот они, жемчужины, что были его глазами...

Что за творение — человек! Бесконечный в чувстве, форме и движении!

Она знает его во всех его ролях. Он — Жизнь!

Он — Шейпер...

Он создает и придает движение.

Он более велик, чем герои.

Ум может вместить многое. Он учится. Но он не может научить себя не думать.

Чувства остаются качественно теми же в течение всей жизни; стимулы, на которые они откликаются, подвергаются количественным изменениям, но чувства берутся из одного и того же набора. Вот почему живет театр: он кросс-культурен, он содержит Северный и Южный полюса человеческих состояний, чувства втягиваются в их поле, как железные опилки.

Ум не может научить себя не думать, но чувства попадают в predetermined классы.

Он — ее театр...

Он — полюса мира.

Он — все, что происходит.

Он — не изображение действия, а само действие.

Она знала, что он — очень восприимчивый человек по имени Чарльз Рендер.

Она чувствовала, что он — Шейпер.

Ум может вместить много вещей. Но он — больше, чем любая из вещей. Он — это все.

... Она чувствовала это.

Когда она встала, чтобы выйти, стук ее шагов отозвался в опустевшем полумраке эхом. Она подни-

малась по проходу, и звуки возвращались к ней снова и снова.

Она шла по опустевшему театру, удаляясь от опустевшей сцены. Она была одна.

В конце прохода она остановилась. Стало тихо, как если бы вдали вдруг резко оборвался далекий смех.

Сейчас она не была ни зрителем, ни актером. Она была одна в темном театре.

Она взрезала человеку горло и спасла жизнь.

Сегодня вечером она слушала, сегодня вечером она чувствовала, сегодня вечером она аплодировала.

Сейчас все снова исчезло, и она была одна в темном театре. Ей было страшно.

Человек продолжал идти вдоль дороги, пока не достиг определенного дерева. Он постоял, держа руки в карманах, и долго смотрел на него. Затем он повернулся и пошел назад в направлении, откуда пришел.

Завтра был другой день.

«О, грустью увенчанная любовь моей жизни, зачем ты покинула меня? Плоха ли я? Я любила тебя сильно, и все места тишины знают мои причитания. Я любила тебя больше себя самой и за это наказана. Я любила тебя больше жизни, со всей ее сладостью, и сладость ее обратилась в миндаль и гвоздику. Я готова отдать свою жизнь для тебя. Зачем ушел ты по морю на великокрылых и многоногих кораблях, забрав с собою Лары и Пенаты и оставив меня здесь одну? Я предамся огню, сгорю. Я предамся огню, пожар испелит время и выжжет расстояние, которое нас разделяет. Я не простая дева, чтобы томиться всю свою жизнь и умереть бледной и с черными глазами. Я — кровь Королей Земли и рука моя в битве — рука мужа. Мой взлетающий меч разит шлем недруга, и он падает, опережая мой меч. Я никогда не была в печали, господин мой. Но глаза мои мокры от слез и язык мой издает плач. Дать мне увидеть себя

и уйти навсегда — нет искупления этому злу. Я не могу простить тебя, любовь моя, даже тебя. Было время, когда смеялась я над песнями любви и сетованиями дев у реки. Сейчас смех мой вырван, как стрела из раны, и я сама покинута тобой. Я хочу напитать огонь моими воспоминаниями и надеждами. Я хочу отдать огню уже пылающие мысли о тебе, бросить тебя как вирши в огонь, в пепел, спалить твои слова. Я любила тебя, и ты ушел. Никогда больше в этой жизни мне не увидеть тебя, не услышать музыки твоего голоса, не содрогнуться от твоего прикосновения. Я любила тебя, и я покинута, и я одна. Я любила тебя, и слова мои звучали для ушей, которые не слышат, и сама я была для глаз, которые не видят. Плоха ли я, о ветры Земли, омывающие меня и питающие мой костер? Зачем же тогда ты покинул меня, о жизнь сердца в груди моей? И я иду в огонь, к отцу моему, за лучшей встречей. И среди всех любимых не будет другого такого, как ты. Да благословят и сохранят тебя Боги, о свет мой, и пусть их суд за то, что сделал ты сейчас, не будет для тебя тяжел. Знай, я горю для тебя! Огонь! Будь моей последней любовью!».

Когда она качнулась в кругу света и упала, раздалась аплодисменты. Затем в комнате потемнело.

Через мгновение свет зажегся снова, и остальные члены клуба «Сыграем в миф» поднялись и подошли поздравить ее с познавательной интерпретацией. Они обсуждали значение фольклорного мотива, от сати до жертвоприношения Брунгильды. Хорошо, основательно — огонь — решили они. «Огонь... моя последняя любовь» — хорошо: Эрос и Танатос в последнем всеочищающем сполохе пламени.

После того, как их признательность была вся выражена, маленький сутулый человечек со своей похожей на птицу женой вышел на середину комнаты.

— Элоиза и Абельяр, — объявил человечек.

Воцарилось уважительное молчание.

С ними рядом встал плотный мужчина лет сорока пяти с лицом, лоснящимся от испарины.

— Мой главный кастратор, — сказал Абельяр.

Большой человечек улыбнулся и поклонился.

— Итак, начнем...

Раздался хлопок в ладоши и опустилась темнота.

Подобно роющим ходы в глубине мифическим червям, энергокабели, трубы подземных коммуникаций и пневматической связи тянутся по всему континенту. Перистальтически сокращаясь, они вбирают в себя нефть и электричество, и воду, и помои, и маленькие свертки, и большие коробки, и письма. Пройдя по ним, под землей, эти вещи выбрасываются в местах назначения, и работающие там машины забирают их оттуда.

Слепые, они расползаются в стороны, там нет Солнца, они не знают вкуса, и Земля и Вода проходят по ним, не меняясь, они не имеют слуха и обоняния и Земля — их каменная тюрьма. Они знают только то, чего касаются, и касание есть их существование.

В этом глубоко скрытая радость червя.

Рендер поговорил со штатным психологом и проверил спортивное оборудование в новой школе. Он осмотрел также жилые помещения и остался доволен.

Однако сейчас, когда он в очередной раз оставил Питера в стенах учебного заведения, он чувствовал какое-то неудовлетворение. Он не вполне понимал, почему. Все казалось в хорошем состоянии, как оно было и когда он приходил сюда в первый раз. Питер, похоже тоже был в хорошем настроении. В исключительно хорошем настроении.

Он вернулся в машину и выехал на автостраду — на это лишенное корней дерево, ветви которого покрывают два континента, а с окончанием постройки Берингова моста будут покрывать весь мир, за исключением только Австралии, ледовых шапок полюсов и островов. Он недоумевал и, недоумевая, не находил ответа на свою тревогу.

Может, ему позвонить Джилл и справиться о ее простуде? Или она все еще злится за свою шубу и все сопутствующее ей Рождество?

Его руки лежали на коленях, и пейзаж вокруг него двигался вверх и вниз, в то время как он проезжал ряд холмов.

Его рука еще раз потянулась к панели.

— Алло?

— Эйлин, это Рендер. Я не смог позвонить, когда это произошло, но я слышал о трахеотомии, которую вы сделали в Театре . . .

— Да, — сказала она, — хорошо, что я оказалась рядом, я и острый нож. Откуда вы звоните?

— Из своей машины. Я только что оставил Питера в школе. Сейчас еду обратно.

— О? Как он? Его нога . . . ?

— Прекрасно. Мы тут немного перепугались на Рождество, но ничего не произошло. Если вам не неприятно, расскажите, как это все случилось в театре.

— Врач, которому неприятна кровь? — она тихо засмеялась. — Что ж, было уже поздно, прямо перед последним актом . . .

Рендер откинулся назад, улыбнулся, зажег сигарету и стал слушать.

Снаружи холмы перешли в плоскую равнину, и он пронесся через нее как кегельный мяч прямо по желобу и прямо в лузу.

Он проехал мимо человека, идущего пешком.

*Под высокими проводами и над глубокими ка-
белями он снова шел рядом с гигантской ветвью
придорожного дерева, идя сквозь исчерченный снегом
воздух.*

*Мимо проносились машины и немногие из их пас-
сажиров замечали его.*

*Его руки были в карманах куртки и голова была
опущена, поскольку он не смотрел ни на что. Его во-
ротник был поднят и тающая дань небес; снежные
хлопья собралась на полях его шляпы.*

*На нем были калоши. Земля была мокрой и мес-
тами было немного грязно.*

*Он продолжал идти пешком, заплутавший заряд
в поле огромного генератора.*

— . . . Пообедаем вечером в «Куропатке?»

— Почему бы и нет? — ответил Рендер.

— Скажем, в восемь?

— В восемь. Хей, хоп!

Некоторые из них падали с неба, но в основном они, кружась, поднимались с дорог...

Машины высаживали пассажиров на платформы огромного муравейника стоянки. Аэротакси выпускали их на посадочных площадках вблизи подземных переходов. Но на чем бы они ни прибывали, по Выставочному залу люди ходили пешком.

Здание было четырехугольным, с крышей, похожей на перевернутую суповую миску. Восьмерка нефункциональных треугольников из черного камня составляла украшение каждого угла.

Суповая миска была селективным фильтром. Сейчас она высасывала из серого вечера голубой свет и тускло светилась снаружи, несмотря на выпавший вчера грязный снег. Образованный ею потолок был безоблачным летним небом в семь утра, когда еще нет солнца, чтобы нарушить утреннюю прохладу.

Под этим небом люди проходили экспозиции, текли, подобно мелкому потоку по каменистому ложу.

Они образовывали рябь и случайные завихрения, кружились в водоворотах, перемешивались, пузырились, журчали. Иногда их поток искрился и блестивал...

Они притекали от запаркованных машин за голубым горизонтом.

Пробежав свой путь, они завершали круг возвращением к металлическим облакам, которые породили их для этого бега.

Они были на «Вовне».

«Вовне» называлась организованная Воздушными Силами выставка, которая уже две недели была открыта по двадцать четыре часа в сутки и привлекала посетителей со всего мира.

Это был обзор достижений Человека в Пространстве.

Руководил «Вовне» генерал с двумя звездами, с дюжиной полковников, восемнадцатью подполковниками, множеством майоров, многочисленными капитанами и неисчислимым количеством лейтенантов в штате. Никто никогда не видел генерала, кроме полковников и людей из Выставки, Инкорпорейтед. Выставке Инкорпорейтед принадлежал Выставочный

Зал, рядом с космопортом, и они художественно размещали экспонаты для всех, кто их нанимал.

В начале, справа, когда мы заходили в Зал Пога-нок (как прозвал его некий комедиант) была Галерея.

В Галерее висели большие фотографии, такие, что зритель мог почти войти в них и заблудиться в высоких, стройных горах за Лунной Базой III (они выглядели так, будто были готовы начать качаться по ветру, будь там ветер, чтобы их раскачивать) или побродить по этому подлунному городу, может, проводя рукой по одной из холодных панелей мозга-наблювателя и чувствуя, как внутри щелкают его быстрые мысли, или, пройдя мимо, войти в ржавого цвета пустыню под зеленоватым небом, кашлянуть раз или два, сплюнуть кровавого цвета слюну, обойти вздымающиеся стены надземного посадочного Комплекса—сине-серого, монолитного, построенного на развалинах бог знает чего—и войти в ту крепость, где люди движутся как духи в отделении Марсианской техники, почувствовать рукой структуру гласситовых стен и приглушенно вскрикнуть «Ау», или пересечь Меркурианскую площадь, холодея от разыгравшегося воображения, пробуя на вкус цвета: жгучий желтый—корица с апельсином, и, наконец, остановиться в Большом Ледовом Ящике, где Ледяной Гигант бьется с Огненным Человеком и где каждое отделение изолировано от всех других и имеет отдельное жизнеобеспечение, как в подводной лодке или в транспортной ракете и по той же причине; или выйти дальше в направлении Внешней Пятерки, где тепло—герой, а холод—злодей, постоять там в замерзшей печи над горой, руки в карманах, и посчитать цветные полосы на будто опаловых стенах, увидеть Солнце в виде сверкающей звезды, задрожать, выдохнуть облако пара и согласиться с тем, что это очень замечательно—кружиться тут вокруг Солнца, и картины тоже, очень красивые.

За Галереей шли Грав-комнаты, в которые можно было забраться по пахнущим свежесрезанным деревом лестницам. Наверху можно было выбрать по желанию силу тяготения—Лунный вес, Марсианский вес, Меркурианский вес—и съехать вниз на пол Зала на мягкую воздушную подушку, подобную

лифту, познавая на мгновение чувство веса в ином мире. Платформа падает, приземление смягчено... Как падение в сено, как падение в пуховую постель.

Затем шли перила на уровне пояса — латунь. Они окружали Родник Миров.

Наклониться, посмотреть вниз...

Будто вычерпнутый в свете бездонный черный колодец...

Это — планетарий.

В нем, светясь, крутились по магнитным линиям миры. Они двигались вокруг пылающего Солнца; расстояние до внешних звезд было сжато, и они холодно и бледно светили сквозь мглу; Земля была изумрудом и бирюзой; Венера — молочным алмазом; Марс — оранжевым шербетом; Меркурий — маслом; Галлиано — цвета корочки свежее испеченного хлеба.

Еда и драгоценности висели в Роднике миров. Те, кто алкали, смотрели, опираясь о перила. Из этих нитей сотканы мечты.

Остальные заглядывали и проходили мимо, идя дальше, чтобы увидеть реконструированную в натуральную величину декомпрессионную камеру Лунной Базы I или послушать представителя производителей клапанов, приводящего малоизвестные факты о конструкции вакуумных прокладок и о мощи воздушных насосов (это был низкий рыжеволосый человек, который помнил много чисел). Либо они проезжали вдоль Зала в вагонах расположенного над головой подвешенного монорельса. Или смотрели 20-минутный фильм «Вовне» — особенный, в сопровождении живого рассказчика, а не записи. Они взбирались на вездеходах на свежеосооруженные утесы, управляли клешнями гигантских машин, используемых для внеземной проходки.

Но те, которые испытывали голод, оставались на одном месте.

Они дольше стояли, меньше смеялись.

Они были той частью потока, который поблескивал, образуя затоны.

— Хочешь когда-нибудь полететь?

Мальчик повернул голову, подвинулся на своих костылях.

Он посмотрел на обратившегося к нему подполковника. Офицер был высоким. Загорелые лицо и руки, темные глаза и тонкая курящаяся коричневая трубка были его самыми заметными чертами, если не считать новой, подогнанной по фигуре формы.

— А что? — спросил мальчик.

— Ты как раз в том возрасте, когда нужно планировать будущее. Карьеру нужно намечать заранее. Человек может быть неудачником в тринадцать, если он не думает о будущем.

— Я читал литературу...

— Несомненно, в твоём возрасте все читают. Но сейчас ты видишь образцы — и помни, это только образцы действительности. Впереди большой, новый рубеж — великий рубеж. Ты не можешь почувствовать это, только читая буклеты.

Над головами пронёсся поперек Зала вагон монорельса. Офицер показал на него трубкой.

— Даже это не то же самое, что проехать на нём над Великим Ледовым Каньоном, — заметил он.

— Тогда это недочёт кого-то из тех, кто пишет ваши буклеты, — сказал мальчик. — Любое человеческое переживание можно описать и интерпретировать, если писатель достаточно хорош.

Офицер прищурился.

— Повтори-ка, сынок.

— Я сказал, что если ваши буклеты не говорят того, что вы хотите, чтобы они говорили, это не недостаток материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты, похоже, довольно сообразительный для своего возраста.

Мальчик пожал плечами, поднял костыль и указал им в направлении Галереи.

— Хороший художник мог бы сделать в пятьдесят раз больше, чем эти глянцевые фотографии.

— Это очень хорошие фотографии.

— Конечно, они великолепны. И, вероятно, дорогие. Но любой из этих видов, нарисованный настоящим художником, был бы бесценен.

— Художникам там пока нет места. Сначала идут проходчики, культура идет после.

— А почему бы вам этого не поменять и не взять

несколько художников? Они могли бы помочь вам найти много новых проходчиков.

— Хм, — сказал офицер, — это интересный взгляд. Хочешь походить со мной немного? Побольше увидеть?

— Конечно, — сказал мальчик. — Почему бы и нет. «Походить» не вполне подходящее слово, но...

Он сделал шаг к офицеру, и они пошли по Выставке.

Слева карабкались на стену, справа прогрызали шахты.

— Это правда, что эти штуки устроены, как клешни скорпиона?

— Да, — сказал офицер. — Какой-то сообразительный инженер украл идею у природы. Вот это как раз тот тип мышления, который нам нужен.

Мальчик кивнул.

— Я жил в Кливленде. Ниже по реке у них стояла штука под названием Конвейер Халана — для разгрузки судов-рудовозов. Он основан на принципе ноги кузнечика. Какой-то сообразительный молодой человек с умом как раз такого типа, как вам нужен, лежал как-то на своем заднем дворе, отрывая ноги кузнечикам, когда его осенило: «Эгей, — сказал он, — от этого может быть какая-то польза». Он разорвал на части еще несколько кузнечиков — родился Конвейер Халана. Как вы говорите, он украл способ, который природа зря переводила на существа, которые только скачут по полям, жуют листья и портят урожай. Мой отец взял меня однажды в путешествие по реке, и я увидел эти штуки в действии. У них огромные металлические ноги с когтями на концах, и они производят самый чертовски неземной шум, который я только слышал, — будто кричат души всех замученных кузнечиков. Боюсь, что у меня не тот склад ума, который вам нужен.

— Что ж, — сказал офицер, — похоже, он у тебя другой.

— Какой другой?

— Тот, о котором ты говорил: ум, который будет видеть, интерпретировать и говорить людям, на что это на самом деле похоже.

— Вы бы взяли меня как летописца?

— Нет, нам пришлось бы взять тебя как-нибудь

по-другому. Но это не должно тебя останавливать. Сколько человек призывалось на Мировые Войны с целью написания военных романов? И сколько было написано военных романов и сколько из них хороших? Знаешь ли, довольно мало. Так что и ты можешь так построить свои планы.

— Возможно, — сказал мальчик.

Они пошли дальше.

— Сюда? — спросил офицер.

Мальчик кивнул и прошел за ним в коридор, затем в лифт. Лифт закрылся и спросил, куда они хотят попасть.

— На суб-балкон, — ответил подполковник.

Едва ощутилось движение, затем двери открылись снова. Они вышли на узкий балкон, проходящий по ободу суповой миски. Он был окружен гласситом и слабо светился.

Под ними лежали ангары и часть поля.

— Несколько кораблей скоро взлетят, — сказал офицер. — Я бы хотел, чтобы ты их посмотрел, увидел, как они взлетают на своих крыльях из дыма и огня.

— Крылья из огня и дыма, — сказал мальчик, улыбаясь. — Я видел это выражение во многих ваших буклетах. Настоящая поэзия, да, сэр.

Офицер не ответил. Ни одна из металлических башен не двигалась.

— На самом деле, эти не улетают, — сказал он наконец. — Они просто переправляют материалы и персонал на орбитальные станции. Настоящие корабли не приземляются никогда.

— Да, я знаю. Правда, что кто-то покончил с собой сегодня утром на одной из ваших выставок?

— Нет, — сказал офицер, не смотря на него, — это был несчастный случай. Он шагнул в Грав-комнаты Марса до того, как там платформа была на месте и воздушная подушка установилась. Упал в шахту.

— Тогда почему эта экспозиция не закрыта?

— Потому что все защитные устройства функционируют, как полагается. И предупреждающий световой сигнал и предохранительные перила — все в полном порядке.

— Тогда почему вы называете это случайностью?

— Потому что он не оставил записки. Вон! Смотри, вон та готовится ко взлету! — он показал своей трубкой.

У основания одного из стальных сталагмитов выросли клубы пара. В самой их сердцевине зажегся огонь. Затем огонь показался снизу, на поле выплеснулись волны дыма, взметнулись, поднялись высоко в воздух.

Но не так высоко, как корабль.

... Потому что он уже двигался.

Почти незаметным движением он приподнялся над землей. Вскоре, однако, движение ускорилося.

Неожиданно, выбросив гигантский сполох пламени и мелькнув на сером фоне, он оказался высоко в воздухе.

В небе появился огонек, потом вспышка, и он обратился в стремительно удаляющуюся звезду.

— Нет ничего похожего на ракету в полете, — сказал офицер.

— Да, — сказал мальчик, — вы правы.

— Хочешь полететь за ней? — произнес человек. — Ты бы хотел взлететь вслед за этой звездой?

— Да, — ответил мальчик, — когда-нибудь я это сделаю.

— Мое обучение было довольно трудным, а сейчас требования даже еще строже.

Они проследили за взлетом еще двух кораблей.

— А когда вы последний раз летали сами? — спросил мальчик.

— Недавно... — ответил полковник.

— Мне, пожалуй, нужно идти. Нужно написать статью для школы.

— Подожди, дам тебе кое-какие наши новые буклеты.

— Спасибо, они у меня все есть.

— Тогда, ладно... Спокойной ночи, парень.

— Спокойной ночи. Спасибо за экскурсию.

Мальчик двинулся обратно к лифту. Офицер остался на балконе, глядя вверх, держа свою погасшую трубку.

Свет и скрюченные борющиеся фигуры...

Затем темнота.

«О сталь клинков! И боль от их вонзания! Я — много уст, и все сочатся кровью!»

Тишина.

Затем раздаются аплодисменты.

IV

«...Простота, незатейливость, грубость. Таков Винчестерский собор», — говорил путеводитель. — С колоннами от пола до потолка, похожими на множество древесных стволов, он жестко владеет своим пространством: потолки плоски, каждый пролет, отделенный колоннами, есть сам по себе что-то надежное и стабильное. Кажется, что он отражает что-то в характере Вильгельма Завоевателя. В нем воплощены страстная преданность и любовь. Он будто вышел из легенды времен...

«Взгляните на древние столицы, — говорит путеводитель. — С простой флейтой они предвосхитили то, что позднее стало общим мотивом...»

— Тьфу! — произнес Рендер, довольно тихо, поскольку он находился в составе группы в церкви.

— Шшш! — сказала Джилл Девилль (Фотлок — такой была ее настоящая фамилия).

Но Рендер был впечатлен, и это его огорчало.

Ненависть к хобби Джилл стала для него настолько рефлекторной, что он, скорее, предпочел бы отдохнуть, сидя под восточным устройством, капающим ему на голову воду, чем признать, что иногда ему приятно пройтись по аркадам и галереям, проходам и тоннелям или, задыхаясь, вскарабкаться по высокой винтовой лестнице башни.

Так что он скользил по всему глазами, выжигал все своим неприятием, а затем восстанавливал из еще тлеющих углей пепелища своих воспоминаний, так, чтобы позднее суметь все повторить, дав это видение своему пациенту, который только там может это увидеть. Это здание не нравилось ему меньше, чем другие. Да, он отнесет его ей.

Фотографируя окружающее своей мысленной камерой, Рендер ходил вместе со всеми, перекинув через руку плащ. А пальцы его сами собой тянулись к сигарете. Он был очень занят тем, что игнорировал

гида, делая это зенитом всех форм человеческого протеста. Ходя по Винчестеру, он думал о своих последних двух сеансах с Эйлин Шелот.

Он снова бродил с ней.

Где по ветви над головой ходит туда и обратно пантера...

Они бродили...

Там, где голодный олень оглянулся в испуге

Они остановились, когда она, растопырив пальцы, приложила ладони к вискам, посмотрела на него, и ее губы раздвинулись, будто она хотела о чем-то спросить.

— Рога, — произнес он.

Она кивнула, и олень подошел к ним. Она потрогала его рога, погладила его по носу, осмотрела копыта.

— Да, — сказала она, он повернулся и пошел, а пантера прыгнула ему на спину и вцепилась ему в горло.

Она смотрела, как он дважды боднул головой и умер. Пантера разодрала добычу; она отвернулась.

Где гремучая змея на скале греет на солнце свои вялые изгибы...

Она посмотрела, как она сворачивается и бьет, сворачивается и бьет, три раза. Потом она потрогала ее погремушку. Она обернулась к Рендеру.

— Для чего эти твари?

— Ты должна знать не только идиллию, — сказал он, показывая рукой.

... Где аллигатор с бугристой кожей в глубоком омуте спит.

Она коснулась гравированной кожи. Аллигатор зевнул. Она осмотрела его зубы, устройство челюсти.

Рядом жужжали насекомые. Комар уселся ей на руку и начал жалить. Она прихлопнула его и засмеялась.

— Мне удастся сдать экзамен? — спросила она.

— У тебя получается хорошо.

Он хлопнул в ладоши, и лес и болото исчезли. Они стояли босиком на шевелящемся песке, и солнечные лучи приходили к ним с поверхности воды высоко над их головами. Между ними проплыла стайка

блестящих рыбок, и водоросли качались оглаживая протекающие струи.

Их волосы поднялись и волновались, как водоросли, и их одежда тоже шевелилась. Свернутые в кольца, скрученные и завитые, розовые, голубые, и белые, и красные, и коричневые, перед ними лежали на кораллах и отполированных морем камнях, раскрыв безъязыкие рты, огромные раковины.

Они двигались в зеленом свете.

Она наклонилась в поисках. Когда она выпрямилась, она держала огромный и тонкий, как яичная скорлупа, бледно-голубой горн, закрученный на одном конце в углубление, которое могло бы быть впадиной от отпечатка гигантского пальца, и вывинчивающийся наружу к изогнутому концу лабиринтами тончайших трубочек.

— Это она, — сказала она, — Раковина Дедала.

— Раковина Дедала?

— Не ведомо ли тебе предание, милорд, как величайший из хитрецов и искусников Дедал однажды спрятался и был иском царем Миносом?

— Что-то припоминаю . . .

— По всему античному миру искал его царь, но не нашел. Потому что Дедал в своем мастерстве переменился почти что равен Протею. Но в конце концов один из царских советников придумал план, как его обнаружить.

— И как это было?

— С помощью этой раковины, вот этой самой раковины, которую я держу перед тобой и дарю сегодня тебе, мой искусник.

Рендер взял свое создание и принялся его рассматривать.

— Он послал ее по разным городам Эгейского моря, — объяснила она, — и предложил большую награду человеку, который сможет пропустить по всем ее камерам и коридорам одну-единственную нить.

— Кажется, я помню . . .

— Помнишь ли ты, как это было сделано или же для чего? Минос знал, что тот единственный человек, который найдет способ это сделать, будет величайшим искусником из искусников, и он знал также гордыню Дедала, знал, что он возьмется за невозмож-

ное, чтобы доказать, что может то, чего не могут другие люди.

— Да, — сказал Рендер, продевая шелковую нить в отверстие на одном конце раковины и следя за тем, как она появляется на другом. — Да, я помню. Крошечная петелька, закрепленная на талии ползущего насекомого — насекомого, которое он запустил с одного конца, зная, что оно привычно к темным лабиринтам и что его сила много превосходит его размеры.

— ... И он нанизал раковину на нить, получил награду и был схвачен царем.

— Пусть это будет уроком всем Шейперам — формируй мудро, но не слишком хорошо.

Она рассмеялась.

— Но он, конечно, убежал.

— Конечно.

Они поднялись по коралловой лестнице.

Рендер вытянул нить, приложил раковину к губам и подул в нее.

Одинокая нота зазвучала над морем.

Где выдра кормится рыбой...

Мимо пронеслась маленькая торпеда, вторгаясь в рыбий косяк, хватая их и заглатывая.

Они наблюдали за ней, пока она не вернулась на поверхность.

Они продолжали подниматься по спиральной лестнице.

Их головы поднялись над водой, их плечи, руки, бедра, пока они не стали, сухие и теплые, на узкой полосе берега. Они вошли в растущий на нем лес и пошли вдоль потока, который тек в море.

Где черный медведь ищет мед и корни, где бобр бьет по илу веслом своего хвоста.

— Не знаю этих слов, — сказала она, касаясь своего уха.

— Смотри!

Она посмотрела.

Пчелы в панике жужжали вокруг черного грабителя, ил расплескивался под хвостом грызуна.

— Бобер и медведь, — сказала она. — Куда мы теперь?

— *По растущему сахару, по желтоцветному хлоп-*

ку, по рису на его влажном поле, — ответил он и зашагал вперед.

— Что это ты говоришь?

— Посмотри вокруг себя и увидишь. Посмотри на растения, на их формы и цвета.

Они шли и шли.

— *Мимо восточной хурмы, —* сказал Рендер, — *мимо высокой пшеницы и мимо нежного льна с его голубыми цветками.*

Она опустилась на колени и смотрела, вдыхала аромат, касалась, пробовала на вкус.

Они шли по полям, и она чувствовала под ногами черную землю.

— ... Мне нужно что-то вспомнить, — сказала она.

— ... *Мимо темной зеленой ржи, —* сказал он, — *волнующейся на ветру.*

— Подожди минуту, Дедал, — сказала она ему. — Я вспоминаю! Ты награждаешь меня исполнением желания, которого я никогда не высказывала.

— Поднимемся на эту гору, — предложил он, — *хватаясь в пути за засохшие корни деревьев.*

Они поднялись, оставив землю далеко внизу.

— Скалы и холодный ветер. Здесь высоко, — сказала она ему. — Куда мы идем?

— На вершину. На самую вершину.

Они поднялись за одно мгновение, стали на вершине горы, и стало казаться, что на подъем ушли часы.

— Расстояние, перспектива, — сказал он. — Мы прошли все, что ты видишь под собой. Посмотри на поля, лес и море.

— Мы забрались на фиктивную гору, — заявила она, — на которую я уже однажды взбиралась, не видя ее.

Он кивнул, и ее внимание снова привлек океан, тоже под голубым, но другого цвета небом.

Через некоторое время она обернулась, и они посмотрели вниз с противоположной стороны горы. Снова Время закружилось и протекло вокруг них, они оказались у подножия горы и двинулись вперед.

— ... *Идя по заросшей тропинке в траве и продираясь сквозь ветви кустов.*

— Теперь я знаю, — сказала она, хлопая в ладоши. — Теперь я знаю!

— Тогда где мы? — спросил Рендер.

Она сорвала травинку, подержала ее перед ним, потом закусила ее.

— Где? — сказала она. — *Там, где перепел свистит среди деревьев и в пшеничном поле.*

Перепел засвистел и пересек их тропу, за ним спешили перепелята.

— Мне всегда хотелось знать обо всем этом, — сказала она. Они пошли по темнеющей дорожке среди деревьев и по пшеничному полю.

— Так много всего... будто каталог чувств Сирса и Робака. А что там дальше?

— *Где в канун седьмого месяца летит летучая мышь,* — сказал Рендер, поднимая руку.

Она дернула головой, уклоняясь от атаки — летучая мышь скрылась среди деревьев.

— *Где большой золотой жук каплей падает сквозь мрак,* — продолжала она.

— ... И он, сверкнув как 24-каратовый метеорит, упал на дорогу у его ног. Мгновение он лежал там, как золотой скарабей, потом уполз сквозь траву на краю тропинки.

— Ты вспомнила, — сказал он.

— Я вспомнила!

Канун седьмого месяца был холодным; на небе показались бледные звезды. Он на ходу называл созвездия. Месяц склонился над кромкой леса, и на его фоне к нему пролетела другая летучая мышь. Вдали ухнула сова. Снизу послышался стрекот сверчков. Густые вечерние сумерки заполнили мир.

— Мы далеко ушли, — сказала она.

— Как далеко? — спросил он.

— *Туда, «где из-под корней старого дуба ручей вырывается на лужайку»,* — ответила она.

— Аийе, — произнес он, протянул руку и оперся о гигантское дерево, к которому они подошли. Из-под его корней вырывался ручей, питающий поток, вдоль которого они шли раньше. Он звучал как связка колокольчиков, звенящая вдали, взлетая маленьким водопадом и утекая вдаль. Он кружился среди деревьев, зарываясь в землю, вясь и прокладывая свой путь к морю.

Она перешла поток вброд. Он выгнулся и впе-

нился, пролился на нее дождем и, возвращаясь, пробежал по шее, спине, груди, и рукам, и ногам.

— Заходи, это прекрасный волшебный ручей, — сказала она.

Но Рендер покачал головой и продолжал ждать. Она вышла, отряхнулась и стала сухой.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, — сказал Рендер. — Но я забыл большую часть из того, что идет дальше.

— Я тоже, но я помню, что чуть позднее *«пересмешник негромко кричит и плачет»*.

Услышав пересмешника, Рендер вздрогнул.

— Это был не мой пересмешник, — заявил он.

Она рассмеялась.

— Какая разница? Так или иначе настал его черед.

Он покачал головой и отвернулся. Она снова оказалась рядом с ним.

— Извини. Я буду более осторожна.

— Очень хорошо.

Он зашагал по траве.

— Я забыл, что дальше.

— Я тоже.

Они оставили ручей далеко позади.

Они шли по клонящейся траве, по безграничной плоской равнине, и солнце все, кроме самого края, скрылось за горизонтом.

Где длятся заткнутые тени на безграничной безжизненной прерии...

— Ты что-то сказал? — спросила она.

— Нет. Но я вспомнил. Это место, где *«на мили вблизи и вдали расплзается буйволов стадо»*.

Темная масса слева от них постепенно обрела форму, и они различали тела великих бизонов американских равнин. Вдали от родео, скотоводческих выставок и оборотных сторон старых монеток, животные стояли сами по себе — темные, пахнущие землей, медленные, огромные и мохнатые, они стояли все вместе, опустив рогатые головы, покачивая могучими спинами; знак Тельца, неуклонное плодородие весны, блекнувшие в сумерках, оставаясь позади и в прошлом, — может там, *где сверкает на солнце птичка-колибри*.

Они пересекли огромную равнину, и сейчас над

ними была луна. Наконец, они подошли к противоположному краю этой местности, где были глубокие озера и другой ручей, пруды и другое море. Они прошли опустевшие фермы и сады и пошли вдоль текущих вод.

— *Где лебедь поводит изогнутой шеей*, — произнесла она, увидев своего первого лебедя, скользящего в лунном свете по озеру.

— *Где, смеясь, срывается с берега чайка*, — ответил он, — *где смеется она своим почти человеческим смехом*.

И в ночи раздался смех, но это не был смех человека, не чайки, поскольку Рендер никогда не слышал смеющейся чайки. Звуки хохота, которые он создал, заморозили вечер вокруг них. Он заставил его потеплеть вновь. Он осветил темноту и расцветил ее серебром. Смех затих и умер. Силуэт чайки исчез в направлении океана, кружась, темный и серебристый, темный и серебристый.

— Это, — объявил он, — пожалуй, все на этот раз.

— Но еще есть столько, столько всего, — сказала она. — Ты же носишь в голове меню. Ты помнишь еще что-нибудь оттуда? Там было о куропатках, засыпающих, сбившись в кольцо головами наружу, и о цапле с желтым хохолком, ловящей ночью крабов на краю отмели, и о кузнечике на ореховом дереве над родником, и о...

— Там много, очень много всего, — сказал Рендер, — может, даже слишком много.

Они прошли рощи лимонов и апельсинов, под елями и места, где кормилась цапля, и кузнечик стрекотал на орешнике над родником, и куропатки спали кольцом на земле, головами наружу.

— Назовешь мне в следующий раз всех животных? — спросила она.

— Да.

Она свернула на маленькую тропинку к ферме, открыла дверь и вошла. Рендер, улыбаясь, пошел за ней.

Чернота.

Густая, полная — черная, какой может быть только чернота абсолютной пустоты.

В доме не было совершенно ничего.

— В чем дело? — спросила она его откуда-то,

— Незаконное вторжение в сценарий, — сказал Рендер. — Я собирался опустить занавес, а ты решила, что шоу должно продолжаться. Поэтому я воздержался от того, чтобы давать тебе в этот раз какие-нибудь дополнительные сообщения.

— Мне не всегда удается держать это под контролем, — сказала она. — Извини. Давай пойдем назад. Я овладела импульсом.

— Нет, давай пойдем вперед, — сказал Рендер. — Свет!

Они стояли на высоком холме на вершине, и летучие мыши, пролетающие на фоне неполной луны, были металлическими. Вечер был промозглым, и с горы лома доносился резкий скрежещущий звук. Деревья были металлическими столбами с приклепанными к ним ветвями. Трава под ногами была из зеленого пластика. Гигантское пустое шоссе проходило у подножия холма.

— Где мы? — спросила она.

— Ты получила «Песнь меня», — сказал он, — со всем дополнительным нарциссизмом, который ты только могла туда впихнуть. В этом здесь нет ничего плохого — до некоторого предела. Но ты завела все слишком далеко. Я чувствую, нужно восстановить равновесие. Я не могу позволить себе играть в игры на каждом сеансе.

— Что ты собираешься делать?

— «Песнь не меня», — заявил он, хлопая в ладоши. — Пойдем.

... *«Где пустыня молит о влаге»*, — сказал где-то голос, в то время как они шли, кашляя —

... *«Где залитой отходами реке не ведомо ничего живое, — произнес голос, — и пена на ней цвета ржавчины»*.

Они шли вдоль смердящей реки, и она зажала нос, но это ей не помогло.

... *«Где лес подвергнут уничтожению и где пейзаж — куча хлама»*.

Они шли мимо пней, ступая по обрезкам ветвей, и сухие листья трещали под ногами. Над их головами висела на тонкой нити покрытая рубцами и шрамами луна.

Они шли по равнине, как великаны. Земля под листьями была покрыта трещинами.

...«Где Земля кровоточит в пустую каверну карьера».

Вокруг валялись брошенные механизмы. Кучи земли и камней лежали в темноте. Огромные полости в земле были заполнены похожими на кровь выделениями.

«...Пой, Алюминиевая муза, сказавшая сперва пастуху о том, что мир машин поднялся из хаоса, или если смерть влечет тебя больше, взгляни на величайшее кладбище».

Они снова были на вершине холма, глядя на горы хлама. В ней было множество тракторов, бульдозеров и самосвалов, кранов, и тягачей, и грузовиков. Она была высоко сложена из скрученного металла, ржавого металла, сломанного металла. Рамы, плиты, пружины и балки были брошены вокруг, и ковши, лопасти и буры были все раздавлены. Это была братская могила инструментов и машин.

— Что? .. — произнесла она.

— Лом, — ответил он. — Это то, о чем не пел Уолт, — вещи, которые ступают на его травинки и вырывают их с корнем.

Они нащупывали свою дорогу сквозь обиталище трупов.

— И которые прокляты, — добавил он, — некоторым образом.

— Эта машина срыла индейский могильный холм, а эта срубил старейшее дерево на континенте. Эта вырыла тоннель, который отвел реку, из-за чего зеленая долина обратилась в пустыню. Эта вломила в стены домов наших предков, а эта возвела стропила гигантских башен, которые их заменили.

— Ты очень несправедлив, — сказала она.

— Конечно, — сказал Рендер. — Всегда нужно замахиваться на большее, если тебе нужно сделать малое. Помнишь, я взял тебя туда, где пантера ходит туда и обратно по суку над головой, и где гремучая змея греет свои вялые изгибы на скале, и где аллигатор в жестких буграх спит в болоте. Ты помнишь, что я сказал, когда ты спросила: «Зачем эти существа?».

— Ты сказал: «Тебе нужно знать не только идиллию».

— Верно, и поскольку ты еще раз так захотела

одержать верх, я решил, что немного больше боли и немного меньше удовольствия укрепят мою позицию.

— Да, — сказала она, — я знаю. Но эта картина механизмов, выстилающих дорогу в ад... Значит, воистину все либо черное, либо белое. А это какое?

— Серое, — сказал он ей. — Пойдем чуть дальше.

Они обошли кучу банок, бутылок и кроватных пружин. Он наклонился над выступающим куском металла и открыл люк.

— Взгляни на скрытое от веков во чреве этой великой цистерны.

Ее фантастическое сияние заполнило черную полость мягким зеленым светом, струящимся оттуда, где она пылала внутри ящика с инструментами, дверцу которого он придерживал.

— О...

— Святой Грааль, — объявил он, — это энантиадромия, моя дорогая. Круг замыкается на себя. Когда он проходит мимо своего начала, начинается спираль. Как я могу судить? Грааль, может быть, спрятан в машине. Я не знаю. Вещи вращаются с течением времени. Друзья становятся врагами, вредное становится полезным. Но я не пожалею времени, чтобы рассказать тебе короткую сказку, коль скоро ты усладила меня легендой о греке, Дедале. Ее рассказал мне пациент по имени Ротман, он изучал кабаллу. Этот Грааль, который ты видишь перед собой, символ света, и чистоты, и святости, и небесного величия — откуда он?

— Неизвестно, — сказала она.

— Да, но есть традиция, легенда, которую знал Ротман: Грааль был дан Мелхиседеком, Первосвященником Израиля, и ему было предназначено достичь рук Мессии. Но откуда взял его Мелхиседек? Он вырезал его из гигантского изумруда, который нашел в пустыне, изумруда, который выпал из короны Шамаэля, Ангела Тьмы, когда он был низвергнут. Таков твой Грааль — от света к мраку, от света к мраку, и кто знает, для чего? Каков смысл всего этого? Энантиадромия, моя дорогая, Прощай, Грааль!

Он закрыл крышку и наступила темнота.

Позже, проходя по Винчестерскому Собору, где

езде были плоские потолки, а справа от него, статуя, обезглавленная Кромвелем (как утверждал путешеводитель), он вспомнил их следующий сеанс. Он вспомнил свое почти нежелание, Адамово сопротивление, когда он называл всех проходящих перед ним животных, ведомых, конечно, тем, которого она хотела видеть первым, окрашенных его беспокойством. Он почувствовал себя приятно, буколически после того, как посидел над старым текстом по Ботанике и сформировал и назвал затем полевые цветы.

Пока они держались вне городов, далеко от машин. Ее чувства при виде простых, осторожно показанных объектов, были пока слишком сильны, чтобы рискнуть погрузить ее в городской хаос, — он построит ей город постепенно.

Высоко над собором что-то быстро пролетело, издавая гул. Рендер на мгновение взял руку Джилл в свою и улыбнулся в ответ на ее взгляд. Зная его приверженность красоте, Джилл обычно прилагала огромные усилия, чтобы ее достичь. Но сегодня ее волосы были просто убраны назад и собраны на затылке, и губы и веки были бледны; ее открытые для обозрения уши были крошечными и белыми.

— Посмотри на древние столицы, — прошептала она. — Своей простой флейтой они предвосхитили то, что позднее стало общим мотивом.

— Тьфу! — сказал он.

— Шш! — сказала стоящая поблизости маленькая загорелая женщина, чье лицо, казалось, рассыпалось на кусочки и снова собиралось каждый раз, как она надувала и поджимала губы.

Позднее, когда они брели обратно к своему отелю, Рендер спросил:

— О'кей в Винчестере?

— О'кей в Винчестере.

— Рада?

— Рада.

— Хорошо, тогда мы можем сегодня днем выехать.

— Хорошо.

— В Швейцарию...

Она остановилась и принялась крутить пуговицу своего пальто.

— А мы не можем побыть еще день или два —

посмотреть кое-какие старые шато? В конце концов они здесь рядом, через пролив, а ты можешь, пока я буду смотреть, перепробовать все местные вина...

— Ладно, — сказал он.

Она посмотрела на него, слегка удивленная.

— Как? Без спора? — Она улыбнулась. — Где твой боевой дух? — позволить мне так себя провести.

Потом она взяла его за руку, и они пошли, он говорил:

— Вчера, когда мы носились по внутренностям этого старого замка, я услышал слабый стон, а затем голос вскрикнул: «Ради всего святого, Монтрезор!». Думаю, что это был мой боевой дух, потому что в том, что это был не мой голос, я уверен. Я бросил *der geist der stets verneint**. Мы едем во Францию, *Alors**!*

— Ренди, дорогой, это будет только еще один или два дня...

— Аминь, — сказал он, — хотя мои уже смазанные лыжи портятся от бездействия.

Так они и сделали, и утром третьего дня, когда она заговорила с ним о замках Испании, он громко заметил, что в то время, как психологи, когда напиваются, только звереют, о психиатрах известно, что они напиваются, звереют и ломают всякие вещи. Восприняв это как скрытую угрозу по отношению к собранному ею Веджвудскому фарфору, она покорила его желанию кататься на лыжах.

Свободен! Рендер чуть было не выкрикнул это.

У него стучало в висках. Он наклонился и резко повернул налево. В лицо ударил ветер, ледяные кристаллы выстрелили в него и оцарапали щеку.

Он был в движении. Да — мир кончился в момент, когда Вейсфлюх и Дорфтали были оставлены далеко внизу.

Его лыжи были двумя сверкающими реками, бегущими по замерзшим холмистым равнинам; мороз не мог сковать их в их движении. Он скользил вниз. Вдали от всех комнат в мире. Вдали от удушливого недостатка интенсивности, вдали от всех подносимых

* Дух вечного отрицания (нем.)

** Здесь: вперед (франц.)

на ложечке дневных благ, от убийственной поступи насильственного изумления, Гидры и от праздности — прочь!

Уносясь вниз, он чувствовал сильное желание оглянуться через плечо, будто чтобы увидеть, не послал ли мир, который он оставил позади и выше, погоню, страшное воплощение самого себя, чтобы догнать его, схватить его и приволочь его обратно в теплый и ярко освещенный гроб, где он будет положен на отдохновение, с волей, проткнутой алюминиевой спицей и с гирляндой переменных токов, смиряющих дух.

— Ненавижу, — продохнул он сквозь сжатые зубы, и ветер отнес его слово назад; потом он рассмеялся, поскольку он всегда рефлекторно анализировал свои эмоции, и добавил: — Выходит Орест — безумец, преследуемый Фуриями...

Через некоторое время спуск прекратился, он достиг дна и был вынужден остановиться.

Затем он выкурил сигарету и поехал вверх на вершину, чтобы спуститься снова, на этот раз — с нетерапевтическими целями.

Тем же вечером он сидел перед огнем в большом лесном приюте, чувствуя, как его тепло впитывается в усталые мышцы. Джилл массировала ему плечи, а он играл в Роршаха с пламенем и пришел к пылающему кубку, который был в то же мгновение вырван у него звуком его имени, произнесенного кем-то на противоположной стороне Зала Десяти Сердец.

— Чарльз Рендер, — произнес голос (только это больше звучало как «Шарльц Рандер»), и его голова мгновенно повернулась в том направлении, но в глазах плясало слишком много пост-образов, чтобы он мог выделить источник зова.

— Морис? — спросил он через мгновение. — Бартельмец?

— Айе, — пришел ответ, и Рендер увидел знакомую седую голову, посаженную без шеи и лысеющую над красным с синим мохнатым свитером, безжалостно натянутым на похожую на винный бочонок округлость человека, сейчас пробирающегося в

их направлении, проворно обходящего разбросанные палки и сложенные в пирамиды лыжи, и людей, которые, как Джилл и Рендер, тоже презирали сидение на стульях.

— Ты поднабрал веса, — заметил Рендер, — это нездорово.

— Чепуха, это все мускулатура. Как ты живешь и чем сейчас занят? — Он взглянул на Джилл, и она улыбнулась ему в ответ.

— Это мисс Девиль, — сказал Рендер.

— Джилл, — сказала она.

Он слегка поклонился, отпустив наконец уже заволевшую руку Рендера.

— ... А это профессор Морис Бартельмец из Вены, — закончил Рендер, углубленный последователь всех форм диалектического пессимизма и очень выдающийся пионер нейропартиципации — хотя, глядя на него, этого ни за что не угадаешь. Мне повезло быть в течение года его учеником.

Бартельмец согласно кивнул, беря фляжку, которую Рендер извлек из маленького пластикового пакета, и складную чашку, которую он наполнил до краев.

— Да, ты все еще хороший врач, — вздохнул он. — Ты моментально поставил диагноз и дал правильное предписание. На здоровье!

— Семь лет одним глотком, — заметил Рендер, заново наполняя стаканы.

Они уселись на полу, и огонь шумел в толстом кирпичном камине, и бревна, сгорая, вновь превращались в ветви, прутья, тонкие палочки, годичное кольцо за кольцом.

Рендер подложил дров.

— Я читал твою последнюю книгу, — сказал наконец Бартельмец, — года четыре назад.

Рендер подсчитал, что так оно и есть.

— А сейчас ты что-нибудь делаешь?

Рендер лениво поворошил огонь.

— Да, — ответил он, — что-то вроде того.

Он взглянул на Джилл, которая дремала, прислонившись щекой к подлокотнику огромного кожаного кресла, на котором лежала его сумка с аптечкой. На ее лице играли мерцающие малиновые отблески.

— Я тут наткнулся на довольно необычного

субъекта и начал кое-какие махинации, о которых, может, при случае напишу.

— Необычного?

— Скажем, слепая от рождения.

— Ты используешь камеру?

— Да. Она собирается стать Шейпером.

— Verfluchter!* Ты знаешь о возможной отдаче?

— Конечно.

— А ты слыхал о бедняге Пьере?

— Нет.

— Тогда это успешно замалчивалось. Пьер изучал философию в Парижском университете и писал диссертацию об эволюции сознания. Прошлым летом он решил, что ему необходимо исследовать сознание обезьяны с целью сравнения со своим собственным, я полагаю. Так или иначе, он раздобыл нелегальный доступ к камере и к мозгам нашего волосатого кузена. Насколько далеко он залез, подвергая обезьяну стимулам из имеющегося каталога, так и не выяснено, но предполагается, что животное испугали объекты, которые не должны быть немедленно транс-субъектируемы между человеком и обезьяной, — шум дорожного движения и тому подобное. Пьер все еще живет в камере с мягкими стенами и все его поведение — в точности поведение перепуганной обезьяны.

Так что, хоть он и не закончил своей диссертации, — заключил Бартельмец, он вполне может стать важным материалом для чьей-нибудь еще.

Рендер покачал головой.

— Да, история, — сказал он тихо. — Но у меня нет ничего, что бы могло быть так драматично. Мне попалась удивительно стабильная личность, — кстати, она психиатр и уже имеет опыт обычного анализа. Она хотела заняться нейропартисипацией, но ее удерживал страх перед травмой видения. Я постепенно приучаю ее к полному набору визуальных явлений. К концу курса она должна совершенно привыкнуть к тому, что видит, так, чтобы уделять полное внимание терапии, чтобы, так сказать, видение ее не ослепило. У нас уже было четыре сеанса.

— И как?

— ... Все идет отлично.

* Здесь — Проклятье! (нем.)

— Ты в этом уверен?

— Да, насколько в этих материях вообще возможна уверенность.

— Хм, хм, — произнес Бартельмец. — Скажи мне, не находишь ли ты, что она обладает исключительно сильной волей? Я имею в виду, скажем, картину притяжения — отталкивания что бы то ни было из того, что ей уже было показано.

— Нет.

— Ей когда-нибудь удавалось взять контроль над фантазиями?

— Нет!

— Ты лжешь, — просто сказал он.

Рендер взял сигарету. Закурив ее, он улыбнулся.

— Старый мошенник и старый искусник, — признал он, — возраст не умерил твоей проницательности. Себя я обвести вокруг пальца могу, а вот тебя — никогда. Да, по правде говоря, ее очень трудно держать под контролем. Ей мало просто видеть. Она уже хочет сама формировать объекты. Это довольно понятно — и ей, и мне, но сознательное опасение и эмоциональная тяга никогда, похоже, не приходят к согласию в таких делах. Она начинала доминировать несколько раз, но мне удавалось восстанавливать контроль почти немедленно. В конце концов, я — хозяин банка.

— Хм, — размышлял Бартельмец. — Ты знаком с буддистским текстом — Катехизис Шанкары?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я тебе сейчас прочту о нем лекцию. Он утверждает — естественно, не с терапевтическими целями — существование истинного эго и фальшивого. Истинное эго — это часть человека, которая бессмертна и перейдет в nirвану — душу, если угодно. Очень хорошо. А фальшивое эго — это нормальное сознание, сплошь связанное иллюзиями, то сознательное, которое ты, я и все мы знаем профессионально. Хорошо? Хорошо. Теперь, то, из чего это фальшивое сделано, они называют скандхами. Сюда входят чувства, восприятия, склонности, само сознание и даже физическая форма. Очень ненаучно. Да. Они не то же самое, что невроты, или одна из ибсеновских жизненных лжей, или галлюцинаций — нет,

даже несмотря на то, что все они ложны, даже изначально являясь частью фальшивой вещи.

Каждая из пяти скандхи является частью той эксцентричности, которую мы называем индивидуальностью, — тут, на ее поверхности и появляются неврозы и весь остальной мусор, возня с которым и составляет наш бизнес. О'кей? О'кей. Я читаю тебе эту лекцию, потому что мне нужно драматическое выражение для того, что я скажу, ибо я хочу сказать что-то драматическое. Посмотри на скандхи, как на нечто лежащее на дне пруда; неврозы, они — рябь на поверхности воды; истинное эго, если оно есть, зарыто глубоко под песком на дне. Итак, рябь на воде заполняет — э — *zwischenwelt** — между объектом и субъектом. Скандхи — часть субъекта, одна из основных и единственных в своем роде, часть его бытия. Пока следишь?

— Со многими оговорками.

— Хорошо. Я несколько определил свои понятия, а сейчас я их буду использовать. Ты играешь со скандхами, а не с простыми неврозами. Ты пытаешься подправить у этой женщины ее всеобщую концепцию себя и мира. Ты используешь для этого камеру. Это то же самое, что заигрывать с психически больным или с обезьяной. Может казаться, что все идет хорошо, но может случиться, что ты сделаешь что-то, покажешь ей какой-нибудь вид или еще что-нибудь такое, что вломится в ее самость, заденет скандху — и пуфф! — это будет похоже на проламывание дна пруда. Образуется водоворот, утягивающий тебя, — куда? Я не хочу иметь вас в пациентах, молодой человек, так что советую не продолжать этого эксперимента. Камера не должна использоваться таким образом.

Рендер щелчком отправил сигарету в огонь и принялся загибать пальцы.

— Во-первых, — сказал он, — ты возводишь мистическую гору из ничего. Я всего лишь подстраиваю ее сознание для принятия новой области восприятия. Во многом это просто трансференция с других чувств. Во-вторых, вначале ее эмоции были довольно

* Сложное слово, составленное из корней «между» и «мир» (нем.)

интенсивными, потому что это повлекло травму, но мы прошли уже эту стадию. Сейчас это для нее только новизна. Скоро это станет обыденностью. Третье, Эйлин сама психиатр, она образованна в этих делах и глубоко сознает деликатный характер того, что мы делаем. В-четвертых, ее чувство индивидуальности и ее желания, или ее скандхи, или как тебе хочется их называть, такие же крепкие, как Гибралтарская Скала. Ты представляешь себе, какое прилежание требуется слепому человеку, чтобы получить образование, которое она получила? Это потребовало воли из легированной стали и добавок эмоционального контроля аскета.

— И если что-то в этой твердыне вдруг сломается, — Бартельмец грустно улыбнулся, — да пойдут тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга рядом с тобой по долине мрака.

— И пятое, — внезапно добавил он, глядя Рендеру в глаза. — Пятое, — он выставил палец, — она красива?

Рендер перевел взгляд на огонь.

— Очень умно, — вздохнул Бартельмец. — С розовым сиянием от пламени на лице я не могу сказать, краснеешь ты или нет. Впрочем, чувствую, что да, что означает, что ты знаешь, что ты сам можешь быть источником возбуждающего стимула. Сегодня вечером я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал тебе силы успешно закончить твою дуэль с пациенткой.

Рендер посмотрел на Джилл, которая все еще спала. Он протянул руку и поправил прядь ее волос.

— И тем не менее, — сказал Бартельмец, — если тебе удастся и все пройдет хорошо, я буду с огромным интересом ждать твоей работы. Я говорил тебе, что я лечил нескольких буддистов и ни разу не обнаружил «истинное эго»?

Оба рассмеялись.

Как я, но не как я, вот этот, на поводке, пахнущий страхом, маленький, серый и невидящий. Праул, и он задохнется в своем ошейнике. Его голова пустая как плита до того, как она нажмет кнопку и она готовит обед. Говорю, и они никогда не понимают, но они, как я. Однажды я убью одного — за чем? ... Здесь повернуть.

Три шага. Вверх. Стеклянная дверь. Ручку вправо.

Что? Впереди шахта лифта. Сад внизу, под. Хорошо пахнет, там. Трава, мокрая земля, деревья и чистый воздух. Я вижу. Но птицы — записаны. Я все вижу. Я.

Лифт. Четыре шага.

Вниз. Да. Хочу издать горлом громкие звуки, чувствую, глупо. Чисто, мягко, много деревьев. Бог... Ей нравится сидеть на скамейке, жевать листья, нюхать мягкий воздух. Не может видеть, как я. Может, сейчас немного? . Нет.

Плохой Зигмунд, я, не может на траву, деревья, туда, Должен идти. Жалко. Лучшее место...

«Смотри на ступеньки.»

Вперед. Справа, слева, справа, слева, деревья и трава сейчас. Зигмунд видит. Идти... Доктор с машиной даст ей глаза. Праул, и он не задохнется. Не пахнет страхом.

Вырыть глубокую нору в земле, закрыть глаза. Бог слепой. Зигмунд — чтобы видеть. Ее глаза сейчас наполняются, и он боится зубов. Сделает, чтобы она видела, и заберет ее высоко в небо, чтобы видеть, далеко. Оставит меня здесь, оставит Зигмунда ни с кем, одного. Вырыть глубокую нору в земле...

Когда Джилл проснулась, было за десять утра. Ей не нужно было поворачивать голову, чтобы узнать, что Рендер уже ушел. Он никогда не спал допоздна. Она протерла глаза, потянулась, перекатилась на свою сторону и оперлась о локти. Она скосила глаза на часы на тумбочке, одновременно потянувшись за сигаретой и зажигалкой.

Затянувшись, она обнаружила, что нет пепельницы. Рендер, конечно, убрал ее на шкаф, он не одобрял курение в постели. Со вздохом, который закончился фырканьем, она встала и накинула халат, пока столбик пепла не слишком вырос.

Она ненавидела вставать, но сделав это, она позволяла дню начаться и течь без сбоя сквозь упорядоченную последовательность событий.

— Черт с ним. — Она улыбнулась. Ей хотелось завтрака в постель, но уже было слишком поздно.

Занятая мыслями о том, что ей надеть, она вдруг обнаружила стоящую в углу чужую пару лыж. На одну из них был наколот листок бумаги. Она подошла.

«Присоединишься?» — спрашивали каракули.

Она закачала головой в страстном отрицании, и ей стало немного грустно. Она стояла на лыжах дважды в жизни и боялась их. Она чувствовала, что ей нужно бы попробовать еще раз, после того, как он довольно хорошо повел себя с шато, но она не могла даже вспомнить о своем непростойном скольжении вниз, которое, в тех двух случаях, быстро поместило ее в сугроб, — без того, чтобы вздрогнуть и снова ощутить головокружение, охватывающее ее во время этих попыток.

Поэтому она приняла душ, оделась и пошла вниз завтракать.

Когда она подошла к большому залу и заглянула внутрь, все девять каминов уже горели, издавая тихий гул. Несколько краснолицых лыжников держали руки высоко над пламенем центрального очага. Впрочем, людей было немного. На подставке стояло всего несколько пар капающих ботинок, яркие шапочки висели на колышках, влажные лыжи стояли ровно на своем месте у двери. Несколько человек сидели в креслах, ближе к центру зала, читая газеты, курая или тихо разговаривая. Она не заметила никого, кого бы знала, и прошла в столовую.

Когда она проходила мимо регистрационной стойки, работающий там старик произнес ее имя. Она подошла к нему и улыбнулась.

— Письмо, — объяснил он, поворачиваясь к полке. — Вот оно, — объявил он, протягивая ей конверт. — Похоже, что важное.

Оно пересылалось за ней по трем адресам, заметила она. Это был толстый коричневый конверт, и обратный адрес принадлежал ее адвокату.

— Спасибо.

Она отошла к стулу рядом с окном, которое смотрело на заснеженный сад, каток и далекую извилистую тропинку, усыпанную фигурками, несшими лыжи на плечах. Вскрывая конверт, она прищурилась от белизны.

Да, это было окончательно. Записка адвоката

сопровождалась копией свидетельства о разводе. Она только недавно решила положить конец своим легальным отношениям с мистером Фотлоком, именем которого она прекратила называться пять лет назад, когда они разъехались. Сейчас, когда она получила развод, она не очень ясно представляла, что ей с ним делать. Для дорогого Ренди, однако, это будет чертовским сюрпризом, решила она. Ей нужно будет найти достаточно невинный способ довести до него эту информацию. Она извлекла зеркальце и поупражнялась в выражении «Ну что?». Что ж, для этого еще будет время, размышляла она, позже... Ее тридцатый день рождения, как большая черная туча, заполнял собой апрель, отстоящий не более чем на четыре месяца. Что ж... Она покрасила свои насмешливые губы, напылила больше пудры на свою родинку и заперла выражение лица в своей компактной пудре для дальнейшего использования.

В столовой она заметила доктора Бартельмеца, сидящего перед возвышающейся огромным холмом яичницей, длинными цепями темного цвета сосисок, кучками желтых тостов и наполовину опустошенным графином с апельсиновым соком. У его локтя дымился на плитке кофейник. Он слегка наклонился вперед, вращая вилкой, как крылом ветряной мельницы.

— Доброе утро, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Мисс Девильт, Джилл..., Доброе утро. — Он кивнул на стул напротив себя. — Присоединяйтесь ко мне.

Она так и сделала, и когда официант подошел, кивнула и сказала: «Я буду все то же самое, только на девяносто процентов меньше».

Затем она снова обернулась к Бартельмецу.

— Вы видели сегодня Чарльза?

— Увы, нет, — он развел руками, — а я хотел продолжить вчерашнюю дискуссию, пока его мозг находится еще на ранних стадиях бодрствования и несколько поддается воспитанию. К сожалению, — он сделал глоток кофе, — тот, кто хорошо спит, входит в день где-то в середине второго акта.

— Что касается меня, я обычно появляюсь в антракте и выпрашиваю у кого-нибудь краткий пере-

сказ того, что было, — продолжила она. — Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я всегда воспитуема и мои скандхи в хорошей форме.

Их глаза встретились, и он откусил кусок тоста.

— Да, — сказал он наконец. — Я так и думал. Что ж, хорошо. Что вы знаете о работе Рендера?

Она удобнее уселась на стуле.

— Мм. При том, что он является специальным специалистом в высоко специальной области, мне трудно достойно оценить то небольшое, что он о ней говорит. Иногда бы мне хотелось уметь заглядывать в мысли других людей — конечно, чтобы увидеть, что они думают обо мне, — но я не думаю, что смогла бы задержаться там надолго. Особенно, — она притворно выразительно пожала плечами, — в сознании кого-нибудь — с проблемами. Боюсь, что я буду слишком сочувствовать или слишком напугаюсь, или еще что-нибудь. Тогда, согласно тому, что я читала — уф! — это, как симпатическая магия, это станет моей проблемой.

Впрочем, у Чарльза проблем не бывает, — продолжила она, — по крайней мере таких, о которых он мне говорит. Но недавно я заинтересовалась. Это слепая девушка с ее говорящей собакой, похоже, что это для него слишком много.

— Говорящая собака?

— Да, ее собака-поводырь — один из этих хирургических мутантов.

— Как интересно... Вы когда-нибудь встречались с ней?

— Никогда.

— Так, — принялся размышлять он.

— Иногда терапевт сталкивается с пациентом, чьи проблемы настолько сродни его собственным, что сеансы становятся исключительно острыми, — заметил он. — Со мной всегда так происходило, когда я лечил другого психиатра. Возможно, Чарльз видит в этой ситуации параллель чему-то, что беспокоило его лично. Я не производил его личного анализа. Я не знаю всех путей его сознания, даже несмотря на то, что он был моим учеником довольно долго. Он был всегда несколько скрытным, держал себя в руках; но при случае, однако, он мог бы быть довольно властным. А что еще занимает его внимание эти дни?

— Его сын Питер — постоянное беспокойство. За пять лет он поменял мальчику пять школ.

Прибыл ее завтрак. Она расправила салфетку и придвинула стул ближе к столу.

— И еще он недавно читал истории болезней самоубийц и все говорил, и говорил о них.

— Для чего?

Она пожала плечами и принялась за еду.

— Он никогда не говорит, для чего, — сказала она, вновь поднимая глаза. — Может, он что-то пишет...

Бартельмец покончил со своей яичницей и подлил себе еще кофе.

— Вы боитесь этой его пациентки? — осведомился он.

— Нет... Да, — отозвалась она, — боюсь.

— Почему?

— Я боюсь симпатической магии, — сказала она, слегка краснея.

— Под это название может подпасть много вещей.

— Да, много, — признала она. Через мгновение она добавила. — Мы оба опасаемся за его состояние и едины в том, что представляет угрозу. Поэтому могу я попросить вас об услуге?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз, — сказала она. — Убедите его оставить этот случай.

Он сложил свою салфетку.

— Я намеревался сделать это после обеда, — объявил он, — потому что я верю в ритуалистическую ценность спасательных миссий. Они должны проводиться.

Дорогой папа!

Да, школа замечательная, моя нога поживает так же, мои одноклассники — конгениальная масса. Нет, я не испытываю недостатка в личности, в поддержке и не имею трудностей во вписывании в новое curriculum¹. О'кей?

¹ Здесь — Жизнеописание (лат.)

Здание описывать не буду, потому что ты это мрачное сооружение уже видел. Окружающий пейзаж описывать не могу, потому что он в настоящее время скрыт холодным белым покрывалом. Брр! Быть любителем зимних искусств я поручаю тебе. Я не разделяю своего энтузиазма по поводу антипода лета, кроме как заключенного в рамы картин или в виде эмблемы баров мороженого.

Щиколотка препятствует моей подвижности, и мой товарищ по комнате уехал на уикенд домой — оба обстоятельства воистину благосклонны (речет Панглосс), потому что у меня теперь есть возможность подогнать кое-что из чтения. Я сделаю это немедленно.
Ваш блудный сын Питер.

Рендер наклонился погладить могучую голову. Она перенесла жест стончески, затем повернулась к австрийцу, у которого Рендер попросил прикурить, будто спрашивая: «Должен ли я снести это оскорбление?». Человек засмеялся, захлопывая зажигалку с гравировкой, средним инициалом на которой была, заметил Рендер, маленькая буква «в»

— Спасибо, — сказал Рендер и обратился к собаке: «Как тебя зовут?».

— Бисмарк, — прорычал пес.

— Ты мне напоминаешь другого такого же, как ты, — сказал Рендер. — По имени Зигмунд, он друг и поводырь моего слепого друга в Америке.

— Мой Бисмарк охотник, — сказал молодой человек. — Нет зверя, который мог бы его перехитрить, — ни олень, ни пантера.

Уши пса поднялись, и он посмотрел на Рендера гордыми блестящими глазами.

— Мы охотились в Африке и на севере и на юго-западе Америки. В центральной Америке тоже. Он никогда не теряет следа. Он никогда не сдаётся. Он красивый зверь, и зубы у него будто сделаны из Золингена.

— Вам повезло, что у вас такой товарищ по охоте.

— Я охочусь, — прорычал пес. — Я догоняю... Иногда я убиваю.

— Вы, вероятно, не знаете пса по имени Зигмунд

и женщину, которую он водит, мисс Эйлин Шелот? — спросил Рендер.

Человек покачал головой.

— Нет, Бисмарк попал ко мне из Массачусетса, сам я никогда в Центре не был. Я не знаком с другими обладателями мьютов.

— Понятно. Что ж, спасибо за огонек. Всего доброго.

— Всего доброго.

— Всего доброго...

Рендер медленно пошел вверх по узкой улице, держа руки в карманах. Он извинился и удалился, не сказав, куда идет. У него просто не было определенной цели. Вторая попытка Бартельмеца давать советы едва не заставила его произнести слова, о которых он бы пожалел потом. Легче было пройти.

Повинуясь неожиданному импульсу, он зашел в маленький магазин и купил привлекшие его взгляды часы с кукушкой. Он был уверен, что Бартельмец примет подарок в нужном духе. Он улыбнулся и продолжал идти. А о чем было это письмо, ради которого, чтобы вручить его Джилл, регистратор у стойки предпринял специальное путешествие к их столику во время обеда? Оно трижды пересылалось за ними вдогонку, а обратный адрес принадлежал юридической фирме. Джилл даже не вскрыла его, но улыбнулась, дала старику слишком большие чаевые и засунула письмо в свою сумочку. Нужно будет тонко намекнуть ей на его содержимое. Его любопытство так задето, что должна рассказать ему, из жалости.

С севера налетел холодный ветер, и ему неожиданно показалось, что ледяные колонны, держащие небо, закачались. Рендер поднял плечи и глубже задвинул голову в воротник. Сжав часы с кукушкой, он заторопился по улице обратно.

Этой ночью змея, которая держит во рту свой хвост, отпрыгнула его. Волк Фенрир подскочил к луне, маленькие часы сказали «ку-ку», и завтра пришло, как последний был Манолета, потрясая рогами и мыча обещание втоптать стаю львов в песок.

Рендер пообещал себе впредь воздерживаться от жирного.

Позднее, гораздо позднее, когда они пролетали по небу на пологом формой на коршуна рейсовике, Рендер посмотрел вниз на потемневшую Землю, ее полные звезд города, посмотрел вверх на небо, в котором они все отражались, посмотрел вокруг на телеэкраны, видя всех людей, которые смотрели в них, моргая, на автоматы с кофе, чаем и смесями, которые рассылали свои флюиды, чтобы воздействовать на людские желудки, которые в ответ требовали, чтобы те нажали на кнопки, потом посмотрел на Джилл, которую старые строения заставили ходить между своими стенами, потому что он знал, что она чувствовала, что он сейчас на нее посмотрит, — почувствовал требование своего кресла, чтобы он превратил его в ложе, сделал это и заснул.

V

Ее офис был полон цветов, она любила экзотические духи. Иногда она воскуряла ладан.

Она любила плавать в теплых прудах, гулять под падающим снегом, слишком много слушала музыку, играла ее, возможно, слишком громко, пила пять или шесть видов ликеров (иногда пахнущие анисом, иногда с горчинкой) каждый вечер. Ее руки были мягкими и немного в веснушках. Ее пальцы были длинными и утончались к концу. Она не носила колец.

«Пациент в основном жаловался на нервозность, инсомнию, желудочные боли, депрессию. В прошлом он неоднократно выписывался на короткие периоды: лечился в этом госпитале в 1995 г. с маниакально-депрессивным психозом депрессивного типа и вернулся сюда 02.03.96. Он лежал в другом госпитале с 20.09.97. Физическое исследование выявило кровяное давление 170/100. Ко дню осмотра, 11.12.98 пациент был нормально развит и хорошо упитан. В этот день пациент жаловался на хроническую головную боль, были замечены средней интенсивности симптомы алкогольного опьянения. Дальнейший физический осмотр не выявил патологии, за исключением того, что коленные рефлексы были слишком сильно выражены, но одинаковы. Эти симптомы являлись ре-

зультатом алкогольного опьянения. Не психотичен, так же, как и не подвержен иллюзиям или галлюцинациям. Хорошо ориентируется в пространстве, времени и людях. Было исследовано психологическое состояние и обнаружено, что он несколько склонен к мании величия, излишне экспансивен и более чем несколько враждебен. Решено, что он является потенциальным источником опасности. Из-за имеющегося опыта работы поваром он был приписан к работе на кухне. Его общее состояние значительно улучшилось. Он менее напряжен и склонен к сотрудничеству. Диагноз — маниакально-депрессивная реакция (внешний провоцирующий стресс неизвестен). Степень психиатрического повреждения слабая. Способен нести ответственность за свои действия. Терапия и госпитализация будут продолжены».

Она выключила фонограф и засмеялась. Звук напугал ее. Смех — социальное явление, а она была одна. Она прокрутила запись, пожевывая уголок своего платка и слушая возвращающиеся к ней тихие, тесно нанизанные слова. После первой дюжины, или около того, она их уже не слышала.

Когда фонограф перестал говорить, она его выключила. Она была одна. Она была совсем одна. Она была так чертовски одна, что маленькое пятнышко света, возникшее, когда она погладила себя по лбу и повернула голову к окну, неожиданно стало самой важной вещью в мире. Она хотела быть в океане света. Или стать маленькой, настолько, чтобы результат был тем же самым — она хотела утонуть в свете.

Было уже три недели, вчера. . .

— Я слишком долго ждала, — решила она. — Это невозможно! Но что если он уйдет, как Рискомб? Нет! Он этого не сделает! Ничто не может его задеть. Никогда. Он всегда и весь закован в латы и вооружен. Но. . . но нам нужно было подождать начала следующего месяца. Три недели. . . Зрительное опьянение — вот что это. Слабеют ли воспоминания? Гаснут? (Как выглядит дерево? Или облако? — Я не помню! Что красное? Что зеленое? Боже! Это истерика! А я смотрю и не могу ее остановить! — прими таблетку! Таблетку!).

Ее плечи задрожали. Но она не приняла таблетку, а все сильнее кусала платок, пока ее острые зубы не прорвали его ткань.

«Остерегайся, — произнесла она собственную заповедь, — тех, кто изголодался и изжаждался справедливости, ибо они удовлетворятся».

«И остерегайся покорных, — продолжала она, — ибо мы попытаемся унаследовать Землю».

«И остерегайся? . . .».

Раздался короткий сигнал телефона. Она отложила платок, поправила выражение лица и включила аппарат.

— Алло?

— Эйлин, я вернулся. Как ты жила?

— Неплохо, даже довольно хорошо. Как прошел отпуск?

— О, пожаловаться не могу. Я его долго ждал. Думаю, я его заслуживал. Слушай, я привез кое-что тебе показать — Винчестерский Собор. Хочешь зайти на этой неделе? Я могу в любой вечер.

Вечером. Нет! Я слишком этого хочу. Если он увидит, это отбросит меня назад . . .

— Как насчет завтрашнего вечера? — спросила она. — Или послезавтра?

— Завтра — прекрасно, — ответил он. — Увидимся в «Куропатке», около семи?

— Да, это будет приятно. Тот же столик?

— Почему бы и нет, — я его зарезервирую.

— Отлично. Тогда до встречи.

— До свидания.

Связь прекратилась.

Тогда неожиданно, в этот момент, в ее голове снова завихрились цвета; и она увидела деревья — дубы и ели, платаны и сикоморы, — большие, зеленые и коричневые цвета железа; она увидела вату клочковатых облаков на пастельном небе, которые будто окунули в горшки с краской, и пылающее солнце, и маленькую иву, и озеро глубокого, почти переходящего в фиолетовый, синего цвета. Она свернула свой порванный платок и отложила его.

Она нажала на кнопку рядом со столом, и офис наполнила музыка — Скрябин. Затем она нажала другую и прослушала запись, которую она надиктовала.

Пьер недоверчиво принялся к пище. Санитар убрал поднос и вышел, заперев за собой дверь. Огромный салат ждал на полу. Пьер опасно приблизился, схватил пригоршню латука, проглотил его.

Ему было страшно.

Если бы только где-то в этой темной ночи сталь перестала сталкиваться и сталкиваться с другой сталью... Если бы только...

Зигмунд поднялся, зевнул, потянулся. Его задние ноги на мгновение вытянулись, затем он собрался и встряхнулся. Скоро она придет домой. Медленно виляя хвостом, он взглянул на висящие на уровне человеческого роста часы, которые подтвердили ожидания, потом пересек квартиру по направлению к телевизору. Он оперся одной из передних лап о стол, а другой нажал на кнопку.

Было почти то время, когда передают прогноз погоды; на дорогах может быть гололед.

«Я ехал через широкие кладбища, — писал Рендер, — огромные каменные леса, которые разрастались с каждым днем.

Почему человек так рьяно охраняет своих умерших? Не потому ли, что таков монументально демократический способ обессмертивания, окончательное утверждение способности наносить боль, так сказать, самой жизни, и из желания, чтобы так продолжалось вечно? Унамуно предполагал, что дело именно в этом. Если это так, то в прошлом году больший, чем ранее в истории, процент населения активно искал бессмертия...»

Тонг-тонг, тонга-тонг!

— Ты думаешь, они настоящие люди?

— Не-а, они слишком хороши.

Вечер был звездным. Рендер завел по спиральному спуску свой С-7 на холодную стоянку в подвале, нашел свое место и ткнулся в него носом.

Промозглый холод, источаемый бетоном, вгрызался в их тела, как крысиные зубы. Рендер повел ее влево, их дыхание опережало их тающими облаками.

— Немного промозгло, — заметил он.

Она кивнула, закусив губу.

В лифте он вздохнул, развязал шарф, зажег сигарету.

— Дай, пожалуйста, и мне, — попросила она, почувствовав запах табака.

Он дал.

Они поднимались медленно, и Рендер прислонился к стене, выпуская смесь дыма и кристаллизованной влаги.

— Я повстречался еще с одной овчаркой-мьютом, — вспомнил он, — в Швейцарии. Большой, как Зигмунд. Он охотник, Пруссак, каким только можно быть. — Он улыбнулся.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила она. — Дважды в году мы ездим в Нортвуд, и я его отпускаю. Иногда его не бывает по нескольку дней, и он всегда очень доволен, когда возвращается. Никогда не рассказывает, что он делал, но никогда не бывает голодным. Давно, когда он у меня появился, я решила, что ему для равновесия нужны будут каникулы от человеческой жизни. Думаю, что я была права.

Лифт остановился, дверь открылась, и они вышли в холл, Рендер снова вел ее.

В офисе он щелкнул по термостату, и по комнате дохнуло теплым воздухом. Он повесил пальто в кабинете и выкатил огромное яйцо из его гнезда за стеной. Он подсоединил его к пульта и переделал свой стол в контрольную панель.

— Сколько, по-твоему, это займет, — спросила она, проводя пальцами по гладким и холодным изгибам яйца. — Все вместе, я имею ввиду. Полная адаптация к зрению.

Он задумался.

— Понятия не имею, — произнес он, — пока ни малейшей идеи. Мы взяли хороший старт, но впереди еще многое. Думаю, реальные предположения я смогу сделать месяца через три.

Она задумчиво присвистнула, подошла к его столу и ошупала панель.

— Будь осторожна, не нажми на какую-нибудь.

— Не нажму. А сколько, по-твоему, у меня займет научиться управлять этой штукой?

— Три месяца на обучение. Шесть, чтобы в самом деле овладеть ею настолько, чтобы использовать ее на ком-нибудь. И еще шесть — под пристальным наблюдением, прежде чем тебе можно будет доверить делать это самой. Всего около года.

— У-гу. — Она взяла себе стул.

Рендер прикосновением вызвал к жизни времена года, фазы дня и ночи, дыхание суши, город, духи, которые скользили голые между деревьев, дюжины образов, которыми он пользовался в построении миров. Он разбил часы времени и испытал семь или около того возрастов человека.

— О'кей, — повернулся он, — все готово.

Это пришло быстро и с минимумом направления со стороны Рендера. Один момент был серым. Затем пришел мертвенно-белый туман. Затем он рассеялся, будто поднялся сильный ветер, хотя он не слышал и не чувствовал ветра.

Он стоял рядом с ивой около озера, а она стояла полускрытая ветвями и решеткой теней. Солнце светило косо, был вечер.

— Мы вернулись, — сказала она, выходя с листьями в волосах. — Одно время я боялась, что этого никогда не произойдет, но я вижу все это снова и я все помню.

— Хорошо, — сказал он, — взгляни на себя. — Она заглянула в озеро.

— Я не поменялась, — сказала она, — я не поменялась...

— Да.

— Но ты поменялся, — продолжала она, подняв глаза на него. — Ты выше, и есть какая-то разница...

— Нет, — ответил он.

— Я ошибаюсь, — произнесла она быстро. — Я пока не понимаю всего, что вижу. Но я буду.

— Конечно.

— Что мы собираемся делать?

— Смотреть, — ответил он.

Вдоль гладкой бесцветной реки дороги, которую она только теперь заметила за деревьями, двигалась машина. Она появилась из самого дальнего уголка неба, перескакивая горы, с шумом съезжая с холмов, виляя среди прогалин и выплескивая на них краски

своего шума — серое и серебро синхронизированной мощи, озеро задрожало от ее шума, и машина остановилась футах в ста, скрытая кустарником; она ждала. Это был С-7.

— Пойдем со мной, — сказал он, беря ее руку. — Мы едем кататься.

Они прошли среди деревьев и обошли последнюю заросль кустарника. Она коснулась гладкого кокона оболочки, антенн, шин, окон — и когда она это делала, окна стали прозрачными. Она посмотрела сквозь них внутрь машины и кивнула.

— Это твой Спиннер.

— Да, — он придержал для нее дверь. — Заходи. Мы вернемся в клуб. Сейчас самое время. Воспоминания свежи, и они, я думаю, достаточно приятны или нейтральны.

— Приятны, — сказала она, забираясь внутрь.

Он закрыл дверь, затем обошел машину и вошел в нее. Она смотрела, как он нажимал воображаемые координаты. Машина рванулась вперед; он удерживал проплывающий мимо ровный поток деревьев. Он ощущал нарастающее напряжение и поэтому не менял декораций. Она развернула свое сиденье и осмотрела внутренность машины.

— Да, — сказала она, наконец, — я понимаю, что есть что!

Она снова стала смотреть в окно. Она смотрела на проносящиеся деревья. Рендер выглянул наружу и снова ощутил ее возбуждение. Он затемнил окна.

— Хорошо, — сказала она, — спасибо. Этого вдруг оказалось слишком много, все это, уносящееся назад, будто...

— Конечно, — сказал Рендер, сохраняя ощущение движения вперед. — Я это предвидел. Но ты становишься крепче.

Через мгновение он произнес: «Расслабься, расслабься сейчас» — и где-то была нажата кнопка; она расслабилась, и они ехали дальше и дальше, и, наконец, машина начала замедляться, и Рендер сказал:

— Выгляни из своего окна, но только одним коротким взглядом.

Она выглянула.

Он задействовал все имеющиеся в запасе успокаивающие и расслабляющие стимулы, воссоздал во-

круг машины город, окна стали прозрачными, и она взглянула на силуэты башен и монолитные жилые кварталы, увидела три кафетерия быстрого обслуживания, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с алюминиевыми кадуцеями установленным над арками, стеклянное здание высшей школы, свободное сейчас от учеников, пятидесятиколоночную заправочную станцию, другую аптеку, множество других машин, стоящих или с ревом пролетающих мимо, и людей, людей, входящих и выходящих в двери, проходящих около зданий, сажающихся в машины и выходящих из машин; было лето, и свет позднего дня сочился сверху на цвета города и цвета одежд, которая была на людях, идущих вдоль бульвара, сидящих без дела на террасах, пересекающих балконы, опирающихся о балюстрады и подоконники, появляющихся из киоска на углу, заходящих в него, стоя беседующих друг с другом; женщина, прогуливающая пуделя, свернула за угол; ракеты носились туда и сюда высоко в небе.

Потом мир распался; Рендер подхватил осколки.

Он опустил абсолютную темноту, приглушив все чувства, кроме чувства их движения вперед.

Через некоторое время возник слабый свет, и они все еще сидели в Спиннере, вновь с прозрачными окнами, и воздух, когда они его вдыхали, превращался в смягчающий бальзам.

— Боже мой, — сказала она, — мир такой тесный. Я действительно видела все это?

— Я не хотел делать этого сегодня вечером, но чувствовал твое желание. Мне казалось, что ты готова.

— Да, — сказала она, и окна снова стали прозрачными. Она быстро отвернулась.

— Он исчез, — сказал он, — это был только один взгляд.

Она посмотрела. Снаружи было теперь темно, они проезжали высокий мост. Они двигались медленно. Других машин не было. Под ними были Равнины, на которых время от времени вспыхивала, как маленький дремлющий вулкан, плавильная печь, испускающая в небо потоки оранжевых искр; и было много звезд, они мерцали в текущей под мостом воде, усыпали булабочными проколами небо, которое

нависало над водой. Наклонные опоры моста равномерно пролетали мимо.

— Ты это сделал, — сказала она, — и я тебя благодарю.

Затем:

— Кто ты на самом деле? — Он, должно быть, ждал, что она это спросит.

— Я — Рендер. — Он засмеялся. И они продолжили свой извилистый путь по темному, теперь опустевшему городу, подъезжая, наконец, к клубу.

Внутри он исследовал все ее чувства, готовый заставить мир исчезнуть в одно мгновение. Но он не почувствовал необходимости это сделать.

Они оставили машину и пошли вперед. Они зашли в клуб, который, он решил, сегодня вечером будет почти пустым. Их проводили к их столику у стойки бара в маленькой комнате с железными латами, и они сели и снова заказали ту же еду.

— Нет, — сказал он, посмотрев вниз, — его место там.

Латы снова появились рядом со столом, а он вновь оказался в своем сером костюме и черном галстуке с серебряной булавкой в форме веточки дерева.

Они рассмеялись.

— Я просто не из тех, кто носит жестяные костюмы, так что я хочу, чтобы ты перестала видеть меня таким.

— Извини, — улыбнулась она. — Я не знаю, как и зачем я это сделала.

— А я знаю. А кроме того, еще раз тебя предупрегаю. Ты сознаешь, что это все — иллюзия. Я должен был допустить это, чтобы ты получила максимальную пользу от того, что мы делаем. Но для большинства моих пациентов, в то время как они спят, сон — реальность. Это делает контр-травму даже более сильной. Ты, однако, в курсе правил игры, и хочешь ли ты этого или нет, это дает тебе в руки контроль несколько иного вида, чем тот, с которым я обычно имею дело. Пожалуйста, будь осторожна.

— Извини. Я не хотела.

— Я знаю. Вот несут то, что мы только что ели.

— Уф! Это выглядит ужасно! Мы все это ели?

— Да. — Он усмехнулся. — Это нож, это вилка,

это ложка. Это ростбиф, это картофельное пюре, это бобы, это масло...

— Боже! Мне не очень хорошо.

— ... А это салаты, а это дополнения к нему. Это речная форель, мм! Это поджаренный картофель по-французски. Это бутылка вина. Хмм — посмотрим — Романи-Конти, раз уж я за него не плачу — и бутылка Айкема к форе...? — Эй!

Комната пошла волнами.

Он очистил стол, он стер ресторан. Они снова были в Долине. Сквозь прозрачную ткань мира он следил за рукой, движущейся вдоль панели. Нажимались кнопки. Мир снова стал материальным. Их опустошенный стол стоял теперь рядом с озером, был все еще вечер и лето, и скатерть была очень белой в свете нависающей над головами огромной луны.

— Это было глупо с моей стороны, — произнес он. — Ужасно глупо. Мне нужно было показывать тебе все это поочередно. Вид основных вкусовых стимуляторов может быть очень подавляющим для человека, видящего их впервые. Я так увлекаюсь Шейпингом, что забываю о пациенте, это просто пижонство! Извини меня!

— Мне уже хорошо. Правда!

Он вызвал с озера прохладный ветерок.

— ... А это — луна, — произнес он неуверенно.

Она кивнула; она носила крошечную луну в центре лба, она светила, как та, что была над ним, и ее волосы и платье были будто из серебра.

На столе стояла бутылка Романи-Конти и два бокала.

— Откуда это взялось?

Она пожала плечами. Он наполнил бокалы.

— Оно может оказаться слегка выдохшимся, — сказал он.

— Нет. Вот, — она протянула ему бокал.

Отпив, он ощутил вкус вина — фруктовый, вкус винограда островов, мягкий, плотный чарну и капито, отцеженный из ароматов полей пылающих маков. При этом он знал, что его рука сейчас должно быть пересекает линию кнопок, гармонизируя трансференции и контр-трансференции, которые пришли к нему

здесь, на берегу озера, и застали его совершенно врасплох.

— Нет, оно выдохлось, — сказал он, — а нам уже пора возвращаться.

— Так скоро? Я еще не видела собора...

— Так скоро.

Он повелел миру кончиться, и он кончился.

— Здесь холодно, — сказала она, одеваясь, — и темно.

— Я знаю. Я смешаю нам что-нибудь выпить, пока очищу установку.

— Прекрасно.

Он посмотрел на ленты и покачал головой. Потом пересек кабинет к бару.

— Это не вполне Романи-Конти, — заметил он, доставая бутылку.

— Ну и что? Я не против.

И на этот раз он тоже не был против. Он отключил установку, они выпили, он помог ей надеть пальто, и они вышли.

Спускаясь на лифте, он снова повелел миру исчезнуть, но он не исчез.

«В стране в настоящий момент примерно 1 миллиард 800 миллионов человек и 560 миллионов личных автомобилей. Если человек занимает два квадратных фута земли, а машина примерно 120, то становится очевидным, что в то время как люди занимают 2 биллиона 160 миллионов квадратных футов нашей страны, машины занимают 67,2 биллиона квадратных футов, т. е. в 31 раз больше, чем человечество. Если в настоящий момент половина из этих машин находится в действии и содержит в среднем по два пассажира, то отношение более чем 47 к 1 в пользу машин.

Как только страна будет превращена в одну мощную плоскость и люди либо вернутся в моря, из которых они вышли, уберутся в подземные жилища, или эмигрируют на другие планеты, тогда, вероятно,

технологической эволюции будет позволено продолжаться в направлении, которое наметила для нее статистика.

Сибил К. Дельфи,
Заслуженный профессор в отставке
Адрес по случаю присуждения степени
Государственный Педагогический
Колледж Брокен Рок,
Шотовер, Юта.

Пап,

Я ухромал из школы в такси, а из такси в космопорт, на местную выставку Воздушных Сил — Вовне, так она называлась. (Ладно, насчет хромоты я преувеличил. Но некоторой внимательности это потребовало). Все дело, насколько я понял, предназначалось для вовлечения молодого человечества в пятилетнюю упряжку. Но это сработало. Я хочу к ним поступить. Я хочу полететь Вовне. Как ты думаешь, они меня возьмут, когда я стану достаточно взрослым? Я имею ввиду Вовне, а не какое-нибудь наращивание жирка за столом. Как ты считаешь?

Я думаю, что да.

Там был этот полковник (извиняюсь за выражение), который засек мальчишку, который шатался вокруг и прижимал нос к большим окнам, и решил запихнуть это ему в подсознание. Здорово! Он протащил меня по всей Галлерее и показал мне сувениры всех ВС-овских триумфов, от Лунной Базы до Марс-порта. Он рассказывал мне о Великих Традициях Службы, провел меня в комнату, где Воины невинно развлекались (в записи), борясь друг с другом при нулевом Ж, «это одно умение и никаких мускулов», и лепя в воздухе скульптуры из подкрашенной воды и все такое. Ох, потеха!

Впрочем, серьезно, я бы хотел быть там, когда они пойдут на Внешнюю Пятерку — и дальше, Вовне. Не потому, что «великие рубежи» и тому подобная болтовня, а потому, что я думаю, что там должен быть кто-то, кто способен чувствовать, чтобы летописать все дело так, как нужно. Ну знаешь, неприкрашенный фронтьер. Френсис Паркман, Мери Остин, в таком роде. Так что я решил, что полечу.

Парень из ВС с крылышками на плечах нимаго не патронизировал, слава Богу. Мы стояли на балконе и смотрели, как отлетают корабли, и он сказал, чтобы я так держал и учился по-настоящему старательно, и тогда я, может, однажды их поведу. Я не побеспокоился сообщить ему, что я вряд ли интеллектуально отстал и что у меня, пока еще буду не слишком стар, будет мой «бакалавр», с которым я смогу делать все, что вздумается, даже вступить в его корпус. Я просто посмотрел, как корабль взлетает, и сказал: «Через десять лет, считая с этого дня, я буду смотреть вниз, а не вверх». Потом он мне рассказал, каким трудным было его собственное обучение, так что я не спросил, как вышло, что его списали на Землю месить грязь. Когда думаю сейчас, радуюсь, что не спросил. Он был больше похож на одного из рекламищиков, чем на настоящего служаку. Надеюсь, что я никогда не выгляжу, как рекламищик.

Спасибо за денюжку, за теплые носки и за Струнные Квартеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Я бы хотел этим летом слетать вместо Европы на Луну. Возможно...? Вероятно...? Может статься...? Ха — если я разделаюсь с этим новым тестом, который ты для меня строишь...? В любом случае, подумай об этом, пожалуйста.

Твой сын Пит.

- Алло, Психиатрическая Клиника.
- Мне бы хотелось договориться об обследовании.
- Одну минуту, я соединю вас с приемной.
- Здравствуйте, приемная.
- Мне бы хотелось договориться об обследовании.
- Одну минуту... Какого рода обследование?
- Я хочу повидать доктора Шелот, Эйлин Шелот. Как можно быстрее.
- Я сверюсь с ее расписанием... Вас устроит в два часа в четверг?
- Это было бы прекрасно.
- Назовите, пожалуйста, ваше имя.

- Девилль. Джилл Девилль.
- Хорошо, мисс Девилль. В четверг, в два часа.
- Благодарю вас.

Человек шел пешком рядом с дорогой. По дороге проезжали машины.

Движение было слабым.

Было 10.30 утра, холодно.

Отделанный мехом воротник человека был поднят, его руки были в карманах, он наклонялся против ветра. Дорога за оградой была чистой и сухой.

Утреннее солнце было зарыто в облаках. В грязном свете человек видел в четверти мили впереди дерево.

Скорость, с которой он шел, не менялась. Его глаза не отрывались от дерева. Маленькие камушки постукивали и скрипели под его туфлями.

Дойдя до дерева, он снял пальто и аккуратно его сложил.

Он положил его на землю и полез на дерево.

Перелезая на ветку, которая протягивалась над оградой, он посмотрел, чтобы убедиться, что приближающихся машин нет. Потом он обхватил ветку двумя руками, на мгновение повис и свалился на дорогу.

Его половина трассы была шириной в сто ярдов.

Он посмотрел на запад, увидел, что машин, едущих в его направлении, все еще нет и зашагал к сединному островку. Он знал, что не дойдет до него. В это время дня машины на скоростной полосе двигались со скоростью примерно сто шестьдесят миль в час. Он продолжал идти.

Мимо проехала машина. Он не оглянулся. Если окна были затемнены, как бывает обычно, то пассажиры не знают, что он пересек их путь. Они услышат об этом позднее и осмотрят перед своей машины в поисках следов возможного столкновения.

Машина проехала перед ним. Ее окна были чисты. Ему явилось мелькание пары лиц с ртами в форме буквы «О». Его лицо продолжало ничего не выражать. Еще две машины с затемненными стеклами пронеслись мимо. Он пересек, наверное, двадцать ярдов трассы.

Двадцать пять...

Что-то в ветре или под ногами подсказало ему, что она приближается. Он не повернул головы.

Что-то в углу зрения завершило его, что она идет. Его походка не изменилась.

Сесил Грин держал окна прозрачными, потому что так ему нравилось. Его левая рука была у нее в блузке, ее юбка была задрана и его правая рука лежала на рычаге, который должен был опустить сидения. Тут она отпрянула, издав какой-то горловой звук.

Его голова дернулась влево.

Он увидел идущего человека.

Он увидел профиль лица, которое не успело повернуться к нему в анфас. Он заметил, что походка человека не изменилась.

Потом он перестал его видеть.

Было легкое сотрясение и ветровое стекло начало очищаться. Сесил Грин продолжал гонку.

Он затемнил стекла.

— Как...? — когда она, всхлипывая, снова оказывалась в его руках.

— Его не засек монитор...

— Он должно быть не касался ограды...

— Он должно быть был не в себе! Сошел с ума!

— Все равно, он мог бы выбрать способ полегче.

Это могло быть лицо любого человека!... Мое?

Испуганный, Сесил опустил сидения.

— Привет, ребята. Закрывается та большая, широкая, подкрашенная табачком улыбка, которой я вас только что наградил. Сегодня вечером мы оставим нашу обычную неформальную форму. Мы начнем дотошно продуманное драматическое представление в последней струе искусства:

— Мы собираемся сыграть Миф.

— Только после долгого душевного копания и болезненной интроспекции мы решили сыграть для вас сегодня именно этот Миф.

— Тьфу!

— Да, жую табачок — Ред Мен, отличный сорт — это бесплатная жвачка.

— А теперь, когда я скачу вверх и вниз и поплеываю на сцену, кто первым узнает мою мистичес-

кую агонию? Но не бросайтесь все к своим телефонам. — Тьфу!

— Это верно, леди и джентльмены и все остальные: я, Тифон — бессмертный, дряхлый, обращающийся в кузнечика. — Тьфу!

— А сейчас для следующего номера мне нужно больше света.

— Еще больше света. — Тьфу!

— Гораздо больше, чем сейчас...

— Ослепительного света!

— Очень хорошо. — Тьфу!

— А теперь — в пилотской куртке, солнечных очках, в шелковом шарфе — вот! Где мой хлыст?

— Отлично, все на месте.

— Вверх, мои лайки! Оп! Оп! Иии! Гей! Гав! Гав! Гав! Гав! Выше! Выше! Выше! В воздух, бессмертные вы лошадки, вы! Пошли! Быстрее! Выше там!

— Больше света!

— Вперед, лошадки! Быстрее! Выше! Папа с мамой смотрят, и это там моя девочка, внизу! Пошли! Не опозорьтесь! Оп!

— Дьявол, оно летит на меня?! Оно похоже на молн — аааааа!

— Ух! Это был Фаэтон, вслепую кружащийся на солнечной колеснице.

— А теперь, вы, наверное, все слышали старую половицу «Только Бог может сделать дерево». Что ж, этот Миф называется «Аполлон и Дафна». — Погасить свет!

Чарльз Рендер писал главу «Некрополис» для книги «Недостающее звено — человек», которая должна быть его первой книгой более чем за четыре года. Со времени своего возвращения он освободил для работы над ней вторую половину каждого вторника и четверга, запираясь в своем офисе и заполняя страницы хаотической скорописью.

«Есть много разновидностей смерти, в противоположность умиранию», — писал он в момент, когда интерком зазвенел коротко, потом длинно, потом снова коротко.

— Да? — спросил он, надавив на кнопку.

— К вам посетитель, — между «вам» и «посетитель» был короткий вдох.

Он положил в боковой карман маленькую аэрозоль, поднялся и пересек кабинет.

Он открыл дверь и выглянул.

— Доктор... Помогите...

Рендер сделал три шага вперед и опустился на колено.

— В чем дело?

— Поедем, она больна, — прорычал он.

— Больна? Что с ней? Что случилось?

— Не знаю. Поедем.

Рендер заглянул в звериные глаза.

— Как больна?

— Не знаю, — повторил пес. — Не говорит. Сидит. Я... чувствую, она больна.

— Как ты сюда попал?

— Ехал. Знаю ко-ор-ди-на-ты... Машину оставил, внизу.

— Я позвоню ей прямо сейчас, — Рендер повернулся.

— Нет. Не ответит.

Он был прав.

Рендер вернулся в кабинет за пальто и аптечкой. Он выглянул из окна и увидел, что ее машина припаркована прямо на съезде на обочину, где монитор освободил ручное управление. Если никто его не принимал, машина автоматически парковалась на нейтральной полосе. Остальные машины обводились во круг.

«Так просто, что даже собака может ее водить, — подумал он. — Лучше спуститься, пока не прибыл обходчик. Она, вероятно, уже передала, где остановилась. Хотя, может, и нет».

Он бросил взгляд на огромные часы.

— Хорошо, Зиг, — крикнул он, — поехали.

Они спустились на лифте на первый этаж, вышли через переднюю дверь и быстро пошли к машине.

Мотор все еще работал на холостом ходу.

Рендер открыл пассажирскую дверь и Зигмунд запрыгнул в нее. Он втиснулся на водительское сидение рядом с ним, но пес уже набирал лапой на адресном табло первичные координаты.

Выглядит так, будто я не на своем месте.

Он зажег сигарету. Машина устремилась вперед в У-образную развязку. Она вынырнула на противоположной стороне, на мгновение застыла, затем присоединилась к потоку. Пес направил машину на скоростную полосу.

— Ох, — сказал пес, — ох.

Рендеру захотелось в этот момент погладить его по голове, но он взглянул на него, увидел, что клыки его обнажены, и решил этого не делать.

— Когда она начала странно себя вести? — спросил он.

— Пришла домой с работы. Не ест. Не отвечает мне, когда я говорю. Просто сидит.

— Она была такой когда-нибудь раньше?

— Нет.

Что могло это спровоцировать? Хотя, может, у нее просто был плохой день? В конце концов, это просто собака — в некотором роде. — Нет. Он бы понял. Но тогда — что?

— Какой она была вчера — и сегодня утром, когда выходила из дому?

— Как всегда.

Рендер снова попытался позвонить. Ответа вновь не было.

— Это ты сделал, — произнес пес.

— Что ты имеешь в виду?

— Глаза. Видеть. Ты. Машина. Плохой.

— Нет, нет, — произнес Рендер, и его рука легла на парализующий баллончик в кармане.

— Да, — сказал пес, снова к нему поворачиваясь. — Ты ей сделаешь хорошо...?

— Конечно, — сказал Рендер.

Зигмунд снова устремился вперед.

Рендер был возбужден и чувствовал свое непонимание. Он искал причину. Что-то в связи с этим делом беспокоило его еще со времени первого сеанса. В Эйлин Шелот было что-то тревожащее: комбинация высокого интеллекта с беспомощностью, решительности и уязвимости, обидчивости и язвительности.

«Нахожу ли я ее особенно привлекательной? — Нет. Это просто проклятая контртрансференция, черт бы ее побрал!».

— Ты пахнешь страхом, — произнес пес.

— Так и запиши, — сказал Рендер, и пошли дальше.

Они замедлились, сделали серию поворотов, снова набрали скорость, снова замедлились и снова набрали скорость. Наконец, они проехали по узкой улице в полужилом районе города. Машина свернула в переулок, проехала еще около полумили, за щитком управления что-то мягко щелкнуло, и она свернула на стоянку перед высоким кирпичным жилым домом. Щелкнул, вероятно, специальный сервомеханизм, берущий управление с того момента, как его оставляет монитор, потому что машина пробралась по стоянке, заехала под прозрачный навес и остановилась. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд уже открыл дверь со своей стороны. Рендер последовал за ним в здание, и они поднялись на лифте на пятидесятый этаж. Пес бросился вперед по коридору, ткнул носом в установленную на раме панель и принялся ждать. Через мгновение дверь сдвинулась на несколько дюймов внутрь. Он распахнул ее плечом и вошел. Рендер последовал за ним, закрыв за собой дверь.

Квартира была большая, стены не особенно украшены, цветовые комбинации спокойные. Один угол занимала огромная библиотека записей, рядом — монстр радиоустановки. Перед окном стоял широкий стол с гнутыми ножками, у правой стены — низкая кушетка; рядом с диваном была закрытая дверь, проем слева вел, очевидно, в другие комнаты. Эйлин сидела на заваленном одеждой стуле в дальнем углу у окна. Зигмунд стоял рядом с ее стулом.

Рендер пересек комнату и достал сигарету. Открыв щелчком свою зажигалку, он держал пламя до тех пор, пока ее голова не повернулась в этом направлении.

— Сигарету? — спросил он.

— Чарльз?

— Верно.

— Да, спасибо... Я закурю.

Она протянула руку, взяла сигарету и приложила ее к губам.

— Спасибо. Что ты здесь делаешь?

— Благотворительный вызов. Я оказался рядом.

— Я не слышала звонка или стука.

- Ты, наверное, задремала. Зиг меня впустил.
— Да, вероятно. — Она потянулась — Который час?
— Около пяти тридцати.
— Значит, я дома больше двух часов ... Наверное, очень устала...
— А как ты сейчас?
— Прекрасно, — объявила она. — Тебя интересует чашка кофе?
— Не против, чтобы заинтересовала.
— А бифштекс, заодно?
— Нет, спасибо.
— «Бикарди» в кофе?
— Звучит хорошо.
— Тогда прошу прощения. Это займет одну минуту.

Она вышла в дверь рядом с диваном, и Рендер заметил большую блестящую автоматическую кухню.

— Ну как? — прошептал он псу.

Зигмунд покачал головой.

— Не как раньше.

Рендер покачал головой.

Он положил пальто на диван, аккуратно завернув в него аптечку. Он сел рядом и задумался.

Может, я дал ей за один раз слишком большой кусок видения? Может, у нее депрессивные побочные эффекты, скажем, подавлена память, нервное утомление? Может, я как-то возбудил сенсорно-адаптационный синдром? В любом случае, почему я шел так быстро? Спешить, по существу, некуда. Мне что, так чертовски приспичило поскорее обо всем написать? — Или я делаю так потому, что она хочет, чтобы я так делал? Может ли она быть настолько сильной, сознательно или бессознательно? Или я такой податливый?

Она позвала его на кухню принести поднос. Он поставил его на стол и сел напротив нее.

— Хороший кофе, — сказал он, обжигая губы.

— Умная машина, — ответила она, повернув лицо в направлении его голоса.

Зигмунд вытянулся на ковре рядом со стулом, опустил голову между лапами, вздохнул и закрыл глаза.

— Я тут думал, — произнес Рендер, — не имел ли

последний сеанс каких-нибудь пост-эффектов — типа усиления синестезических ощущений, или снов, содержащих формы, или галлюцинации, или. . .

— Да, — без выражения сказала она, — сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Я видела его во сне снова и снова.

— От начала до конца?

— Нет, особого порядка не было. Мы то едем по городу, то по мосту, то сидим за столом, то идем к машине, — просто такие вспышки. Яркие.

— Какими они — вспышки — сопровождаются чувствами?

— Я не знаю. Все смешано.

— Тебе страшно?

— Н-нет. Не думаю.

— Хочешь сделать перерыв? У тебя нет чувства, что мы продвигались слишком быстро?

— Нет. Это совсем не то. Это — что ж, это похоже на то, как учишься плавать. Когда, наконец, получается, ты плаваешь и плаваешь, и плаваешь, пока не выдохнешься. Тогда ты просто валишься, глотая воздух, и вспоминаешь, как это было, пока твои друзья крутятся вокруг и едят тебя за то, что ты так переупражнялась — и это хорошее чувство, даже хотя ты дрожишь и у тебя булавками колет все мышцы. По крайней мере, это как я всегда делаю. Я чувствовала это после первого сеанса и после этого последнего. Первый раз — это всегда что-то особое. . . Но сейчас булавки исчезли, и я восстановила дыхание. Господи, я не хочу сейчас останавливаться! Я прекрасно себя чувствую!

— Ты обычно ложишься подремать днем?

Она потянулась, десять алых ногтей двинулись по поверхности стола.

— . . . Устала. — Она улыбнулась, подавив зевок. — Половина персонала в отпуске или больны, и я всю неделю билась за двоих. С ног валилась, когда уходила с работы. Но сейчас, когда я отдохнула, я чувствую себя хорошо.

Она двумя руками подняла чашку с кофе и сделала большой глоток.

— У-гу, — сказал он. — Хорошо. Я немного беспокоился о тебе. Рад видеть, что напрасно.

— Беспокоился? Ты читал заметки доктора Рискомба о моем анализе — и о попытке на камере — и ты думаешь, что я из тех, о ком нужно беспокоиться? Ха! У меня операционно благотворный невроз по поводу моей адекватности как человеческого существа. Он фокусирует мою энергию, координирует мои попытки во всем. Он возбуждает мое чувство индивидуальности...

— У тебя чертовская память, — заметил он. — Это почти дословно.

— Конечно!

— Ты сегодня встревожила и Зигмунда.

— Зига? Как?

Пес напрягся, открыл один глаз.

— Да, — прорычал он, глядя на Рендера. — Его нужно отвезти домой.

— Ты снова водил машину?

— Да.

— После того, как я сказала тебе этого не делать?

— Да.

— Почему?

— Я бо, ялся, Ты не отвечала мне когда я говорил.

— Я была очень уставшей — и если ты еще когда-нибудь возьмешь машину, я попрошу переделать дверь так, чтобы ты не смог заходить и выходить, когда захочешь.

— Извини.

— Со мной все в порядке.

— Я вижу.

— Ты никогда больше не должен этого делать.

— Извини. — Его глаз не отрывался от Рендера, он был как жгущая линза.

Рендер отвел взгляд.

— Не будь слишком строга с беднягой, — сказал он. — В конце концов, он думал, что ты больна и пошел за доктором. Представь, что он оказался бы прав? Ты бы должна была благодарить его, а не упрекать.

Зигмунд посмотрел еще мгновение и закрыл глаз.

— Ему нужно говорить, когда он неправильно поступает, — закончила она.

— Я думаю, — сказал он, допивая свой кофе. —

Но в любом случае, ничего не случилось. Вреда он не нанес. Раз уж я здесь, давай поговорим? Я кое-что пишу и хотел бы знать твое мнение.

— Здорово! Уделишь мне сноску?

— Две или три. Как по-твоему, различаются ли в разных культурах общие основные мотивации, которые приводят к самоубийству?

— Мое обдуманное мнение состоит в том, что нет, они не различаются, — ответила она. — Фрустрации могут приводить к депрессиям или безумию; и если они достаточно сильны, то могут вызывать саморазрушение. Ты спрашиваешь о мотивациях, — я считаю, что они остаются одними и теми же. Мне кажется, что это кросс-культурный и кросс-временной аспект человеческого состояния. Не думаю, что его можно поменять, не меняя основной природы человека.

— Отлично. Шах. Теперь, а как насчет побуждающего элемента? — спросил он. — Пусть человек постоянен, но его окружение тем не менее перемененно. Если поместить его в сверхзащищающую жизненную среду, то как ты думаешь, труднее или легче будет подавить или стимулировать у него безумие, чем в не столь оберегающей среде?

— Хм. Поскольку я обычно ориентируюсь на конкретные случаи, я сказала бы, что это зависит от человека. Но я вижу, к чему ты клонишь: массовая предрасположенность выпрыгивать из окна по причине упавшей шляпы — окно даже само откроется по твоей просьбе — этакое восстание скучающих масс. Мне не нравится эта идея. Надеюсь, что она окажется неверной.

— Я тоже, но я думал и о символических самоубийствах — функциональных расстройств, которые появляются по самым мелким причинам.

— Ага! Твоя лекция в прошлом месяце — автопсихмимикрия. У меня есть запись. Хорошо изложено, но я не могу согласиться.

— Сейчас я и сам не могу. Я переписываю весь этот раздел. На самом деле это — инстинкт смерти, подвинутый ближе к поверхности.

— Если я дам тебе скальпель и труп, ты вырежешь этот инстинкт смерти и дашь мне его потрогать?

— Не смогу, — он вложил в голос улыбку, — в труппе он будет весь израсходован. Но достань мне добровольца, и он докажет, что я прав тем, что согласится.

— У тебя неприступная логика. — Она улыбнулась. — Принеси нам еще кофе, хорошо?

Рендер пошел на кухню, сполоснул и наполнил чашки, выпил стакан воды и вернулся в гостиную. Эйлин не шевелилась, Зигмунд тоже.

— Что ты делаешь, когда ты не занят тем, что являешься Шейпером? — спросила она его.

— То же, что и большинство людей: ем, пью, сплю, разговариваю, навещаю друзей и не друзей, хожу в разные места, читаю...

— Ты умеешь прощать?

— Иногда. А что?

— Тогда прости меня. Я сегодня поспорила с женщиной по имени Девилль.

— О чем?

— Ты... — Она обвинила меня в таких вещах, что лучше бы моей матери меня не рожать. Ты собираешься на ней жениться?

— Нет. Брак похож на алхимию. Он сыграл однажды важную роль, но не думаю, что сейчас его время.

— Хорошо.

— Что ты ей сказала?

— Я дала ей клиническую карточку с записью: «Диагноз — Сука. Предписание — лекарственная терапия и тугой кляп».

— О! — сказал Рендер, выказывая интерес.

— Она разорвала ее и швырнула мне в лицо.

— Интересно, почему?

Она пожала плечами, улыбнулась, зашипнула пальцами скатерть.

— Отцы и старшие, я размышляю, — вздохнул Рендер, — что есть ад?

— Я утверждаю, что это страдание от того, что можешь любить, — закончила она. — Достоевский был прав?

— Сомневаюсь. Лично я поместил бы его в группу терапии. Вот это и был бы для него настоящий ад — со всеми этими людьми, которые ведут себя

как его персонажи и получают от этого удовольствие.

Рендер поставил чашку и отодвинул свой стул от стола.

— Я думаю, ты собираешься сейчас уходить?

— Мне действительно нужно, — сказал Рендер.

— И я не могу заинтересовать тебя едой?

— Нет.

Она встала.

— Хорошо, я сейчас возьму пальто.

— Я сам доеду обратно — просто установлю машину на возвращение.

— Нет! Меня пугает идея пустых машин, разъезжающих по городу. Ближайшие две с половиной недели мне будет казаться, что в ней живет нечистая сила.

— Кроме того, — сказала она, выходя в соседнюю комнату, — ты обещал мне Винчестерский Собор.

— Ты хочешь сегодня?

— Если можно тебя склонить.

Пока Рендер стоял, решая, Зигмунд поднялся. Он стал прямо перед ним и уставился ему в глаза. Он открыл пасть и закрыл ее, несколько раз, но никаких звуков не раздалось. Потом он повернулся и вышел из комнаты.

— Нет, — вновь раздался голос Эйлин, — ты будешь здесь до тех пор, пока я не вернусь.

Рендер поднял свое пальто и надел его, запахнув аптечку во внутренний карман.

Когда они шли к лифту, Рендеру показалось, что он слышит очень и очень далекий вой.

Рендер знал, что в этом месте, из всех мест, он властелин всего.

Он был дома в этих чужих мирах, в которых нет времени, мирах, где звезды в небесах ведут битву, падая на землю, истекая кровью, как столь многие разбитые вдребезги кубки, где моря отступают, вскрывая ведущие вниз лестницы, и из каверн появляются руки, размахивая факелами, которые пылают как текущие жидкие лица — кошмар ночи в середине зимы — потому что он посещал эти миры на профес-

сиональной основе вот уже почти десять лет. Одним мановением пальца он мог заточать колдунов, приводить их на суд за измену королевству — айие, и мог казнить и определить судьбу их последователей.

К счастью, сегодняшнее посещение было всего лишь визитом вежливости . . .

Он пошел вперед по ложине, ища ее . . .

Он чувствовал ее пробуждающееся присутствие повсюду вокруг себя.

Он пробрался сквозь ветви, стал около озера. Оно было холодным, синим и бездонным, озеро, отражающее стройную иву, которая стала местом ее прихода.

— Эйлин!

Ива качнулась к нему, потом обратно.

— Эйлин! Выйди!

Листья падали, плыли по озеру, тревожили его зеркальную гладкость, исказили отражения.

— Эйлин?

Все листья одновременно пожелтели и опали в воду. Дерево перестало качаться. В темнеющем небе звучал странный звук, похожий на гудение высоко проводов в холодный день.

Вдруг по небу поплыла двойная шеренга лун.

Рендер выбрал одну, протянулся и нажал на нее. Когда он сделал это, остальные исчезли и мир прояснел; гудение замолкло.

Он обошел вокруг озера, чтобы отсрочить момент, когда ему придется отвечать на это отрицание. Он прошел вверх по еловой аллее к месту, где хотел появления Собора. Теперь на деревьях пели птицы. Мимо него мягко пролетел ветерок. Он чувствовал его присутствие довольно сильно.

— Сюда, Эйлин. Сюда.

Она шагала с ним рядом, зеленый шелк, бронзовые волосы, глаза цвета плавленого изумруда; изумруд был у нее и на лбу. Она шла в зеленых тапочках по еловым иголкам, спрашивая: «Что случилось?».

— Ты испугалась.

— Почему?

— Может, ты боишься Собора. Ты ведьма? — Он улыбнулся.

— Да, но у меня сегодня выходной.

Он засмеялся, он взял ее руку, они обошли холм листвы, и там стоял Собор, воссозданный им на песчаной возвышенности, пробиваясь вверх над ними и над деревьями, выдыхая органные ноты, отражая заблудившийся бродячий солнечный луч стеклянной плоскостью.

— Крепко держись за мир, — сказал он. — Вот идет экскурсия.

Они прошли вперед и вошли.

— ... Со своими колоннами от пола до потолка, похожими на множество могучих стволов, он жестко владеет своим пространством, — сказал он. — Я это взял из путеводителя. Это северный трансепт. . .

— «Гринсливз», — сказала она, — орган играет «Гринсливз».

— Да. Но я тут не причем. Взгляни на древние столицы. . .

— Я хочу подойти ближе к музыке.

— Хорошо. Тогда сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так. Но он не мог понять, что.

Все сохраняло свою устойчивость. . .

Что-то быстро пролетело потом высоко над Собором, издавая тихий гул. Рендер улыбнулся этому, теперь поняв; это было как оговорка, он на мгновение спутал Эйлин с Джилл — да, это и было тем, что случилось.

Почему тогда. . .

Алтарь был взрывом света. Он никогда и нигде не видел его раньше.

Стены вдруг были темными и холодными. Свечи мерцали в углах и в высоких нишах. Орган под невидимыми руками издавал гром аккордов.

Рендер знал, что что-то не так.

Он повернулся к Эйлин Шелот, чья шляпка была зеленым конусом, возвышающимся башней в темноту. С неба свисали нити зеленой вуали. Ее горло было в тени, но. . .

— Это ожерелье — Где? . . .

— Я не знаю. — Она улыбнулась.

Кубок, который она держала, излучал розовый

свет. Он отражался от ее изумруда. Он окатил его потоком холодного воздуха.

— Ты хочешь пить? — спросила она.

— Не двигайся — приказал он.

Он повелел стенам пасть. Они сползли в тень.

— Не двигайся! — повторил он торопливо. — Ничего не делай. Старайся даже не думать.

— Падите! — закричал он. И стены разорвались во все стороны, и крыша была выброшена на вершину мира, и они стояли посреди руки освещенные единственной свечкой. Ночь была черна, как смоль.

— Почему ты сделал это? — спросила она, все еще протягивая ему кубок.

— Не думай. Не думай ни о чем, — сказал он. Расслабься. Ты очень устала. Как мерцает и затухает эта свеча, так затухает и твое сознание. Ты с трудом удерживаешься ото сна. Ты с трудом стоишь на ногах. Твои глаза закрываются. Здесь все равно не на что смотреть.

Он повелел свече погаснуть. Она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпей.

Он слышал сквозь ночь музыку органа. Другая мелодия, он не узнал ее сперва.

— Мне нужна твоя помощь.

— Хорошо. Все, что угодно.

— Посмотри! Луна! — Он показал.

Она посмотрела вверх, и луна появилась из-за чернильной тучи.

— ... И другая, и другая.

Луны, как нанизанные на нить жемчужины, двигались в темноте.

— Последняя будет красной, — заявил он.

Она была красной.

Он скользнул вдоль своего взгляда рукой и попытался коснуться красной луны.

Его руке было больно, она горела.

— Проснись! — закричал он.

Красная луна исчезла и белые тоже.

— Пожалуйста, выпей.

Он выбил кубок из ее рук и отвернулся. Когда он обернулся обратно, она все продолжала держать его перед ним.

— Выпей!

Он повернулся и бросился в ночь.

Это было похоже на бег по пояс в снегу. Это было неверно. Он усугублял ошибку тем, что бежал — сводил к минимуму свою силу, увеличивал ее. Это истощало его энергию, иссушало его.

Он неподвижно стал в центре черноты.

— Мир вокруг меня движется, — сказал он. — Я его центр.

— Пожалуйста, выпей, — сказала она, и он оказался в ложине рядом с их столиком, стоящим около озера. Озеро было черным, а луна серебряной и высокой и недосыгаемой для него. Одинокая свеча мерцала на столе, делая ее волосы такими же серебряными, как ее платье. Она несла на лбу луну. Бутылка «Романи-Конти» стояла на белой скатерти рядом с широким винным бокалом. Он был наполнен так, что из него вытекало, из этого бокала, и розовые пузырьки оседали на его краях. Он очень хотел пить, и она была прекраснее любой, кого он когда-нибудь раньше видел, и ее ожерелье лучилось, и с озера прилетел прохладный ветерок, и было что-то, что-то, что он должен был вспомнить...

Он шагнул к ней, и его латы слегка зазвенели от его движения. Он потянул руку к кубку, и его правая рука онемела от боли и повисла вдоль тела.

— Ты ранен!

Медленно, он повернул голову. Кровь струилась из открытой раны на бицепсе, текла вниз по руке и капала с пальцев. Его латы были пробиты. Он заставил себя отвернуться.

— Выпей это, любимый. Это исцелит тебя.

Он стоял.

— Я подержу стакан.

Он смотрел на нее, в то время как она поднимала кубок к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Она не ответила ему, но ответило что-то в том, как выплеснулись на берег воды озера.

«Ты Рендер, Формировщик».

— Да, я помню, — сказал он и, обратив свой ум на ложь, которая могла бы разрушить всю иллюзию, он заставил свою гортань произнести: «Эйлин Шелот, я ненавижу тебя».

Мир содрогнулся и поплыл вокруг него, был сотрясен, будто гигантским рыданием.

— Чарльз! — закричала она, и чернота опустилась на них.

— Проснись! Проснись! — закричал он и его правая рука горела и кровоточила в темноте.

Он стоял один посреди белой равнины. Она была безмолвной, она была бесконечной. Она изгибалась вдаль к граням мира. Она испускала свой собственный свет, а небо было не небом, а ничем. Он был один. Его собственный голос вернулся к нему эхом, отразившись от края мира: «... ненавижу тебя, — произнес он, — ненавижу тебя».

Он упал на колени. Он был Рендер, Формировщик.

Он хотел плакать.

Красная луна появилась над равниной, излучая мертвенный свет на все вокруг. Слева от него была стена гор, справа другая.

Он поднял правую руку. Он помог ей левой. Он сжал правый кулак, вытянул указательный палец. Он достал луну.

Тогда с гор раздался вой, ужасный вопль — получеловеческий, он был весь вызов, весь одиночество и весь раскаяние. Он увидел тогда попирающего горы хвостом, сбивающего снег с их высочайших вершин Волка Севера — Фенрира, сына Локи — восставшего против небес.

Он прыгнул в небо. Он проглотил Луну.

Он приземлился рядом с ним и его огромные глаза заблестели желтым светом. Он пошел за ним на беззвучных лапах, через холодные белые поля, которые лежали между горами; Рендер пятился от него вверх на холмы и вниз в долины, над трещинами и расщелинами, по равнинам, мимо сталагмитов и горных вершин, над гранями ледников, мимо замерзших рек и всегда вниз — пока его горячее дыхание не омыло его и его пасть не распахнулась широко над ним.

Мир отскочил назад. Он заскользил по склонам. Вниз. Скорее.

Прочь...

Он оглянулся через плечо. Вдалеке скачками двигалась за ним серая тень.

Он чувствовал, что она может догнать его, если захочет. Ему нужно бежать быстрее.

Мир завертелся вокруг. Начал падать снег.

Он продолжал гонку. Впереди пятно, излом линии...

Он прорвался сквозь снежную вуаль, которая сейчас, казалось, падает вверх, с земли — как цепочки пузырьков.

Он приблизился к раздробленному остову.

Как пловец приблизился он — неспособный открыть рот и заговорить из страха утонуть — утонуть и не узнать, никогда не узнать.

Он не мог продолжать свое движение вперед; как приливной волной его несло к останкам. Наконец, он остановился перед ними.

Некоторые вещи не меняются никогда. Это вещи, которые давно перестали существовать как объекты и остались просто событиями вне той последовательности элементов, которая называется Временем.

Рендер стоял там и его не волновало, что Фенрир может вспрыгнуть ему на спину и выесть его мозг. Он закрыл глаза, но не мог перестать видеть. Сегодня — нет. Его не интересовало ничего. Мертвой у его ног перед ним лежала большая его часть.

Раздался вой. Мимо него проскользнула серая тень.

Исполненные злобой глаза и кровавая пасть погрузились в разбитую машину, сквозь сталь, стекло чавкая, нащупывая внутри...

— Нет! Тварь! Поедатель трупов! — закричал он. — Мертвые священны! Мои мертвые — священны!

Тогда в его правой руке оказался скальпель, и он умело взрезал сухожилия, пучки мышц в напряженных плечах, мягкое брюхо, трубки артерий.

Плача, он расчленил монстра, сустав за суставом, и кровь все текла и текла, загрязняя машину и останки в ней адскими животными соками, капающими и струящимися, пока вся равнина не покраснела и не стал корчиться под ними.

Рендер упал на разбитую крышу, и она стала мягкой и теплой и сухой. Он рыдал на ней.

— Не плачь, — сказала она.

Тогда он оперся о ее плечо, держась за нее крепко, там, у озера, черного под луной. Одинокая свеча

мерцала на их столе. Она поднесла стакан к его губам.

— Пожалуйста, выпей это.

— Да, дай мне его!

Он проглотил вино, которое было сама мягкость и легкость. Оно обожгло его. Он почувствовал, что его силы возвращаются.

— Я...

— Рендер, Формировщик, — всплеснулось озеро.

— Нет!

Он повернулся и побежал снова, ища разбитую машину. Он должен был пойти обратно, вернуться...

— Ты не сможешь!

— Я смогу, — закричал он. — Я смогу, если буду пытаться...

Желтое пламя кольцом пробивалось сквозь густой воздух. Желтые змеи обвивались, сверкая вокруг его лодыжек. Потом сквозь мрак, двухголовый и возвышающийся как башня, приблизился его противник.

Маленькие камни трещали под них. Удушливый запах ворвался в его ноздри и в голову.

— Шейпер! — раздался рев одной из голов.

— Ты вернулся рассчитывать! — Вскрикнула другая.

Рендер смотрел на них, вспоминая.

— Между нами нет расчетов, Тамиэль, — сказал он. — Я победил тебя и сковал тебя для Ротмана, — да, его звали Ротман — кабаллиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Возвращайся в Клифот. Я изгоняю тебя.

— Это место и будет Клифот.

— ...Именем Хамаэля, ангела крови, духами Се-рафимов, Именем Элохима Гебора я приказываю тебе исчезнуть!

— Как-нибудь в другой раз. — Обе головы рассмеялись.

Он двинулся вперед.

Рендер медленно пятился, его ноги сковывали желтые змеи. Он чувствовал, как за ним открывается бездна. Мир был разваливающейся на части головоломкой.

— Сгинь!

Гигант заревел своим двойным смехом.

Рендер остуился.

— Сюда, любимый!
Она стояла в маленькой пещерке справа от него.
Он покачал головой и продолжал пятиться к
бездне.

Тамиэль бросился на него.

Рендер упал навзничь на краю.

— Чарльз! — закричала она и с ее криком мир
затрясся, разваливаясь на части.

— Тогда *Vernichtung*¹, — ответил он, падая. —
Я присоединяюсь к тебе, в темноте.

Все пришло к своему концу.

— Я хотел бы видеть доктора Чарльза Рендера.

— Извините, но это невозможно.

— Но я проделал всю дорогу специально, чтобы
его поблагодарить. Я новый человек! Он изменил
мою жизнь!

— Извините, мистер Эриксон. Когда вы звонили
утром, я сказал вам, что это невозможно.

— Сэр, я Полномочный Представитель Эриксон —
и Рендер однажды оказал мне большую услугу.

— Тогда и вы можете сейчас оказать услугу ему.
Пойдите домой.

— Вы не можете со мной так разговаривать!

— Я только что это сделал. Пожалуйста, уйдите.
Может, когда-нибудь, в следующем году...

— Но несколько слов могут сделать чудеса...

— Приберегите их!

— Я... — Извините...

Каким бы это ни было красивым, окрашенным ро-
зовым светом утра, в пузырящийся парный котел мо-
ря — он знал, что это должно кончиться. Поэтому...

Он сошел с лестницы высокой башни и вошел во
двор. Он прошел в увитую розами беседку и посмот-
рел вниз на ложе, стоящее в ее середине.

— Доброго утра, милорд, — сказал он.

— Того же и тебе, — ответил рыцарь, кровь кото-
рого смешивалась с землей, цветами, травами, выте-
кая из его раны, сверкая на его латах, капая с его
пальцев.

— Не затянулась ли?

¹ Здесь — «Рассыпья» (нем.).

Рыцарь покачал головой.

— Я пуст. Я жду.

— Ожидание ваше почти закончено.

— Что ты речешь? — Он сел прямо.

— Корабль. Он подплывает к гавани.

Рыцарь встал. Он прислонился к мшистому стволу. Он смотрел на огромного бородатого прислужника, который продолжал говорить, словами, грубыми от варварских акцентов:

— Он идет, как черный лебедь, впереди ветра — возвращается.

— Черный, изрек ты? Черный?

— Паруса черны, Лорд Тристан.

— Ты лжешь!

— Вы хотите видеть? Видеть сами? — Тогда смотрите!

Он сделал жест рукой.

Земля содрогнулась, стена опрокинулась. Пыль взвилась и осела. С места, где они стояли, они видели корабль, приближающийся к гавани на крыльях ночи.

— Нет! Лгал ты мне! Смотри! Они белы!

Заря танцевала на воде. От парусов корабля на воде бегали тени.

— Нет, ты, глупец! Черны! Они должны...

— Белы! Они белы! Изольда! Ты вернулась!

Ты сохранила верность

Он побежал к гавани.

— Вернись! Ты ранен! Болен! Стой!

Паруса белели под солнцем, которое было красной кнопкой, которой быстро коснулся прислужник.

Упала ночь.

В 1991 году выходят в свет:
6 номеров журнала «БОБОК»;
24 номера альманаха «БОБОК»:

1. СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Рут ЧЭТТЕРТОН, Уильям Хоуп ХОДГСОН, М. Р. ДЖЕЙМС*).

2. САМОЕ ВРЕМЯ САЖАТЬ БЕГОНИИ (*Хуан Игнасио ФЕРРЕРАС*).

3. КОКОН. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Джон ГУДВИН, Уилл Ф. ДЖЕНКИНС, Стюарт КЛОЭТ, Генри СЛИЗАР*).

4. ТЕНЬ ДЕМОНА. Из коллекции Лина КАРТЕРА (*К. Дж. ЧЕРРИШ, Гарднер Ф. ФОКС, Гари МАЙЕР*).

5. ВЕСЬ ГОРОД СПИТ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Ширлей ДЖЕКСОН, Джон КОЛЛБЕР, Рэй БРЭДБЕРИ*).

6. БОБОК. (*Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. К. СОЛОГУБ, И. БАБЕЛЬ, Ю. ОЛЕША*).

7. ПАЛЕЦ! ПАЛЕЦ! Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Эдвард Д. ХЕЧ, Эдвард Л. ПЭРРИ, Дон СТЭНФОРД, Маргарет РОНАН, Дж. ХИТЧКОК*).

8. СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА. (*А. К. ТОЛСТОЙ, Ф. К. СОЛОГУБ*).

9. ВТОРАЯ НОЧЬ В МОРЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Бретт ХОЛЛИДЕЙ, Фрэнк Белкнап ЛОНГ, Ричард МАТЕСОН*).

10. МЕЧ ГОБЛИНОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА (*Джордж Р. Р. МАРТИН, Рауль Гарсиа КАПЕЛЛА*).

11. СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Роберт АРТУР, Сирил ХЬЮМ, Полина СМИТ, Джек РИТЧИ*).

12. ПАРАДИЗ II. (*Роберт ШЕКЛИ, Роджер ЖЕЛЕЗНЫ, Лион МИЛЛЕР, Фредрик БРАУН*).

13. КСЮРХН. Из коллекции Лина КАРТЕРА (*Танит ЛИ, К. А. КАДОР, Кларк Эштон СМИТ, Гари МАЙЕР, Джр. Вальтер ДЕВИЛЛ*).

14. ХАРЯ И КУЛАК. Сказочки Федора СОЛОГУБА.

15. НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Майкл ГАМИЛЬТОН, Роалд ДАЛ*).

16. ЦЫГАНСКИЙ РУБЛЬ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.

17. ЧЕРНО-ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС ИЛИ ШОФЕР ОРАНЖЕВОГО ГРУЗОВИКА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА (*Алиса КЛИН, Мэкс МОРРИСС, Роалд ДАЛ*).

18. ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ. Из собрания Ивана СТЕКЛЯНИЩЕВА.

19. ДЕВОЧКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ. Из сборника «Вампиры в полночь» (*Фриц ЛЕЙБЕР, Ута ГЭЛЛОП*).

20. ЛЕНИНИАДА. Из собрания Александра СЕГЕНЯ.

21. ТЕРАГРАМ. Из коллекции Айзека АЗИМОВА (*Уильям ТЕНН, Эвелина Э. СМИТ, Мадлен Л'ЭНГЛЬ, Филлис МАКЛЕННАН*).

22. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ ГЕНЕРАЛА К. А. ЛУГИНА. С комментариями компетентных органов (*Дм. СУЧКОВ*).

23. ЗНАК САТАНЫ. (*Мануэль КИНТО*).

24. СМЕРТЬ В КАНЬОНЕ. Из собрания Сергея ДОЛЖЕНКО.

В помещении редакции номер альманаха можно приобрести за 2 рубля, а номер журнала за 5 рублей. (1 рубль «БОБКА» эквивалентен 3 канадским долларам). За происходящее на остальной территории Сов. Союза, равно как и за его необъятными пределами, редакция ответственности не несет.

Распространением альманаха, журнала, библиотечки журнала «БОБОК» и подобной печатной продукции занимается Товарищество с ограниченной ответственностью «БОБОК».

Издательство «БОБОК» принимает заказы от граждан СССР, иностранных подданных и лиц без гражданства на издание произведений «за счет средств автора».

Адрес одноименных редакций, Товарищества и издательства «БОБОК»:

103104, Москва, К-104, а/я 26. Всегда рады гостям. Телефон (с 20 до 22 ч.): (095) 176—8087. Факс (круглосуточно): (095) 263-0389 for Iv. LOGUINOV.

